

Я - твоё возмездие....

Блейд. Наследие

Книга 3

Валя Шопорова

Валя Шопорова
Блейд. Наследие. Книга 3

«Издательские решения»

Шопорова В.

Блейд. Наследие. Книга 3 / В. Шопорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904409-9

Он стал убийцей уже по факту своего рождения, потому что его мать умерла при родах. В детских приютах, где прошло всё его детство, он получил прозвище «Проклятое дитя», потому что все, кто принимал его в свою семью, загадочным образом умирал. Его часто называют странным, но никто даже не представляет, насколько велика его тайна. Его зовут Микки Мейерс, и, когда он скажет вам: «Приятно познакомиться», лучше бегите...

ISBN 978-5-44-904409-9

© Шопорова В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	44
Глава 9	53
Глава 10	63
Глава 11	68
Глава 12	71
Глава 13	80
Глава 14	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Блейд. Наследие Книга 3

Валя Шопорова

© Валя Шопорова, 2018

ISBN 978-5-4490-4409-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

2037 год, январь.

...Я смотрю в ночь. Ночь смотрит в меня. Идиллия...

За окном давно застыла, словно окоченев, мрачная зимняя ночь, так отдалённо и в то же время остро напоминающая медленно остывающее тело с распахнутыми остекленевшими глазами – тело того, с кем ты был когда-то знаком...

Воображение так и рисовало побледневшие в своём цвете радужки и максимально расширенные зрачки, которые больше не выглядят привлекательно и глубоко чёрными, а смотрятся какими-то грязными, похожими на лужи пролитой нефти.

Бледная кожа и светлые блеклые волосы, жилистое тело с недостатком веса, высокий рост и длинные конечности – почему-то именно таким виделся «труп тёплой зимней ночи». Без причин. Просто.

За окном не было ни луны, ни звёзд. Вернее, они наверняка были там, за грязноватыми облаками, но разглядеть их было невозможно ни невооружённым глазом, ни при помощи оборудования начинающего астронома. Слишком плотными были грязные облака, и слишком много их было натянуто над австрийской столицей с её прекрасными шпилями замковых башен и привлекательными улочками, которые так и кричат своим жителям и приезжим туристам: «Проходите в сказку и оставайтесь! У нас хорошо!».

Сказка... Да, безусловно, зимняя Вена до неприличия напоминала прекрасный город из самых волшебных грёз. Заснеженные широкие проспекты и припорошенные лёгкой белой пылью самые мелкие улочки, вымощенные брусчаткой, которая досталась горожанам в наследство от предков. Поражающие воображение церкви и дворцы, в окнах которых, кажется, вот-вот мелькнёт фигура какого-нибудь короля или лорда. Мелькнёт, недовольно нахмурится и скажет: «Негоже господам спать мешать. Гасите свечи, закрывайте глаза и отходите на покой. Иначе ваши глаза навечно закроются на коленях перед гильотиной...».

И даже то, что сейчас на улицах не было снега – спасибо необычно тёплой погоде – не портило красоты города. Разве что чуть-чуть...

Тут и там была слякоть, стены домов были влажными, а асфальт и почва никак не могли просохнуть из-за стремительно тающего снега, которого ещё недавно было так много на улицах. Постоянно можно было увидеть прохожих, которые снимали свои шарфы и шапки, расстегивали куртки прямо на ходу. Даже ночью, когда, как известно, всегда бывает холоднее, не приходилось мёрзнуть. Температура не опускалась ниже нуля по Цельсию уже четыре дня. И только иногда, после полуночи, можно было озябнуть тем, кого некому согреть – тем, кому в щели окон дует, а в душе и вовсе сквозит.

За окнами венских домов вид в большинстве случаев был красив и интересен. И не важно – выходили ли окна на главную площадь города или в тихий уютный дворик. Но было кое-что, что казалось ещё более интересным, чем виды сказочных улочек и зимних проспектов – жизнь по ту сторону окон и дверей обитателей «волшебного города». Ведь там, за каждым окном, за каждым слоем кирпича или бетона, из которых были сотворены стены, разворачивалась отдельная маленькая сказка. Сейчас, в первом месяце нового года, когда все ещё продолжали жить в атмосфере праздников, веселья и семейного уюта, жизнь за каждым окном была волшебной историей со своими персональными героями: счастливой матерью трёх детей, которая печёт самые вкусные пироги в округе, молодым и подающим надежды студентом, который буквально на днях выиграл грант на свои исследования, или устало улы-

бающимся отцом семейства, который один воспитывает маленького сына и дочку, работает на двух работах, чтобы они ни в чём себе не отказывали, но всё равно находит время и читает им каждый вечер перед сном сказки. Каждый из этих людей заслуживает своей персональной сказочной истории, заслуживает зваться героем. А сколько их там, за стёклами окон, ещё...

Где-то всё ещё горит свет, несмотря на то, что уже далеко за полночь, и легко можно разглядеть жизнь и быт этих людей. Где-то уже давно – или недавно – темно и все спят – завтра рано вставать на работу или учёбу, а, может быть, они просто устали и хотят хорошенько выспаться, чтобы вновь быть счастливыми и «волшебными» в новом дне и соответствовать сказке, в которой они живут. А ещё были те, последние окна, света в которых видно не было уже давно, но, за стёклами которых, не было места сну...

Такие окна располагались на седьмом этаже тридцать четвёртого дома по улице Бейкерштрассе. Там, за тонким стеклом, разворачивалась жизнь, и продолжал бодрствовать хозяин квартиры номер шестьдесят девять.

Он сидел за столом на кухне, расположив левую руку на прохладной столешнице и бесшумно выбивая кончиками пальцев мягкие трансовые мотивы с лёгким налётом нагнетания. Взгляд его был устремлён в окно, что располагалось перед столом, и, казалось бы, бессмысленно впивался в грязную ночь и чёрно-сизые облака, изучал их, будто бы пытаясь найти нечто, что может отыскать лишь самый упорный или отчаянный – тот, кто досидит до трёх утра, не смыкая глаз, не включая света и телевизора, и сможет не сойти с ума.

Но для этого парня смысл в его «бессмысленном» занятии был – необъяснимый и мало понятный, но был. Минута за минутой, час за часом он смотрел в ночь, не замечая ни течения времени, ни сонливости, которая обязана посетить каждого в столь поздний час. Время остановилось примерно в полночь, а сон не хотел идти к нему, будто организм его вовсе не нуждался в отдыхе.

Он любил ночь. Любил, наверное, как ничто иное в этом мире. И он любил темноту, которая была её верной спутницей. Именно поэтому так часто едкого для глаз электрического света нельзя было увидеть в окнах его дома. Он никогда не видел смысла отказываться от своих страстей и отказывать себе в них. И, тем паче, глупо было бы отказываться от удовольствия, получить которое так легко.

Просто ночь. Просто темнота. Просто тишина. Просто бутылка вина в тридцати сантиметрах от правой руки. Сегодня у него был праздник...

Кап.

Этот звук прозвучал слишком громко в тишине пустой квартиры и отозвался эхом от всех стен, начал скакать шариком для пинг-понга внутри черепной коробки и отскакивать от её несущих стенок.

Кап.

Не эхо – новый звук разбивающейся об пол алой капли. Парень поморщился, совсем слегка изламывая губы, и продолжил смотреть в окно, в ночь. Ещё не время отвлекаться и разрывать зрительный контакт с тёмной царицей, которая много часов назад захватила «сказочный город» в свои объятия и пока что не собиралась его отпускать. Она такая родная – эта ночь. Родная с самого рождения, с самого первого вздоха и первого крика, который знаменовал собой начало новой жизни и конец другой.

Он родился ночью, после полуночи, в первые минуты нового дня. И, верно, именно поэтому так любил тёмное время суток и пронёс эту любовь через всю жизнь. Даже в детстве, в отличие от большинства сверстников, он не боялся темноты. И, хоть такой страх и нашёл его однажды, лет в пять, но он продлился не более месяца и не смог охладить его главной страсти всей жизни.

Кап.

Опять этот звук. Капля насыщенной цветом влаги срывается вниз и разбивается об пол. Там, на тёмной плитке, алый цвет совсем незаметен и лишь лёгкий влажный блеск выдаёт присутствие на полу того, чего там быть не должно. Лёгкий кровавый блеск...

Парень моргнул несколько раз, широко раскрывая глаза, которые в этой темноте казались совсем чёрными, слишком глубокими – две чёрные дыры, не иначе! Или два тихих омута, на дне которых мирно спят черти: отдыхают и ожидают своего часа.

Он вновь закрыл глаза, делая окружающую его темноту ещё более абсолютной, задерживаясь так на несколько секунд, а затем поднял веки, найдя взглядом тёмный провал окна дома напротив. Там все уже спали: давно и точно спали. Но парню было всё равно: он не следил за обитателями данной квартиры и не пытался этого делать. Но взгляд его невольно зацепился за эту «пустую глазницу» с миниатюрным закругленным карнизом и белокаменным украшением под ним.

Кап.

На полу уже образовалась багровая лужа, которая оставалась невидимой из-за тёмного цвета пола и густой зимней ночи за окном, но легко могла убить, если на ней поскользнуться. Это могло бы стать самой глупой и в тоже время самой ожидаемой смертью для такого, как он – этот парень, который наслаждался тёмными оттенками ночи с нотками кроваво-алого, одиночеством и тишиной. Рано или поздно на эту лужу нужно будет обратить внимание, нужно будет уничтожить её, чтобы она не уничтожила его.

Парень слегка поднял уголки губ. «Уничтожь, либо уничтожат тебя» – правда жизни и её философия, истина, которую познают на опыте, если, конечно, успевают.

«А как же божьи законы? – порой задавался он вопросом и тут же находил на него ответ: – Если нас всех создал бог, то он ожидал, что именно так и получится. Потому к его законам просто обязаны быть поправки. Они точно есть. Просто, не все о них знают...».

Избранные. Знающие больше, чем все остальные – такие люди всегда были и всегда будут. Они будут занимать престолы и высшие посты, держать на своих счетах самые большие суммы и с лёгким снисхождением, а скорее пренебрежением, смотреть на остальных – обычных людей, которые являются для них не больше, чем неосмысленной биомассой, способом достижения своих целей и развлечением.

Да, наверное, лучшего времени для размышлений, чем ночь, придумать просто невозможно. Под её чёрным покрывалом рождаются самые смелые и дикие идеи. И под этим же покрывалом оголяются самые тёмные желания и сущности, живущие внутри добропорядочных граждан: любящих жён, степенных мужей и верных возлюбленных.

Молодой человек слегка нахмурился и наклонился вперёд, ставя на стол локоть и подпирая рукой голову. Сколько он знал таких – идеальных при свете дня, но давящихся внутри себя своими животными и тёмными желаниями?

«Немало... – ответил на вопрос, порожденный своими же размышлениями, парень. – А сколько их ещё в мире? Наверное, все...».

Кто-то мечтает об изнасиловании и не важно – его самого будут насиловать или кого-то другого. Кто-то мечтает увести мужа у сестры и задыхается по ночам от оргазма, представляя его и с остервенением пихая в своё тело лиловый фалломинатор. Кто-то мечтает трахнуть тринадцатилетнюю падчерицу и облизывается на неё, тайком подглядывая, как она переодевается. Кто-то мастурбирует на собственную сестру...

Ему казалось, нет, он был уверен, что большинство «грехов» в этом мире связаны с сексом, удовлетворением самых первобытных инстинктов и запретом это делать. И слово «грех» не просто так взято в кавычки, потому что такие тёмные желания совсем не обязаны быть преступлениями против морали – нужно лишь успеть вовремя признаться в них себе и принять их. В таком случае ты сумеешь стать счастливым, пусть даже общество осудит. А бог... А бог простит.

Кап.

Этот звук начинал понемногу раздражать, резать изнеженный тишиной слух, но ещё не настолько, что заставить хозяина тёмной кухни повернуть голову, оценить размеры лужи и наконец-то вытереть её.

Кап.

Может быть, будь сегодня любая другая ночь, другой день, парень бы и разозлился на назойливое капанье, раздражился. Но сегодняшняя ночь была особенной, вмещающей в себе очередное важное событие, праздничной. Но этот праздник было бесполезно искать среди красных дней календаря. Он был персональным и, можно сказать, тайным.

Кап.

Не смотря, молодой человек нашёл рукой бокал, обхватывая длинными пальцами его изящную ножку, и поднёс к губам. На дне осталось как раз полтора глотка – хватит, чтобы промочить горло и добавить ещё немного «алого огня» в кровь и искр праздника в глаза. Никто не отнимет у него этого момента – не отнимет потому, что рядом никого нет. Да, бывают такие мгновения, которые лучше ни с кем не делить, потому что люди могут не понять и всё испортить. Иногда людям нет места...

Кап.

Время приходит для всего. И для того, чтобы обратить внимание на источник назойливого звука, оно тоже пришло. Повернув голову, парень взглянул на лоснящуюся влагой лужу, миниатюрным океаном растёкшуюся по тёмному кафелю. В приглушенных цветах ночи этот «океан» казался не кроваво-рубиновым, которым являлся, а тёмно-бардовым, почти чёрным, жутким.

Кап.

Новая капля сорвалась с края стола и упала в «тёмный океан», выбивая из него брызги-бриллиантики. Такой бардовый, такой насыщенный...

Капля за каплей алая жидкость расплывалась жутковатой лужей по полу. Ей не место там, на тёмной плитке неосвещённой кухни, совсем не место, но уже ничего не исправить...

Встав, молодой человек взял из шкафчика швабру и, осторожно, чтобы не породить новых брызг, опустил её в кровавую лужу, аккуратными движениями стирая её, позволяя тряпке сделать своё дело и впитать алую жидкость до последней капли.

Такая бардовая, такая идеальная «кровь»... но эта неаккуратная, прекрасно лоснящаяся во тьме лужа была всего лишь неосторожно пролитым вином. В этот раз всего лишь вино...

Расправившись с лужей, парень отставил швабру, прислоняя её к тумбочке, чтобы не упала, и поднял опрокинутую бутылку вина, на дне которой ещё остался плескаться глоточек рубинового напитка. Перелив остатки напитка в бокал, молодой человек поднял его и поднёс к лицу, рассматривая оттенки бордо, что так чудесно и завораживающе переливались в темноте и неясном свете фонарей, который проникал в не зашторенное окно.

Там, в бокале, плескалось от силы два глотка вина, остальное бессовестно пролилось и пало в неравной схватке со шваброй. Запасной бутылки у парня не было. Обычно он имел в своём жилище запасы алкоголя, но, почему-то, они имели традицию слишком быстро заканчиваться в самый неподходящий момент. Или подходящий? Ведь ничего в этой жизни не бывает случайным...

– *Извини, это, наверное, я,* – произнёс женский голос в голове парня, который он называл «Крёстной».

«Крёстная» была одним из «голосов», которые жили внутри черепной коробки этого молодого человека с раннего детства и были его неизменными спутниками. Хотя бы поэтому ему не было смысла искать общества и нуждаться в нём – он никогда не бывал в полном одиночестве.

– Ничего страшного, – чуть улыбнувшись, ответил парень. – Сегодня моей целью не было напиться до беспамьяства. А даже, если бы я хотел это сделать, двух бутылок вина для этого было бы маловато...

«Крёстная» не ответила, удалившись за видимую грань сознания. Она была самой немногословной и, верно, приятной из «обитателей» головы парня, насколько такое вообще может быть приятным. Но он давно привык и к этой своей «родственнице», и ко всем остальным, сумел с годами подружиться с ними и найти общий язык. В противном случае его участь была бы незавидна и легко предсказуема: пожизненное заточение в мягких стенах психиатрической больницы и медленное гниение души, а затем и тела. Но он сумел справиться и убедить всех в том, что тяжкий недуг позади, в том, что он не представляет опасности для социума. А о том, насколько его поступок был правилен, он не думал. Каждый выживает, как умеет. И он выживал. И выжил.

«Праздник окончен, – подумал молодой человек. – Теперь его больше нет смысла растягивать и продолжать».

Он слегка улыбнулся, не обнажая зубов, и произнёс:

– За меня, – после чего залпом осушил бокал и убрал его в посудомоечную машину.

Пустая бутылка отправилась в мусорное ведро. Праздник действительно был окончен – праздник, про который никто не знал. Сегодня он праздновал свой день рождения, хотя, на самом деле он наступил два дня тому назад. Это было его своеобразной неизменной традицией – праздновать это важное событие в жизни каждого человека не в тот день, когда оно на самом деле свершилось.

Пройдя к двери, парень бросил взгляд на часы, которые показывали четыре утра тридцать семь минут. Самое время, чтобы отправиться в постель.

«Так и поступлю», – подумал молодой человек и покинул кухню.

Быстро преодолев расстояние до ванной, он щёлкнул выключателем и открыл дверь, переступая порог просторного и светлого помещения, выполненного в кремовых и желтых цветах с лёгким добавлением кофейного в деталях, вроде орнамента на шторке для душа и тёмной линии на плитке высотой в тридцать сантиметров около пола.

Закрыв за собой дверь и заперев её, парень подошёл к раковине и, едва дойдя до неё, стянул тёмно-серую, почти чёрную футболку и повесил её на крючок для одежды. Бросив беглый взгляд в зеркало над умывальником, парень упёрся в его края руками, чуть склоняясь вперёд, и, прищурившись, взгляделся в своё отражение внимательнее, придирчивее, изучая каждую черту собственного лица и тела, подобно скрупулёзному учёному, который первым нашёл удивительную форму внеземной жизни. И посмотреть было на что.

Тёмные, красиво стриженные и уложенные волосы, рваной неровной чёлкой прикрывающие лоб и падающие на правый глаз. Тёмно-карие глаза оттенка горького шоколада, которые так часто, и даже сейчас, при ярком свете, смотрелись чёрными. Невероятно прекрасные черты лица, которые будто бы высекал из благородного мрамора некий искусный скульптор. Густые тёмные брови, большие глаза, прямой нос, создающий потрясающий характерный профиль, ярко выраженные скулы, пухлые губы: нижняя намного пухлее, а верхняя имеет резкий изгиб «лука амура», крупный подбородок.

Взгляд спускается ниже. Острые ключицы и широкие прямые плечи, лишённая волос грудь, плоский живот с ярким контуром крепкого пресса. Несмотря на излишнюю стройность этот парень не был лишён того мышечного рельефа и каркаса, который делает мужское тело мужским.

А дополняли картину загорелая кожа, которая сохранила приятный «южный» оттенок, несмотря на то, что отдых под жарким солнцем закончился почти два месяца назад, и россыпь искусных, но, местами, совершенно сумасшедших татуировок. Таким «сумасшествием» была странная надпись на левой лопатке парня, гласящая: «Не рассказывай маме

и богу об этом», и чёрные буквы на его левом запястье, складывающиеся в имя: «Микки Мейерс». Это может показаться более, чем странным – делать татуировку с собственным именем. Но ему захотелось это сделать в шестнадцать лет, и он это сделал.

Слегка подняв уголки губ, улыбнувшись больше не ими, а глазами себе из зазеркалья, Микки включил воду и, настроив комфортную тёплую температуру, набрал её полные ладони и плеснул в лицо.

Но не успел брюнет покончить с умыванием, когда в его кармане зазвонил, разрываясь тяжёлой мелодией, мобильный телефон. Протерев глаза от воды и стряхнув её капли с рук, парень достал телефон, бросая взгляд на экран, а затем отвечая на звонок.

– Привет, Клер, какими судьбами звонишь в столь поздний, а правильнее будет сказать ранний час? – произнёс брюнет, уменьшая напор воды и беря зубную щётку, намачивая её и выдавливая на неё немного пасты.

– Привет, Микки, – поздоровалась в ответ женщина. – А ты уже забыл, что я собиралась к тебе в гости?

– Ты знаешь, что я рад тебя видеть в любое время дня и ночи, – честно ответил брюнет и сунул зубную щётку в рот, перекладывая мобильный телефон в левую руку. – И, нет, я не забыл про твой визит.

Несколько секунд он молчал, посвятив их чистке зубов, а затем добавил, спрашивая:

– А ты уже прилетела?

– Да, прилетела. И регистрацию прошла. Я уже стою на крыльце и медленно намокаю.

– Там идёт дождь или дело в тебе? – усмехнулся парень, смотря в собственные глаза из отражения.

– Дождь, – недовольно отозвалась женщина, она не любила мокрую погоду. – Вернее, морось. Но мне от этого не легче, потому что у меня нет с собой зонта.

– Значит, лови такси и приезжай ко мне. Адрес ты помнишь?

– Помню. Я его записала.

– Отлично, – кивнул Микки. – Только, Клер, сразу хочу предупредить, что я скоро лягу спать.

– Я сама хочу уже снять туфли, вытянуть ноги и лечь спать. Сам знаешь, что такое долгая дорога...

– Да, знаю.

– Так что, открой мне дверь и, если у тебя есть коньяк, то налей для меня бокальчик. Нужно согреться.

– У меня нет коньяка, – равнодушно ответил брюнет, продолжая лениво чистить зубы.

– Это плохо. Ладно, надеюсь, я найду какой-нибудь круглосуточный магазинчик по дороге к тебе.

– Думаю, что найдёшь. Всё-таки, Вена далеко не самый захудалый городишко и ночная жизнь здесь кипит во всю.

– Ага, я вижу, – отозвалась женщина, провожая взглядом компанию молодёжи, которая проехала мимо неё, высунувшись из окон автомобиля и не то крича, не то распевая песни.

Помолчав несколько секунд, проводив компанию молодых людей до угла, за которым они скрылись, Клер вернулась к разговору и Микки, который не особенно скучал в тишине и молчании, посвящая это время гигиене полости рта.

– Я буду минут через сорок, – вернулась к разговору Клер. – Ты дождёшься меня?

– Дождусь, – кивнул Микки.

Отложив зубную щётку, он склонился над раковиной и сплюнул зубную пасту, после чего добавил:

– Думаю, я не усну. Как раз, душ приму, расстелю постель и подготовлю твою спальню.

– Хорошо, Микки. Как раз такси подъехало. До встречи!

– До встречи. И, если не буду открывать дверь, звони на мобильный. Звонок в дверь я могу и не услышать, а вот телефон всегда со мной.

– Договорились, – согласилась женщина.

Не дожидаясь дальнейших её реплик и не видя смысла в продолжении разговора, который привёл к главному – к договоренности, Микки отклонил вызов и положил телефон на полочку над раковиной, после чего избавил себя от штанов, трусов и носков и отправился в душ. Это не было его нерушимой традицией, привычкой, но иногда освежиться перед сном бывало очень приятно, а спалось потом крепче обычного.

Настроив приятную тёплую температуру воды, брюнет встал под её расслабляющие струи, отдавая своё тело в её власть, закрывая глаза и запрокидывая голову. Тёплый поток воды бил в район левой ключицы, забрызгивая лицо и увлажняя длинные пряди чёлки.

Не открывая глаз, Микки отступил немного назад, чтобы поток воды ниспадал на грудь, и прикоснулся к своим плечам с острыми ключицами, повёл вниз по груди, по животу, даря ещё большее расслабление и наслаждение, ощущая под ладонями каждую мышцу собственного тела, каждую выступающую кость и каждую линию рельефа.

Глава 2

Микки покинул ванную комнату и направился в гостиную, по дороге подсушивая мокрые волосы полотенцем. Уже наступил следующий день, время уже близилось к четырём часам дня. И, пусть проснулся парень около двенадцати, но до душа он добрался только сейчас. Так часто бывает – когда, вроде бы, ничего толком и не делаешь, а время стремительно утекает в никуда и стремится к новому завтра.

Пройдя в гостиную, брюнет последний раз энергично растёр волосы, после чего слегка пригладил их рукой и повесил полотенце на шею, оглядываясь и наконец-то обращая внимание на Клер. Женщина полулежала на диване, удобно раскинувшись на нём с книгой в руках, оформленной в мятную обложку с золотыми буквами названия и имени автора. На ней был надет длинный вязаный свитер белого цвета и ультракороткие шортики ему в тон, которых совсем не было видно из-за их неприличной длины, открывающей длинные загорелые ноги. Клер покачивала одной ногой, слегка ударяясь её коленом об колено другой ноги, и с интересом водила взглядом по строкам некрупного шрифта на белых листах.

«Наверняка, любовный роман читает», – подумал Микки, вздыхая.

Утруждаться тем, чтобы не гадать о содержимом книги, а обратить внимание на название из которого, обычно, все бывало понятно, он не стал и прошёл к глубокому креслу цвета кофе с огромной порцией молока, усаживаясь и раскидываясь в нём.

– Я уже думала, что ты никогда не выйдешь из душа, – не отрываясь от чтения, произнесла Клер и перевернула страницу.

– Я был не только в душе, – отозвался Микки.

Он слегка съехал вниз и откинул голову на спинку кресла, прикрыл глаза, смотря на подругу из-под опущенных ресниц. Он продолжил:

– До этого я долго сидел на кухне, потому и создалась иллюзия вечности.

– Да, наверное, – продолжая читать, ответила Клер. – Но мог бы и меня позвать. Или ты хотел побыть в одиночестве?

– В одиночестве, – кивнул Микки.

– Тогда, вопрос снят.

Клер всегда очень снисходительно и ровно относилась к странностям и заскокам друга. Казалось, это её совсем не волновало. И в этом был её невероятный плюс, который заставлял Микки называть эту женщину своей подругой. И, пусть эта дружба выглядела более, чем странной, но она длилась уже не первый год.

Не смотря, Клер протянула руку, несколько секунд шаря ею по деревянному журнальному столику в поисках сигарет и, когда они нашлись, вставила одну в двадцатисантиметровый мундштук, обхватывая после его конец пухлыми губами.

В поисках зажигалки ей всё-таки пришлось оторваться от чтения и обернуться, но вещь не нашлась.

Ничего не говоря, Микки достал из кармана тяжёлую металлическую зажигалку и, подойдя к дивану, на котором сидела подруга, щёлкнул ею перед лицом женщины, поджигая сигарету. Несколько раз вдохнув дым, раскурив сигарету, Клер отстранилась и, выдохнув в сторону, произнесла:

– Меня всегда удивляла эта твоя особенность – в твоих карманах можно найти всё, что необходимо для жизни. И – спасибо за огонь.

Усмехнувшись, Микки вернулся в кресло и вновь раскинулся в нём. Не убирая с лица улыбки-ухмылки, он ответил:

– Сейчас в моих карманах только зажигалка и мобильный телефон. Сомневаюсь, что этого хватит для выживания. И – пожалуйста.

Какое-то время они сидели в тишине. Клер продолжала читать, с интервалом в пять секунд, припадая губами к фильтру сигареты. А Микки наблюдал за ней, но больше за самим собой, погрузившись в собственные мысли и лениво поглаживая себя по животу, очерчивая кончиками пальцев контуры татуировки-креста, которая располагалась ближе к низу живота и захватывала в свои тёмные очертания пупок.

Но минут через пять Микки устал от молчания, сейчас у него было такое настроение, в котором тишина была совершенно необязательна.

– Что читаешь? – поинтересовался парень, складывая руки на груди и начиная притопывать босой ногой по полу.

– Коэльо «Одиннадцать минут», – отозвалась Клер, не отрываясь от страниц книги. – Я уже читала её лет двадцать назад. Вот, захотелось перечитать и проверить, насколько изменилось моё понимание некоторых вещей за прошедшие годы.

– И как? Изменилось?

– Немного... – задумчиво ответила женщина. – Теперь эта история кажется мне до ужаса банальной.

Микки пожал плечами и отвернулся, кладя правую руку на колено и начиная перебирать по нему длинными пальцами в ритмах неизвестного никому мотива.

Бесшумно вздохнув, Клер вложила в книгу закладку и закрыла её, откладывая на журнальный столик. Перевернувшись набок, лицом к парню, она подпёрла рукой голову, выжидающе смотря на друга.

– Что-то хочешь спросить? – поинтересовался Микки, продолжая смотреть в сторону.

Как он смог заметить взгляд Клер – главный вопрос. Или он его просто почувствовал? Иногда женщине казалось, что этот парень обладает некими способностями за гранью человеческого понимания, настолько, порой, его поступки и слова были странными и необъяснимыми.

– Просто решила, – ответила Клер, – что хватит уже читать и пора обратить внимание на тебя. Или ты опять планируешь убежать?

– Нет, если вдруг мне захочется спрятаться в какой-нибудь комнате, то я обещаю позвать тебя с собой, – спокойно ответил Микки. – А, если вдруг мне захочется остаться в одиночестве, – в его голосе появились едкие нотки, – то я попрошу тебя удалиться, возможно, в грубой форме.

– А не боишься, что отшлёпаю?

Встав, Клер подошла к Микки, останавливаясь перед ним, между его разведенных ног. Парень продолжал совершенно спокойно сидеть, наблюдая за подругой из-под опущенных ресниц. Это спокойствие могучего океана в его тёмных глазах могло вывести из себя любого. А, когда к нему прибавлялись искры насмешки, издёвки, вспыхивающие миниатюрными залпами на карих радужках, то его и вовсе хотелось убить...

– Как раз, – добавила женщина, медленно склоняясь к парню и упираясь руками в подлокотники кресла, – в последние годы меня всё чаще просят об этом. Так что, опыт у меня есть.

Микки едва слышно усмехнулся, прикрыв на несколько секунд глаза, не торопясь с ответом. Вновь подняв веки и увидев перед собой лицо подруги, он произнёс:

– Ты намекаешь на что-то, типа, мамочки, которая наказывает непослушного сыночка?

Не дожидаясь ответа Клер, Микки добавил, вновь прикрывая глаза и разрушая цельный образ подруги заборчиком ресниц:

– Хорошим мальчиком я особо никогда не был. Но вот наказанным за это я быть не хочу. Настрой не тот, – на последней части высказывания он слегка поморщился.

Парень окончательно опустил веки, погружая свой мир во тьму. Клер вздохнула, опустив голову и задев кончиками длинных каштановых волос с закатными переливами раска-

ленной меди, грудь Микки. Он ощутил лёгкую щётотку от этого соприкосновения, но никак не отреагировал на неё, продолжая сидеть с закрытыми глазами, слегка хмурясь.

Отняв одну руку от подлокотника, Клер протянула её и прикоснулась к плечу парня, повела вбок, проводя по острой ключице. Спустя несколько секунд таких странных поглаживаний Микки всё-таки открыл один глаз, вопросительно смотря на подругу.

– Что? – спросил парень, видя задумчивый, сосредоточенный взгляд Клер.

– Ничего, – ответила женщина, перестав трогать Микки и вставая ровно. – Просто, ты же ведь любишь татуировки, и я подумала, почему ты не украшаешь ими ключицы? Они у тебя красивые.

– Я обязательно подумаю об этом, – хмыкнул брюнет, кивая.

– Подумай, – кивнула Клер.

Она взяла со столика сигарету и мундштук, после чего вернулась к креслу, в котором сидел Микки. Взглянув на, покоящуюся на подлокотнике, руку парня, она спросила:

– Подвинешься?

Микки вновь приоткрыл глаза, несколько секунд, молча, смотря на подругу, которая терпеливо ожидала ответа.

– Подвинусь, – наконец-то ответил парень и убрал руку, на место которой тут же приземлилась пятка Клер.

Обхватив губами кончик мундштука, женщина скосила взгляд на друга, ожидая, когда он поможет ей подкурить или, хотя бы, даст зажигалку.

– Может быть, ты дашь мне зажигалку? – устав от ожидания, спросила Клер.

– Мне лень, – спокойно ответил Микки и слегка потянулся, после чего сцепил руки на затылке. – Возьми сама. Она в правом кармане.

Клер знала Микки уже не первый год и потому давно привыкла к его заскокам, которые, в принципе, особо никогда её и не задевали, не волновали. Каким бы не был странным этот парень, он был хорошим другом и просто интересным человеком. И это было для неё важнее некоторых условностей, о которых она разучилась думать много-много лет назад.

Слегка сдвинувшись вбок, чтобы получить доступ к карманам брюнета, Клер запустила руку в правый карман, медленно ощупывая его изнутри и ища зажигалку. Такие прикосновения во взрывоопасной близости от паха отзывались характерной тяжестью внизу живота. Но ощущалась она легко, так – рефлекс, инстинкт.

Микки казалось, что Клер орудовала в его кармане целую вечность, рождая внутри приятные ощущения и ассоциации. Но он никак не отреагировал на то, что подруга убрала руку, наконец-то найдя зажигалку. Раздался щелчок и в ноздри Микки проникли змейки сизого дыма, преисполненные характерным табачным запахом.

Не открывая глаз, брюнет произнёс:

– И – дай мне затяжку.

Улыбнувшись, Клер поднесла к губам парня сигарету на длинном мундштуке. Обхватив его кончик губами, Микки глубоко затянулся дымом, задерживая его в своих лёгких не меньше, чем на пять секунд. Выдохнув, он сказал:

– Твои сигареты по-прежнему с привкусом пыли. Ничего не меняется.

– Это – «Bond Street Special», Микки. Какой ещё вкус пыли?

– Обычный, – слегка пожал плечами парень.

– А ты знаешь, какова на вкус пыль? – вскинув бровь, поинтересовалась женщина, смотря на друга и покачивая ногой, ударяя брюнета по бёдрам.

– Каждый из нас знает её вкус и запах, потому что она есть повсюду, – совершенно спокойно ответил Микки.

– С тобой просто невозможно спорить... – вздохнула Клер.

– Да, я знаю.

Клер вновь поднесла мундштук к губам парня. Несмотря на «привкус пыли», Микки затянулся дымом. Остальное время они курили молча, деля на двоих одну сигарету. А, когда она закончилась, женщина вновь отошла к столу, туша окурки в пепельнице и оставляя его там, села на диван. Молчание продолжалось.

Микки продолжал рассматривать свою подругу, но это не было жестом некоего интереса, любопытства – он просто любил это делать. Медные волосы и загорелая кожа, карие глаза с вкраплениями зелёного, прямой нос и пухлые губы, которые стали таковыми благодаря достижениям медицины и косметологии. Клер была более, чем привлекательна, и в ней была та особая стать, харизма, которая заставляла обратить внимание на эту женщину. Она умела держаться в обществе и всегда знала себе цену. Знала, потому что не раз называла её.

Да, Клер была работницей «древнейшей профессии» и имела за плечами такой опыт в данной «специальности», который сложно было даже представить. А ещё она имела тот статус, который давно вывел её из ранга простой проститутки и возвёл до самого элитного эскорта. Эта женщина зарабатывала за ночь столько, сколько не каждый заработает за месяц. И ради встречи с ней не один мужчина пересекал океан. И популярность её была обусловлена, скорее, даже не её умениями в плотских утехах, а тем, что её имя давно уже стало брендом, к которому каждый хотел прикоснуться. Это совсем не та популярность, что у звёзд шоу-бизнеса, но, вероятно, она даже лучше – потому что не преследуют назойливые папарацци, фанаты, а деньги получаешь не меньшие.

Но главной особенностью Клер – тем, что отличало её от всех остальных «ночных бабочек» было то, что в своей профессии она была уже более двадцати лет. Обычно, девушки приходят к сутенёрам от безысходности и, заработав на решение своей проблемы, пытаются сбежать и вернуться к нормальной жизни. Но Клер поступила иначе. Она хотела не просто продавать своё тело, потому что это низко, а решила сотворить из этого настоящий бизнес. И у неё это получилось. Её имя было легендой во языцах, которую знал каждый, кто мог себе её позволить.

Микки слегка нахмурился, смотря на подругу и думая над тем, сколько же стоит ночь с ней? А вечер? Он точно знал это, но вспомнить сейчас не мог. В принципе, сумма могла и измениться, потому что спрашивал он об этом достаточно давно.

Даже не верится, что женщина, ночь с которой стоит не меньше пятнадцати тысяч евро и, чтобы встретиться с которой, нужно иметь определенный статус, так просто приехала к нему в гости и сидит сейчас на диване в своём милом свитере, который не может скрыть пышной груди, и бесстыдных белых шортиках. Такая недостижимая и, в то же время, такая простая Клер, такая знакомая – эта женщина вполне бы могла быть матерью Микки или, при определённых обстоятельствах, даже бабушкой. Потому что ей было уже пятьдесят лет, скоро, в марте, исполнится пятьдесят один, а ему на днях исполнилось всего двадцать.

Порой, Микки специально думал о том, что Клер является его матерью, это ужасно смешило. Хотя, на самом деле, такие мысли должны были вызывать отвращение, и в первую очередь к самому себе, потому что со своей элитной подругой Брюнет имел сексуальную связь и не раз.

Клер подняла взгляд, смотря на парня, который продолжал разглядывать её, склонив голову вбок и подперев её рукой, прикрыв глаза, пряча их тёмные оттенки под ресницами.

– Тебе не холодно? – спросила женщина, нарушая достаточно долгое молчание.

Микки неторопливо покачал головой в отрицательном жесте и вернулся в исходную позу, вздохнул. В самом деле, вопрос Клер был более, чем логичен, потому что за окном был, пусть не самый морозный, но всё же январь, а на Микки ничего, кроме неплотных чёрных джинсов, не было.

– А мне почему-то как-то зябко, – проговорила Клер и поёжилась, обнимая себя за плечи.

– Может быть, ты приболела?

– Может быть, – согласилась Клер. – У тебя есть термометр?

– Да, есть. Сейчас принесу, – ответил Микки и встал.

– Можешь просто сказать, где он лежит. Я уже успела понять, что ты сейчас находишься не в том настроении, чтобы совершать лишние телодвижения.

– Меня уже отпустило, – ухмыльнулся Микки и снял с шеи полотенце. – Принесу тебе термометр, а, заодно, закину полотенце обратно в ванную.

– Если так, то я буду благодарна тебе, – улыбнулась Клер, вновь забираясь на диван с ногами, вытягивая их и устраиваясь поудобнее.

Оставив полотенце на батарее в ванной комнате, Микки заглянул в спальню, открыл шкаф, окидывая взглядом его содержимое. Выбрав тёмно-синюю клетчатую рубашку без рукавов, парень надел её, оставляя полностью расстегнутой, и закрыл дверцы шкафа, смотря в большое зеркало, рассматривая своё отражение.

Лёгкий изгиб губ. Лукавый блеск в шоколадных глазах. Магическая притягательность черт, от которых просто невозможно отвести взгляда. Кажется, что его отражение вот-вот подмигнёт ему, настолько говорящим взглядом оно смотрело оттуда, из зазеркалья.

«Но – лучше не надо», – подумал парень, вспоминая те случаи, когда отражение в зеркале отказывалось ему подчиняться, и то, что было после. Обычно, такое «неповиновение» бывало плохим знаком и признаком грядущего ухудшения состояния здоровья Микки.

Несмотря на такие мысли, которые любого могли заставить содрогнуться, Микки сохранял совершенно невозмутимое выражение лица. Его действительно не пугал его недуг, не волновал. И дело было не в том, что он не осознавал своей болезни, а в том, что она всегда была с ним. Он просто не помнил себя без неё. И он научился с ней жить, конечно, не без печального опыта и набивания «шишек» – в детстве он боялся своих особенностей, не понимал их, пытался поговорить об этом со взрослыми и другими детьми и полагал, что другие люди тоже слышат его «голоса». И это превратило его жизнь в ад...

Несколько раз моргнув, словно размазывая по глазным яблокам несвязные картины воспоминаний, как назойливую муху, Микки взял из одной из тумбочек своей спальни термометр и отправился обратно в гостиную.

Без лишних слов передав градусник Клер, парень направился к креслу, но остановился, не дойдя до него всего полшага, и вернулся к дивану, тоже садясь на него. Дождавшись, когда термометр просигналит и Клер вытащит его изо рта, Микки повернулся к ней, спрашивая:

– Ну, как температура?

– 36,7 градусов.

– В пределах нормы.

Парень полностью повернулся к собеседнице, положил ноги Клер к себе на колени, чтобы ей не пришлось их поджимать.

– Получается, – продолжил Микки, – что тебе остаётся либо одеться теплее, либо терпеть.

– Потерплю. В принципе, не настолько и холодно.

Женщина прилегла и, вытянув правую ногу, провела вверх по руке парня, а затем положила её к нему на плечо.

– Не хочешь сделать мне массаж? – спросила Клер, покачивая правой ножкой.

– Может быть... – задумчиво произнёс Микки, прикасаясь кончиками пальцев к икре Клер и ведя ниже, к косточке в самом низу щиколотки.

– Конечно, ты можешь отказаться, но у меня после вчерашнего перелёта до сих пор жутко гудят ноги... – проговорила женщина, прикрывая глаза.

– Да, я всё понимаю, – кивнул Микки, – возраст, всё-таки...

В ответ он получил шлепок ногой по щеке. Поморщившись, парень перехватил щиколотку подруги, защищаясь от дальнейших ударов. Поняв спустя какое-то время, что вырваться и продолжить «драку» не получится, Клер сдалась, шумно выдыхая, и обратилась к парню:

– Микки, объясни мне, кто тебя научил так разговаривать с женщинами, тем более, со старшими?

Ловко сменив позу, встав на диване на колени и переползя вперёд, Микки упёрся одной рукой в спинку дивана, склоняясь к подруге.

– Ты же знаешь, Клер, – произнёс брюнет, – что меня никто не учил. А те, кто пытались это делать, оказывались бездарными педагогами.

Говоря, он склонялся всё ниже к лицу женщины, сокращая расстояние между ними до будоражащее интимного.

– Знаю, – ответила Клер. – Жаль, что ты не встретился мне на пути ещё ребёнком. Я бы тебя усыновила и воспитала нормально. Как раз, когда ты только родился, мне было уже тридцать лет, и я была вполне самостоятельной женщиной.

– Да, такая разница в возрасте могла бы пугать, но, почему-то, мне совсем не страшно, – усмехнулся Микки, на мгновение обнажая идеальные белые зубы.

Он прикоснулся к ноге Клер чуть повыше колена и повёл вверх, ощущая под подушечками пальцев идеально гладкую кожу. У неё было идеальное тело и идеальное лицо, лишённое морщин, несмотря на возраст. Клер имела деньги и не стыдилась тратить их на себя и на свою внешность. И, пусть по глазам, по чему-то неуловимому в ней и легко угадывалось то, что перед тобой зрелая женщина, но в своей взрослости она была намного привлекательнее многих юных дев, которые только начинали свой путь и не умели распоряжаться ни своим телом, ни своими желаниями.

Дойдя до кромки на коротенькой штанине шортиков подруги, Микки остановился, медленно проводя вдоль неё, рождая дрожь и мурашки.

– И, – добавил брюнет, – усынови ты меня, картина бы получилась достаточно отвратительной – приёмная мать и сын, с которым она регулярно запирается в спальне и жёстко трахается.

– Прикуси язычок, Микки, – строгим, но томно пониженным тоном ответила Клер.

– Даже не подумаю, – ответил парень и вновь оскалился.

Склонившись к лицу подруги, окончательно уничтожив остатки приличного расстояния между ними, Микки впился в её губы, сразу же властно раздвигая их и проникая в рот женщины языком.

Клер не стала сопротивляться. К чему ложные приличия, если все изначально понимали, что именно так всё и закончится?

Обвив шею парня руками, женщина притянула его к себе, выгибаясь ему навстречу и углубляя и без того слишком взрослый и развратный поцелуй. Микки находился между разведенных ног Клер, но не прижимался к ней, не ложился, и потому её промежности было непривычно холодно.

Оторвавшись от губ женщины, брюнет скользнул влажными после поцелуя губами по её щеке к уху, мягко засосал мочку, а затем прикусил её, после чего спустился на шею под самым ухом Клер, награждая нежную чувствительную кожу горячим поцелуем. От этого она просто плавилась.

Женщина вздохнула и прикрыла глаза, вновь выгибая спину и выставляя вперёд пышную грудь. Продолжая жарко целовать Клер в шею, оставляя на ней влажные разводы и неярные красные отметины зубов и захватов губ, Микки запустил левую руку под её свитер, медленно задирая его, проводя по горячей коже, хранящей ненавязчивый аромат масла для тела и его шелковистость.

– Ты – негодный мальчишка, – шёпотом проговорила Клер, приоткрывая глаза, смотря на молодого любовника из-под опущенных ресниц.

– Если ты опять о том, что меня нужно наказать и отшлёпать, то я уже сказал тебе своё мнение, – ответил Микки, целуя ту часть груди женщины, которую оголял свободный вырез на свитере, – я не в настроении.

Договорив, он резко поднялся, оказываясь выше подруги, и прижал её запястья над головой, вжимая в мягкий упругий диван. И без того фактурные черты его лица стали будто бы жёстче, желваки на челюстях вздрогнули.

– У меня есть идея, Микки, подожди, – сбито произнесла Клер, потому что парень мял её грудь, которая уже давно требовала ласки, массируя, сжимая.

Парень покорно остановился, вопросительно заглядывая в глаза женщины, но руки с её правой груди не убрал.

– Какая идея? – спросил он.

– В Вену как раз приехала одна моя знакомая...

– Из твоей профессии?

– Да, – кивнула Клер, – именно. И, как ты относишься к тому, чтобы пригласить её сюда? Я много чего слышала о ней и её очень хвалят...

– Секс втроём? – произнёс Микки и хмыкнул, вновь склоняясь к лицу женщины и целуя её в уголок губ. – Достаточно банально, – выдохнул парень, – но, пожалуй, я соглашусь.

Он вновь отстранился, держась на вытянутых руках, нависая над Клер тёмной тенью. Но женщина давно знала эту «тень» и потому она её не страшила.

– И кто же она, твоя хвалёная коллега?

– Хлоя, – отозвалась Клер. – В нашей среде её зовут – Хиросима.

– Хиросима? – переспросил Микки. – Интересное прозвище...

– Да, полагаю, оно дано ей потому, что ночь с ней подобна взрыву атомной бомбы по эмоциональному накалу.

– Что ж, – вздохнул Микки, – проверим твою Хиросиму. Пусть приезжает.

Клер улыбнулась и ответила:

– Как раз, она давно просила у меня мастер-класса. Всё-таки, какой бы хвалёной она не была, но я считаю себя лучшей. Так что, тебе эта ночь не будет ничего стоить.

– А с каких это пор ты считаешь, что у меня нет денег? – вскинул бровь Микки, вопросительно смотря на подругу.

– Я так не считаю. Но сэкономить всегда и всем бывает приятно.

– Да, возможно, но я с этим пока не сталкивался.

– Хорошо, Микки, раз тебе не нравится безвозмездный секс...

– Ты бы ещё сказала – благотворительный, – фыркнул брюнет.

Клер сделала вид, что не слышала этого, продолжая:

– Если тебе не нравится такое, то я возьму с тебя плату.

– И сколько же?

– Нисколько. Проведи меня в «Плоть». Помню, мне там очень понравилось...

Микки несколько секунд подумал, затем кивнул, отвечая:

– Хорошо, Клер. Но, ты же понимаешь, что условия для всех одинаковы. Безопасность, сама должна понимать. Так что, будь добра, пройди медицинское обследование перед тем, как идти в клуб.

– Дорогой мой, – рассмеялась женщина, – ты действительно думаешь, что та, которая работает в моей сфере, может быть не осведомлена о своём здоровье ниже пояса?

– Моё дело напомнить. И как раз то, что ты проститутка, повышает твои риски и моё внимание к тебе.

Улыбка сползла с лица Клер. Нет, воистину, за речи Микки его иногда хотелось убить, ударить. Казалось, он никогда не задумывался над уместностью своих слов и тем, чтобы они не задели, не обидели собеседника.

– В чём дело? – спросил парень.

– В том, что ты совершенно не умеешь следить за словами.

– Поверь мне, Клер, умею, – совершенно серьёзно ответил Микки.

Женщина вздохнула и притянула молодого человека к себе, укладывая его голову к себе на грудь и поглаживая по волосам, как бы говоря этим: «Мир». Каким бы несносным порой не был этот парень, но обижаться на него за это долго было просто невозможно. Невозможно, потому что он был такой, какой есть, он ни от кого не скрывал этого и никого не держал рядом насильно, притворяясь хорошим и кормя ложными обещаниями и надеждами. За это его получалось только любить, либо, избегать его тем, кто понять его не мог.

Он притворялся только тогда, когда ему было что-то нужно, но такое бывало редко и уже очень давно...

Вновь вздохнув, Клер продолжила поглаживать Микки по голове, захватывая своей мягкой ладонью и щеку, и ухо парня.

– Мог бы хотя бы извиниться, – без обиды и без злости произнесла женщина.

– Ты же знаешь, что я этого не делаю, – спокойно ответил Микки.

Клер поджала губы и ударила брюнета по шее сзади, шлёпая, как нашкодившего котёнка. Микки вздрогнул, и женщина почувствовала, как он напрягся, становясь будто стальным.

Парень медленно поднялся, опираясь на вытянутые руки, и заглянул Клер в глаза. Его взгляд при этом стал совершенно чёрным, жутким. Казалось, его глаза в этот момент перестали отражать свет своей влажной поверхностью, а начали поглощать его.

Началось...

Глава 3

*Похоть всегда побеждает любовь.
Семь смертных грехов©*

На удачу Клер, Микки отпустило быстро. Иногда ему всё-таки удавалось справляться со своими эмоциями и вспышками дикой агрессии, которая рождалась в глубине груди и захватывала своим адским огнём всё тело, мутила рассудок.

Никогда женщина не спрашивала Микки о его психическом здоровье, потому, она не могла предполагать, что служило причинами того, что, порой, он вёл себя совершенно странно. Впрочем, даже, если бы подруга спросила его об этом, Микки бы не сказал правды. Он мог рассказать ей всё – даже секреты куда более страшные, чем «голоса» в голове. Но про эти самые «голоса» он решил молчать до самой смерти, потому что ещё лет в семь понял, что, если рассказывать о них людям, то можно просто не выжить и сгнить где-нибудь в мягких стенах психиатрической лечебницы, не помня себя из-за страшных наркотических препаратов, которыми успокаивают очередного «буйного» пациента.

И, пусть Клер видела и знала далеко не всё о своём странном друге, но она достаточно давно сумела понять, что с этим парнем не совсем всё в порядке. Но диагноза она ему не ставила – не имела возможности и желания – и списывала всё на тяжёлое детство и его травмы, которые остаются с людьми на всю жизнь.

Хлое Клер всё-таки позвонила и пригласила её к Микки домой, и всё это время они ожидали её приезда и звонка в дверь от званой гостьи. И вот он прозвучал, разливаясь мелодичным перезвоном по комнатам просторной квартиры.

Медленно встав, Микки неторопливо направился к входной двери, чтобы впустить гостью в дом. Открыв дверь, брюнет сразу отошел в сторону, пропуская в дом гостью, и закрывая за ней дверь. Только тогда, когда девушка переступила порог, парень прислонился к стене, упираясь в неё затылком, и начал рассматривать гостью.

Хлоя была очень красива и напоминала одну из тех куколок, которых ставят на свои столы даже взрослые, чтобы в любую минуту иметь возможность получить эстетическое наслаждение от созерцания её черт и изгибов. У Хлои были длинные волосы – немного длиннее линии поясицы – выкрашенные в платиновый блонд с лёгкой примесью пепельного серебра и шёлковыми волнами ниспадающие по плечам и груди в попытке обнять красивое хрупкое тело. Она была обладательницей больших серых глаз с пушистыми крыльями нарощенных ресниц, аккуратного носика и пухлых губ привлекательного вишнёвого оттенка. Кожа её имела лёгкий золотистый загар.

Одета Хлоя была в длинные бархатные ботфорты и чёрное пальто кукольного покроя с пышной юбкой и широким поясом на тонкой талии.

Расстегнув пальто, девушка спустила его с плеч и протянула Микки, который предусмотрительно протянул руку, чтобы принять вещь. Пальто отправилось на вешалку, и было убрано в шкаф. Отказавшись от слов, парень жестом показал гостье, чтобы шла за ним, и направился обратно в гостиную, где осталась ждать Клер.

Когда они прошли в комнату, Микки вновь устроился в кресле, а Хлоя заняла место на диване рядом с Клер. Теперь брюнет наконец-то мог нормально рассмотреть гостью во всех её чертах и оттенках. В самом деле, её тела почти ничего не скрывало! На Хлое был надет лишь комплект из атласа и кружева: чёрный топик на тоненьких бретелях и шортики, открывающий обилие татуировок на её теле. Причём, интересным казалось то, что большинство рисунков были выполнены в сине-зелёных, русалочьих цветах.

– Выпьешь? – предложила Клер коллеге.

Сама она сидела с бокалом коньяка в руках и периодически припадала губами к его бортику, вбирая в себя капли янтарного напитка, смакуя его горькие пьянящие нотки.

– Только если чуть-чуть, – ответила Хлоя. – Не люблю ложиться в постель пьяной, так ощущения смазываются.

– Думаю, бокал вина никому не может навредить, – произнёс Микки, наблюдая за гостьей из-под опущенных ресниц.

– Да, согласна. Как раз, именно вина я и хотела попросить.

Брюнет слегка улыбнулся в ответ, лишь поднял уголок губ, и отправился на кухню за вином, бокалами и штопором. Вернувшись и освободив бутылку от пробки, парень наполнил кроваво-рубиновым напитком два бокала и передал один Хлое.

Вдохнув аромат напитка, гостья сделала маленький глоток, пробуя, смакуя, и подняла взгляд на хозяина квартиры, говоря:

– Чудесный букет. Вижу, ты знаешь толк в вине.

– Да, – согласился Микки, перекатывая в руках свой бокал. – Я пью исключительно вино, потому у меня нет иного выбора, кроме как разбираться в нём.

– Любишь всё качественное?

Брюнет слегка нахмурился, думая секунды две, а затем отвечая:

– Едва ли так сказать будет правильно. Скорее, я просто люблю то, что мне нравится, и не важно, каково оно.

– Интересно рассуждаешь...

– Да, я могу делать это бесконечно. Но ведь мы встретились не за этим?

Микки задал вопрос, но ответа дожидаться не стал и добавил:

– И, кстати, наверное, мне пора представиться. Я – Микки.

– Микки? – повторила за парнем девушка и встала, неторопливо подходя к нему.

Поставив одно колено на кресло меж разведенных ног брюнета, она склонилась к нему, кладя ладонь на затылок, перебирая жёсткие тёмные волосы, слегка массируя и смотря в глаза.

– Такое милое имя... – произнесла Хлоя, лукаво улыбаясь одними губами, не обнажая зубов.

Микки усмехнулся, тоже смотря на гостью, рассеивая её образ пунктиром ресниц. Вернулась Клер, которая отходила в ванную. Вновь заняв своё место на диване, женщина подогнула под себя ноги, с лёгкой улыбкой наблюдая за коллегой и другом.

– Вижу, вы уже познакомились, – продолжая улыбаться, произнесла Клер.

– Да, Клер, – отозвалась Хлоя и села к Микки на колени, – я просто не смогла удержаться, чтобы этого не сделать.

Она обернулась, смотря на парня, и обратилась уже к нему:

– Не расскажешь мне, какими судьбами ты знаком с Клер? Или это не моё дело?

– Мы друзья, – спокойно ответил брюнет, кладя ладонь на бедро гостьи, поглаживая тёплую нежную кожу, украшенную портретом некой девы, так напоминающей морскую царницу или несчастную утопленницу. – Знаешь, – добавил Микки, обводя указательным пальцем контуры лица на рисунке, – мне казалось, что элита в вашей профессии выглядит более традиционно. А ты вся украшена татуировками...

– Да, обычно, так и бывает. Но я – исключение.

– Может быть, у тебя и пирсинг какой-нибудь интересный есть? – ухмыльнувшись, спросил брюнет, прикасаясь к животу девушки пониже пупка, проводя по нему.

– Есть, – улыбнулась Хлоя. – Интимный.

– Что ж, хорошо, что я смогу оценить, – ответил Микки и сделал глоток вина.

– Да.

Микки перевёл взгляд на Клер, которая успела незаметно подойти к креслу, в котором они с Хлоей сидели. Упёршись рукой в спинку кресла, женщина немного наклонилась, благодаря чему декольте обнажило её налитую грудь, позволило увидеть белое кружево бюстгальтера.

– Думаю, мы вполне можем начать, – произнесла Клер.

Хлоя слегка улыбнулась и вновь переключила внимание на Микки, прикоснулась кончиком указательного пальца к животу парня, медленно ведя вверх, к груди, слегка петляя при этом, будто рисуя мягкий зигзаг.

– Есть какой-то план или как пойдёт? – поинтересовалась гостья, продолжая смотреть на брюнета и поглаживать его.

Было непонятно, кому был адресован этот вопрос, но ответить на него решил Микки.

– План? – произнёс парень. – К чему нам план, Хиросима?

Он вновь положил руку на бедро гостьи, на самый его верх, захватывая пальцами чувствительную кожу под самой ягодичей, слегка поглаживая, а затем награждая плоть щипком.

– Моё дело уточнить, – ответила Хлоя, чуть меняя позу, предоставляя больше доступа к своей попе. Ей очень нравилось, когда её ласкали там. – Всё-таки, – она прогнула спину, – я здесь – гостья, а гости должны следовать уставу хозяина...

– В таком случае, – произнёс Микки, сжимая ягодицу девушки, массируя и вновь сжимая, – мне следует принести поводок, посадить тебя на него и потребовать, чтобы ты называла меня «Господином».

Парень прикоснулся к ключице Хлои, мягко захватывая тонкую кожу губами, постепенно поднимаясь вверх и переходя на длинную шею. Девушка послушно запрокинула голову, открывая больше пространства для ласк, и прикрыла глаза. Одной рукой она сжимала плечо брюнета, впиваясь в него квадратными ноготками и слегка ёрзая, потому что ладонь Микки продолжала терзать её округлую упругую ягодицу, а его пальцы при этом находились так близко к её промежности. И она была бы совсем не против, если бы парень пошёл дальше и прикоснулся к ней там, между ног. Эта девушка всегда обладала горячим темпераментом.

Но Микки не спешил «читать» желания гостьи и исполнять их, хоть и прекрасно догадывался о них.

Хлоя вздохнула и сильнее запрокинула голову, почувствовав тёплую мягкую ладонь Клер на своём бедре. Женщина повела рукой вверх, разнося по коже девушки и под ней волны бархатного тепла. А Микки в это время продолжал целовать Хлою в шею, вылизывая нежную кожу, захватывая её губами и задевая зубами, заставляя девушку вздрагивать из-за глупой опасности, которая всегда идёт бок о бок с укусами в шею. Такая мелочь: немного больше давления, кожа сдаётся и рвётся, а стенки артерии, находящейся под ней, не выдерживают и выбрасывают наружу заворачивающийся фонтан алой крови, несколько минут и – всё, человека больше нет...

Микки улыбнулся, не открывая глаз и не отрываясь от тела гостьи, пряча свою улыбку на её коже. Высунув язык, парень провёл им вверх по шее Хлои, зализывая отчётливый след от своих зубов – перестарался.

В это время Клер уже добралась до паха коллеги и, накрыв мягкой ладошкой её промежность, всю терзала её, заставляя девушку инстинктивно двигать бёдрами в характерном ритме. Второй рукой женщина обхватывала Хлою за спину, поглаживая по боку рядом с грудью, где кожа, покрытая прохладным атласом, особенно чувствительна.

Оторвавшись от шеи девушки, Микки поднял взгляд, скользнув им по изгибам ключиц гостьи, по её профилю. Повернув голову, не открывая глаз, Хлоя вслепую нашла губы брюнета, вовлекая его в поцелуй и поглаживая при этом по щеке. Проститутки не целуются. Но это был другой случай.

Почувствовав на своей груди горячую ладонь, Хлоя вздохнула и прикусила Микки губу в невольной попытке сдержать звук томления. Брюнет не обиделся, а положил руку на затылок девушки, притягивая к себе и начиная целовать жестче, грубее. Рывок и Хлоя оказывается сидящей на нём верхом. Девушка коснулась запястий Микки и повела вверх по его рукам, ощущая под своими ладонями крепость некрупных мышц и понимая, откуда в них столько силы.

Почувствовав холодок на своей оголившейся пояснице, Хлоя подняла руки, разрывая на эти мгновения поцелуй и позволяя Клер снять с неё топик полностью, после чего припала губами к шее брюнета, ощущая под ними мощный ритмичный пульс. Вместо того, чтобы убрать снятую с коллеги вещь, Клер слегка улыбнулась, хитро смотря на Микки и Хлою, и протянула руку, касаясь тканью плеча и груди брюнета, медленно водя ею.

Союз прохладного скользкого атласа, шероховатого плотного кружева и голой кожи рождал мурашки и подгонял и без того скорый пульс. Вроде бы, ничего такого – всего лишь прикосновение атласа к коже, но именно из таких мелочей складывается настоящее искусство плотской любви.

Прикосновения тканью незаметно сменились поглаживаниями горячей ладошкой. Клер оглаживала одной рукой грудь Микки, а второй его бок, заходя на живот и постепенно спускаясь всё ниже. Внимание женщины полностью переключилось на друга.

В это время Хлоя пересела вбок, освобождая место для Клер. Теперь девушка сидела на одной ноге парня и прижималась к ней промежностью, ощущая приятное трение от своих и его движений. И мягкая неплотная ткань шортиков и трусиков не могла ослабить этих ощущений, а могла лишь оттенить.

Хлоя сглотнула и прогнулась в пояснице, выпячивая назад попку, ощутив приятное скольжение ладоней Микки на своих ягодицах. Одной рукой парень провёл вдоль разъёма меж ягодиц девушки и скользнул ниже, ещё не дотрагиваясь пальцами до промежности гостыи, но уже ощущая её жар.

Атлас уже нагрелся и так прекрасно оттенял прикосновения пальцев. А две пары губ, ласкающих тело, уносили на вершину блаженства. Вздохнув, Хлоя коснулась кончиками пальцев щеки Клер, прося её поднять голову, и припала к её губам поцелуем, делая его тягучим, как воск или мёд.

Микки откинулся на спинку кресла, смотря на любовниц из-под опущенных ресниц, не спеша вновь присоединиться к ним и позволяя себе немного лени и чистого визуального наслаждения.

Протянув руку, он прикоснулся к плечу Клер, водя по нему кончиками пальцев, а затем соскальзывая на грудь, проводя по ней прямой линией и ощущая твёрдость её сосков. Ему просто не осталось иного выбора, кроме как вернуться и наградить один из упругих бугорков лаской, что заставило женщину задышать ещё чаще.

Продолжая целовать Клер и оглаживать её плечи, грудь, живот, Хлоя отняла от неё одну руку и скользнула ею к ширинке Микки, легко и так умело справляясь с пуговицей и молнией. Прикоснувшись кончиками пальцев к уже давно твёрдому члену парня, она провела по нему сквозь ткань трусов, а затем запустила руку в бельё брюнета и обхватила его орган пальцами.

Полностью развернувшись корпусом к Микки, Хлоя положила ладони ему на плечи, сжимая, массируя, а затем медленно спускаясь, слегка царапая ноготками горячую загорелую кожу брюнета, ведя по груди и животу, спускаясь всё ниже и подключая к рукам губы, язык. Эти обжигающие поцелуи оставляли на коже влажные следы и обещали приятное продолжение, которое непременно обязано было наступить.

Добравшись до кромки трусов брюнета, продолжая целовать, вылизывать его низ живота, Хлоя освободила его член из плена ткани и, чуть стянув с парня трусы и джинсы,

погрузила его орган в рот на одну треть. Она плотно сжимала губы, образуя вокруг каменного члена тугое кольцо, слегка двигаясь вперёд и назад, но не беря в рот полностью, муча.

Микки откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, поглаживая трудящуюся над его членом девушку по волосам, массируя затылок и загривок. Хлоя подключила к делу руку, обхватывая ствол у основания и двигая ею в такт движениям головы.

Пронаблюдав за горячими ласками парня и девушки какое-то время, Клер стянула с себя свитер и расстегнула бюстгальтер, отбрасывая его на пол. Оседлав одну ногу Микки, Клер обхватила его лицо ладонями, награждая жарким поцелуем. Парень ответил на него, проводя ладонями по животу подруги-любовницы и по её бокам, чувствуя, как вздрагивает под его прикосновениями её плоть. Оторвавшись от губ Клер, брюнет припал губами к её груди, захватывая в мягкий горячий плен упругий торчащий сосок, посасывая его и дразня языком, заставляя дыхание женщины окончательно сбиться и стать совсем хриплым. Принимая эту ласку, Клер поглаживала парня по волосам, перебирая короткие жёсткие пряди на затылке – они так приятно щекотали нежную кожу между пальцев.

Шумно вдохнув носом, Хлоя опустила, вбирая в рот больше длины и почти утыкаясь носом в лобок Микки, продолжая помогать себе рукой там, куда её умелые губы пока что не добрались. Не прекращая гладить брюнета по голове, Клер опустила одну руку на поясницу Хлои и, наградив её лаской, скользнула ниже, стягивая с коллеги шортики, а затем и трусики, обхватывая ладошкой её упругую ягодицу. Девушка шумно вздохнула, не отрываясь от своего дела, а начиная ещё усерднее скользить губами по органу парня, начиная брать его всё глубже, почти до глотки, и подключая язык. Горячее влажное скольжение языка Хлои по стволу и чувствительной головке отзывалось внизу живота парня усиливающимся жаром и лёгким ощущением щекотки. Он начал дышать всё более тяжело и шумно, вновь откидываясь на спинку кресла и находя вслепую тело Клер, оглаживая её бедро, а затем расстегивая её бесстыдные белые шортики.

Раздался хлёсткий шлепок – Клер шлёпнула Хлою по ягодице, оставляя на нежной коже красный след и заставляя девушку простонать, что прозвучало чрезвычайно пошло из-за того, чем был занят её рот. Новый шлепок. Микки улыбается, не открывая глаз, и расстегивает пуговицу и молнию на шортиках подруги, приспускает их.

– Может быть, принести тебе ремень и ты выпорешь Хиросиму по-взрослому? – дьявольски и невероятно обворожительно улыбаясь, спросил Микки, приоткрывая глаза и смотря на Клер.

Его взгляд был сейчас таким тёмным и глубоким, словно помазанным маслом. В нём можно было утонуть и это действительно хотелось сделать.

Ответив парню улыбкой, женщина вновь скользнула по его лицу ладонями и наградила коротким поцелуем, после чего прошептала в самые губы, отвечая:

– Только, если ты сделаешь это сам.

– В следующий раз, – вновь коротко улыбнувшись, ответил Микки, не переставая поглаживать бёдра Клер, мять их.

Он шумно сглотнул и сжал зубы, когда Хлоя начала заглывать его член полностью, скользя по нему огненным кольцом губ и лаская языком. Одной рукой девушка при этом гладила его бедро, а второй ласкала яички, мягко сминая их, перекатывая, делая всё именно так, чтобы усилить и без того сильное удовольствие брюнета.

Микки приоткрыл рот, шумно и судорожно вдыхая. Но, несмотря на гамму эмоций, которую он переживал в настоящий момент, выражение его лица было спокойным, невозмутимым и даже немного скучающим. Можно было подумать, что разумом парень был где-то не здесь.

Когда Хлоя ещё плотнее обхватила его член губами, начиная энергично двигать головой вверх-вниз и лаская основание ствола пальцами, Микки притянул к себе Клер, начиная

блуждать губами по её плечам и груди и стягивая с неё шортики, которые всё же задержались на разведенных коленях.

Вынужденно отстранившись от любовника, женщина самостоятельно избавила себя от ненужной вещи и вернулась к парню, вновь опуская руку на ягодицы коллеги, скользя меж ними и ещё ниже, касаясь пальцами её жаркого влажного входа. Покружив вокруг него, раздражив, Клер вставила в девушку два пальца, начиная резко двигать ими, заставляя Хлою подавиться от неожиданности не то воздухом, не то членом Микки.

Брюнет опустил рукой вниз по животу Клер и накрыл ладонью её лобок, захватывая в свой плен, после чего поддел кресло трусиков и проник под него пальцами, касаясь влажной горячей плоти.

Женщина шумно вдохнула и шире развела ноги, позволяя молодому любовнику эту ласку, наслаждаясь ею. Хлоя раздвинула ноги шире, едва не разъехавшись коленями на голом полу, и покрутила бёдрами в желании большего.

Покинув Микки и встав, Клер обошла девушку и встала позади неё на колени, проводя пальцами меж её ног, а затем широко разводя её ягодицы, открывая своему взору её анус и заставляя её и без того раскрытый в ожидании вторжения вход раскрыться ещё больше.

Медленно поднеся палец ко рту, Клер обхватила его губами, посасывая, увлажняя, а затем провела им меж ягодиц Хлои, спускаясь к её влагалищу и вторгаясь в него, несколько раз энергично двигая рукой туда-сюда.

Хлоя задышала шумнее, разрываясь между ощущением огненного органа в своём рту и скольжением пальцев Клер внутри себя. Но попытка пальцами не продлилась долго. Женщина склонилась к промежности коллеги, и им на смену пришёл язык, прикосновения которого были подобны жалу, которое ранит, но заставляет задышаться от удовольствия и просить большего, большего... А, когда она почувствовала ладонь Микки, крадущуюся вверх по внутренней стороне её бедра, то ей и вовсе не осталось ничего, кроме как раствориться в удовольствии.

Дойдя до промежности девушки, брюнет скользнул меж её половыми губами, увлажняя свои пальцы шёлковой влагой, а затем нашёл ими бугорок клитора, надавливая, обводя кругами.

Чувствуя приближение оргазма, Микки отстранил Хлою от своего члена и заставил подняться, но не потерять при этом ласку Клер, несильно тяня за волосы и захватывая её губы в короткий поцелуй, которого девушка даже не успела толком осознать. Он был подобен дразнилке.

Отпустив губы Хлои, Микки притянул её к себе, усаживая на свои бёдра. Достав из кармана презерватив, парень быстро надел его и, притянув девушку к себе за бёдра, усадил на свой член, входя плавно, но быстро, на всю длину.

Почувствовав в себе эту приятную наполненность огненным органом, Хлоя закрыла глаза и отклонилась назад, позволяя члену парня задевать внутри неё более чувствительные точки. Не ожидая действий от Микки, девушка начала двигаться сама, придерживаясь рукой за спинку кресла и насаживаясь на его орган. Она прикусывала губы и похотливо постанывала, чувствуя, что ей понадобится совсем немного времени, чтобы достигнуть заветного финала – долгие ласки прелюдии не могли пройти бесследно.

подавая бёдрами навстречу любовнице, Микки провёл пальцами по внутренней стороне её бедра и ввёл в неё два пальца, ощущая собственный каменный член и её шёлковые внутренние стенки. Вдоволь увлажнив пальцы, брюнет переместил руку за спину Хлою и провёл пальцами между её ягодиц, после чего вставил в её анус один, а затем сразу же и второй палец, начиная двигать ими, нарочно не попадая в ритм их соития и создавая эффект того, что она находилась одновременно с двумя мужчинами.

От такого трюка Хлоя застонала, начиная активнее двигать бёдрами, безусловно наслаждаясь «двойным проникновением». Ей всегда нравились ласки сзади, они доставляли ей огромное удовольствие, и Микки будто знал это, действуя интуитивно, но так верно.

Кусая губы, Хлоя всё чаще и резче насаживалась на член брюнета, ощущая близость оргазма и желая достичь его, взорваться им. Она двигалась уже с таким остервенением, что дыхание сбилось, как при забеге на многокилометровую дистанцию, а окружающие забылись и стёрлись. Сейчас она была не на работе и просто наслаждалась близостью с этим едва знакомым парнем с такими гипнотическими глазами и влекущей энергетикой.

Но достигнуть финала прямо сейчас Хлое не позволили. Она даже испугалась, когда Микки резко отклонил её назад, выходя из её тела и переворачивая. Уложив девушку на живот, в странную позу, так напоминающую разведенный циркуль, в которой ноги Хлои были широко раздвинуты и покоились на подлокотниках кресла, а верх тела был опущен вниз так, что девушка касалась грудью пола, Микки вновь вошёл в неё, начиная двигаться под диковинным углом, от которого внутри всё зашлось судорогами в преддверии яркого оргазма.

Заметив хитрую улыбку на губах друга и легко прочитав его план, Клер легла на пол на спину, раскидывая ноги перед лицом Хлои. Ей тоже хотелось получить удовольствие.

Хлое не пришлось повторять дважды. Высунув язык, она провела им меж ног женщины, а затем припала поцелуем к трепещущему возбужденному клитору, всасывая его в рот. Клер шумно выдохнула, закрывая глаза и выгибаясь, сжимая свою левую грудь.

Хлоя ласкала Клер языком, губами и пальцами, даря наслаждение и чувствуя глубокие ритмичные толчки внутри себя, сотрясаясь от них. И отзвуки этих движений передавались через её тело и Клер, создавая видимость того, что они являлись единым организмом, который желал одного – удовлетворить свою похоть, утолить жажду плоти.

Закрыв глаза, Микки шумно выдохнул, сжимая бёдра Хлои и начиная двигаться резче, мощнее. Он чувствовал неровные мышечные сокращения её плоти, слышал шумное дыхание с примесью стонов из её груди и из груди Клер. Будь у этой картины свидетель, его бы кожа уже расплавилась и стекла раскаленным воском на пол, до того происходящее было обжигающим и пошлым, пробуждающим всё животное внутри.

Хлоя сорвалась первой, царапая ногтями пол и сжимая неровными волнообразными судорогами член Микки, заливаясь громкими стонами и двигая бёдрами навстречу парню, чтобы продлить удовольствие. Но она не забыла о коллеге, даже не отойдя от сильного оргазма, продолжая находиться на его пике и содрогаясь от удовольствия, она ласкала Клер, впиваясь в её текущую плоть губами и врываясь пальцами, задевая острыми краями ногтей нежные внутренние стенки.

Начиная задыхаться воздухом, Клер схватила Хлою за волосы на затылке и притянула к себе, не давая возможности отстраниться, чего девушка и не собиралась делать, и кончая с громким стоном через несколько секунд, содрогаясь и дергая бёдрами вверх.

Слушая какофонию из звуков женского удовольствия, Микки не прекращал движений, позволяя Хлое ощутить больше и острее, и останавливаясь только тогда, когда перестал чувствовать ответные движения девушки.

Покинув тело Хлои, парень коснулся её плеча, прося обернуться, а, когда она это сделала, провёл по её щеке, слегка сжимая перемазанный в смазке, лоснящийся шёлком подбородок, заглядывая в глаза таким глубоким взглядом. Он всё ещё не достиг разрядки и его член был по-прежнему в полной боевой готовности.

Поняв без слов, Хлоя полностью развернулась к брюнету и, подползя к нему на коленях, обхватила его член пальцами, несколько раз проводя по всей длине, а затем открывая рот и плавно погружая его внутрь до самой глотки, ощущая вкус собственной смазки, которой так много осталось на материале презерватива.

Микки шумно выдохнул, сжимая пальцами одной руки подлокотник кресла, а второй массируя затылок девушки. По тому, как напрягся член парня у неё во рту, Хлоя смогла понять, что он уже на пределе. Отпустив его орган, девушка стянула с него презерватив, после чего вновь погрузила в обволакивающее тепло своего рта, насаживаясь на него.

Микки покусывал губы, наслаждаясь мокрым теплом рта едва знакомой любовницы и кончая примерно через минуту этой потрясающей ласки. Почувствовав, как ей в горло выплеснулась тёплая жидкость, ощутив её характерный солоноватый вкус, Хлоя начала глотать сперму брюнета, продолжая скользить губами по его члену и ещё больше сужая их кольцо.

Проглотив всё до последней капли и постепенно поднимаясь всё выше, ближе к головке, Хлоя вскоре вовсе выпустила орган парня изо рта и села, тяжело дыша и переводя дыхание, смотря на любовника.

Микки открыл глаза и сразу же нашёл взглядом Клер, которая также, как и Хлоя, сидела на полу, но, в отличие от коллеги, курила.

– Не ожидала от тебя такого, – вздохнула Хлоя, более или менее возвращая себе привычный ритм дыхания.

– Полагаю, это был комплимент? – ухмыльнулся брунет.

Не утруждаясь тем, чтобы застегнуть штаны или хотя бы надеть трусы, Микки взял сигарету и, закурив, вновь раскинулся в кресле, смотря на гостью сверху.

– Да, это был комплимент, – кивнула девушка и взяла свой бокал и бутылку вина.

Наполнив бокал, Хлоя поднесла его к губам и сделала несколько жадных глотков, отчего часть напитка пролилась мимо рта. Улыбка медленно сползла с лица Микки. Он, не моргая, наблюдал за тем, как катились алые капли по подбородку девушки и по её шее, устремляясь к груди.

В голове парня так и вспыхнула картина того, как острый клинок пронзает тонкую кожу и выпускает наружу алые капли крови. Острие его проникает всё глубже в плоть и всё опаснее, а крови становится всё больше. Её капли такие рубиновые...

Ужас жертвы становится всё сильнее, он перерастает в агонию и разбивает зеркала глаз на сотни осколков. Но – кому нужны её глаза? В них не смотрят.

Капля за каплей. Всё больше и больше крови катится по нежной белеющей коже...

Выронив сигарету из онемевших пальцев, Микки резко встал и, натянув обратно трусы и штаны, поспешно покинул гостиную, ничего не сказав удивленным гостям.

Глава 4

*Безжалостная судьба Демона
Рождена из пепла и ненависти,
На крыльях тьмы
Он вернулся, чтобы остаться...
Спасения не будет,
Ведь он лишился благодати Божией...
Within Temptation, A demon's fate©*

Клер повернула ручку и бесшумно открыла дверь в спальню Микки, заглядывая внутрь. Стрелки часов уже переползли за отметку в десять часов вечера; на город давно опустились сумерки, и комната брюнета была окутана грязно-тревожной густой тьмой.

Переступив порог спальни Микки и прикрыв за собой дверь, женщина обвела комнату взглядом, всё-таки находя силуэт её хозяина в этой темноте.

Парень лежал на кровати на спине, крутя в руках длинный тонкий нож, который поблёскивал металлической молнией в тусклом свете луны, который проникал в не зашторенное окно. Взгляд брюнета был задумчивый, отстраненный, между бровями образовалась едва заметная складочка размышлений.

Сглотнув и негромко кашлянув в попытке обратить внимание парня на себя, и не дождавшись его, Клер обратилась к нему:

– Микки, ты в порядке?

Брюнет не ответил, продолжая в задумчивости разглядывать остро заточенный клинок. Он всё прекрасно слышал, но утруждать себя скорым ответом не стал.

– Да, в порядке, – примерно спустя минуту после того, как Клер задала вопрос, ответил Микки, так и не удостоивая подругу взглядом. Он добавил: – Хлоя ещё здесь?

– Нет, она ушла. У неё завтра на десять утра назначена встреча, а она не взяла с собой ничего, чтобы привести себя утром в порядок.

– Это хорошо... – задумчиво проговорил Микки. – Хорошо, что она ушла. Так будет правильнее.

Клер сложила руки на груди, смотря на друга, который продолжал изучать взглядом сталь ножа. Подождав немного, она вздохнула и подошла к кровати, присела на её край. Микки скосил на подругу глаза, а затем вновь вернул взгляд к сверкающему лезвию.

– Мне казалось, – вновь вздохнув, произнесла Клер, откидываясь назад и опираясь на вытянутые руки, – что Хлоя понравилась тебе. Я ошиблась?

– Нет, ты не ошиблась. Она – хорошая девушка... не хуже, чем все остальные.

– То есть, ничем особенным она тебе не запомнилась?

– Нет, – ответил парень и, нахмурившись, добавил: – Разве что татуировки у неё интересные, особенно та, на бедре. Русалка? Утопленница? Больше мне запоминать в ней нечего.

– Знаешь, Микки, это – худшее оскорбление, сказать, что человек не лучше других.

– Но ведь я сказал, что она и не хуже? – вопросительно вскинул бровь брюнет и взглянул на собеседницу, после чего вновь вернулся взглядом к лезвию ножа. – Каждый является в чём-то особенным, но не более особенным, чем другие.

– Интересно, есть такой человек на свете, который сможет отпечататься в твоей памяти не только именем и общими приметами внешности? Есть ли такая личность, которую ты запомнишь навсегда?

Микки вновь нахмурился, кладя указательный палец на острие ножа, надавливая, но не так сильно, чтобы сталь пронзила кожу и ворвалась в насыщенную кровью плоть.

– Клер, – наконец-то произнёс брюнет, – сколько ты выпила?

– Бокала три. Может быть, четыре. А что?

– А то, что ты явно перепила, раз говоришь про любовь...

– Я имела в виду не совсем любовь. Вернее, не только её.

Женщина села по-другому, разворачиваясь к Микки лицом и складывая ноги по-турецки.

– Ты же знаешь, – продолжала Клер, – что я сама являюсь совсем не романтиком...

– И это мне в тебе нравится, – кивнул брюнет, перебивая подругу.

– Позволь мне продолжить. Микки, я имела в виду то, что тебя совершенно никто не интересуется, не трогает...

– Ты хочешь сказать, что я – эгоист, и заиклен исключительно на себе? – вновь перебил подругу Микки, вскидывая бровь и смотря на неё.

– Я знаю тебя достаточно давно и потому понимаю, что это не совсем так. Но, если тебя знать плохо, то складывается ощущение, что тебе вовсе никто не нужен.

– А кто мне должен быть нужен? – спросил Микки, вновь бросая взгляд на Клер.

Ответа на свой вопрос парень дожидаться не стал и, вернув взгляд к лезвию ножа, добавил:

– Клер, в моей жизни как-то особо не было людей, которых бы хотелось никогда не отпускать.

Женщина опустила взгляд, понимая, что друг завёл тяжёлую тему. Но, казалось, что она была таковой больше для неё, чем для самого Микки.

– Обычно, – продолжал брюнет, – любить учатся на родителях. Но у меня с этим как-то не срослось. Сама должна понимать, что трудно любить тех, кого не знаешь.

Он слегка скривил губы, будто откусил чего-то горького. Но было удивительно то, что внутри он не чувствовал горечи и боли от своих слов, он не испытывал вообще ничего, говоря о тех самых главных людях, которых не случилось в его жизни.

– А она тебе не снится, твоя мама? – спросила Клер, поднимая глаза и смотря на друга, на его профиль.

– А как она мне может сниться? – не слишком эмоционально удивился Микки. – Мы с ней, можно сказать, не успели познакомиться...

– А мне моя часто снится, – грустно вздохнула Клер. Её мать умерла пять лет тому назад.

– Может быть, мне бы тоже снилась, помни я её лицо. Я даже не уверен, что я его видел...

Он повернул голову к подруге и добавил, спрашивая:

– Дети же, кажется, видят размыто и плохо после рождения?

– Да.

– Значит, точно не видел, – вздохнул Микки и вновь отвернулся.

Клер понимающе кивнула, не зная, видит ли это друг и, решая оставить его слова без ответа. Продолжать тему его семьи не хотелось. К тому же, о матери парень и так уже рассказал все те жалкие мелочи, которые знал. А об отце он никогда и ничего не говорил, будто отца у него не было вовсе. Иногда Клер безумно удивлялась и даже ужасалась тому спокойствию, с которым Микки говорил о своей трагедии. И никогда он не вдавался в подробности своей истории, будто она была чем-то совершенно не интересным для него.

А что испытывал сам Микки в эти моменты – моменты воспоминаний и слов о самых главных людях в жизни любого человека... Он не испытывал ничего. Трудно плакать и убиваться по тем, кого никогда не знал, и он не убивался, не страдал. Он, вообще, редко демонстрировал глубокие эмоции и испытывал их, ограничиваясь поверхностным реагированием на окружающие раздражители: смехом, удивлением, раздражением...

– Я тебе не мешаю? – спросила Клер после пяти минут молчания.

– Нет, можешь оставаться, только ненадолго.

– Нужно личное пространство?

– Оно мне нужно всегда.

– Иногда твоя любовь к темноте и одиночеству наталкивает на мысли о том, что ты желаешь поскорее лечь в гроб.

Микки хмыкнул, несколько секунд думая, а затем отвечая подруге:

– Нужно над этим подумать... Куплю гроб и попробую в нём спать.

– Микки, это уже перебор, – поморщившись, произнесла Клер.

– А я не вижу в этом ничего такого... – задумчиво ответил парень, вновь полностью сосредотачиваясь на тонком лезвии ножа.

Минуты две они сидели молча, но Клер вновь нарушила молчание, обращаясь к другу:

– Знаешь, Микки, когда ты так странно смотрел на Хлою в конце вечера, а потом сбегал, я уже подумала, что ты с ней что-нибудь сделаешь...

– Поэтому я и ушёл, – бесцветно ответил брюнет. – Проще предотвратить появление желания, чем потом бороться с ним.

– Да, – согласилась Клер. – И, пусть Хлоя тоже не ангел, мне бы не хотелось, чтобы на твоих руках была её кровь.

– Все люди – не ангелы, – смотря перед собой, произнёс Микки. – Потому нас и изгоняют из всех хороших мест, вроде Эдема. И, Клер, сделай я что-нибудь с Хлоей, ты бы всё знала и потому была соучастницей, а это значит, что её кровь была бы и на твоих руках, пусть и не материально.

Женщина опустила голову и покачала ею, занавешивая лицо волосами. Она знала не всё, но многое о Микки и его поступках и не осуждала его, равно, как и не боялась. Её философия жизни была проста – у каждого есть свои причины для тех или иных поступков, не стоит их судить, а лучше следить за собой.

Парень видел этот жест подруги, но никак не отреагировал на него. Она не понимала его, не могла полностью понять, и в этом не было ничего удивительного. Его душа была подобна тёмному подвалу, где совсем ничего нет и под потолком много паутины – посвети туда фонариком и разбудишь древнего монстра, либо просто увидишь ничто.

– Я, наверное, пойду? – произнесла Клер, поднимая голову и смотря на друга.

Брюнет никак не реагировал секунды две, затем ответил:

– Я же сказал, что ты можешь остаться. Ты мне не мешаешь.

– Ты не в настроении, Микки, думаешь, я этого не вижу? Отдохни лучше, – Клер встала. – И я отдохну, лягу пораньше спать, может быть, тогда будет шанс завтра проснуться без похмелья и головной боли.

– Я всё равно не лягу сейчас спать, – проговорил Микки. – Так что, мне без разницы.

– Зря, – вздохнула Клер.

– Может быть... Но мне не спится.

– Выпей и будет проще заснуть.

Подумав немного, Микки кивнул и обратился к подруге:

– Да, пожалуй, так и сделаю. Принесёшь вино и бокал?

– Да, без проблем.

– И стакан воды, пожалуйста.

Второй просьбы парня Клер не совсем поняла, но переспрашивать не стала и покинула его спальню, чтобы вновь вернуться через несколько минут со всем, чего попросил Микки.

– Спасибо, – негромко произнёс брюнет, принимая из рук подруги поднос и наконец-то меняя позу и садясь.

Клер подошла к кровати и тоже села, занимая край постели, смотря на друга из-под опущенных ресниц. Парень взял стакан воды и сделал небольшой глоток, в задумчивости медленно облизывая губы.

– Микки? – в который раз обратилась к брюнету Клер.

Ей уже и самой надоела собственная инициатива, с которой она пыталась завязать диалог. Потому, она решила задать последний интересующий её вопрос и оставить Микки в одиночестве, в котором, как видно, он сейчас нуждался и которого желал.

– Что? – отозвался парень и прилёг, скрепя ноги и закладывая руки под голову.

– Когда ты сможешь меня провести в «Плоть»?

– А насколько ты приехала?

– Я должна вернуться не позднее двадцать восьмого февраля.

– Значит, у нас есть больше месяца... – задумчиво произнёс брюнет. – Давай, недели через две?

– А я могу выбрать?

– Можешь, – кивнул Микки и потянулся, не расцепляя замка рук на затылке. – Ты можешь выбрать – посетить клуб через три недели или через четыре.

– Понятно, – поджала губы Клер, но быстро вернулась к нормальной мимике, вспомнив, что такой жест некрасиво ломает черты лица. – Тогда, лучше я выберу – через две или через три недели.

– Хорошо. За это время ты должна пройти медицинское обследование и заключить договор.

– Знаешь, Микки, – женщина легла набок рядом с другом и подпёрла голову рукой, смотря на парня, – ты – прирожденный бизнесмен. Дружба – дружбой, но условия для всех равны.

– Дело не в бизнесе, – слегка поморщился Микки и почесал нос. – Дело в безопасности, в том числе и твоей. Зачем нам рисковать?

– Да, в самом деле, – согласилась Клер. – Незачем. Просто, в прошлый раз я обошлась без договора.

– Это было два года назад, – Микки вновь потянулся. – С тех пор всё стало серьезнее. Но и тогда я рисковал. И ты, – он взглянул на подругу, – кстати, тоже.

– Может быть, расскажешь мне уже о моих рисках?

– Это неважно, – слегка поморщился Микки и вновь отвернулся, смотря в потолок. – Просто заключи договор и не нарушай его.

– Хорошо.

Вновь воцарилось молчание. Клер полежала ещё немного, но затем вспомнила своё решение уйти и покинула спальню брюнета. Микки полежал ещё несколько минут, смотря вверх, изредка моргая. Затем парень сел и, открыв ящик тумбочки, нашупал в нём флакончик с лекарством. Выбросив на ладонь несколько таблеток, он отправил лишние обратно в упаковку, оставляя одну штуку. Не следует пить больше, если, конечно, ты не хочешь посмотреть психоделические мультфильмы в своей голове, а затем подохнуть в лужах собственной мочи и рвоты, дёргаясь в судорогах, будто тебя раз за разом бьют током. Примерно так выглядит передозировка...

Оглядевшись в поисках стакана с водой, Микки взял его и, положив достаточно крупную бледно-розовую таблетку в рот, отхлебнул воды, глотая. Запив лекарство, парень вернул стакан на тумбочку и вновь лёг. Оставалось подождать минут сорок, и можно будет пить вино, за это время лекарство должно успеть всосаться и избежать прямого контакта со спиртным. Мешать подобные препараты с алкоголем вообще не следовало. Но – что остаётся делать, если хочется добавить градуса в кровь, а в ней обязан находиться токсичный препарат? Ничего... Расслабиться, выпить и надеяться на то, что ты не придёшь в себя в реани-

мации недели через две. Впрочем, Микки достаточно давно смешивал лекарства и алкоголь и успел понять, что ничего страшного от этого союза не случится, если, конечно, всё делать с умом.

– Полчаса, – прошептал брюнет, смотря в потолок из-под опущенных ресниц. – Подождём...

Глава 5

...Я не вою на луну. Но и она не воет на меня. Она боится...

Микки сидел на подоконнике, выглядывая на улицу, где стемнело уже так давно, а вот рассвети должно было нескоро – январь...

Город примерно час назад окутал густой туман, а минут десять назад к его грязно-молочному цвету примешался цвет истиной белизны и чистоты – снег, который крупными хлопьями сыпался с неба, неспешно кружился в воздухе и оседал на тротуары и дороги, чтобы тут же погибнуть, растаяв.

Парень сидел, прислонившись виском к холодному стеклу и наблюдая за прохожими, которые были редки, но, всё же, появлялись на пустынных улицах. Из-за густых облаков просачивался свет полного грязного диска луны и оглаживал сетчатку глаз брюнета, но не дарил особо света, будучи не в силах развеять ни тьму его спальни, ни смуту души, которая была похожа на мёртвое болото, на дне которого таились взрывоопасные токсичные газы.

Рядом с Микки стоял пустой бокал и бутылка вина, на дне которой осталось напитка примерно на полбокала. Удивительно, но за долгие часы парень не успел его допить. Впрочем, он никогда особо не любил напиваться, а просто иногда заменял вином любимый красный чай, расслабляясь и коротая очередной вечер наедине с его богатым вкусом.

Думать Микки было толком не о чем – будущее его было туманно, как и будущее любого другого человека, потому что загадывать о нём глупо, у судьбы на всё свои планы. А прошлое...

А о прошлом брюнет вспоминать не любил. Он не бежал от своих воспоминаний, но и не углублялся в них, не пытался прокрутить в голове, наполнить жизнью, проанализировать. О чём там, в прошлом, думать?

Детство его не было счастливым, светлым и преисполненным уютного покоя временем, как это бывает у большинства детей. Детский дом, интернат для психически больных детей, который между собой воспитатели называли «Питомником», потому что отношение к его воспитанникам было едва ли лучшее, чем к животным. Конечно, находились те, кто был добр душой, любил свою работу и тех малышей, в которых она заключалась, но их было мало. Микки мог вспомнить только одну такую женщину, которая носила забавную высокую причёску и маленькие очки, но, увы, она ушла на пенсию, когда Микки было четыре года. Больше тех, кто не считал «особенных» детей животными, он не помнил.

Вспоминая годы, проведённые в интернате, Микки приходил к выводу, что, если ад есть, то он был именно в нём. Отношение к детям в тех стенах было нечеловеческое, а атмосфера столь жуткая, что и сатана бы перекрестился. В этом смысле повезло умственно отсталым малышам, которых в интернате было большинство, потому что они просто не понимали происходящего и всего его ужаса. Но Микки таковым не был.

Вздыхнув, парень прикрыл глаза, невольно вспоминая девочку из интерната, которая страдала тяжёлой формой аутизма и всё время плакала, раскачивалась взад-вперёд и выла, как побитый волчонок. Она исчезла, когда ей было лет шесть. Усыновили ли её или она умерла? Микки не знал правильного ответа. Детская смерть в стенах интерната была нормальным явлением, обыденным и, казалось, даже поощряемым со стороны воспитателей, потому что они никогда особенно не смотрели за тем, чтобы дети не убились – меньше психов, меньше проблем и работы. Жёстко, жестоко и отвратительно до дрожи. Но это было той истиной, которую брюнет отлично помнил. Один раз он едва сам не пал жертвой халатности работников интерната. Ему тогда было четыре года, и его едва не задушил восьмилетний мальчик, страдающий синдромом Дауна. Он до сих пор помнил это отвратительное ощущение

ние удушья и понимание того, что это конец. Но в тот раз ему повезло. А сколько было тех, других, к кому судьба оказалась менее благосклонна? Много...

Что ещё? Микки помнил усыновителей, которые забирали его домой, но от которых он неизменно возвращался обратно в муниципальные сцены, потому что приёмные родители странным и, порой, совершенно глупым образом погибали. За эту его особенность – приносить смерть в счастливые дома и семьи, Микки прозвали в приюте «Проклятое дитя», что сначала добавило ему проблем, а после отвело от него всех, заставило избегать – никто не любит особенных. Тем более, что с восьми лет он стал воспитанником уже обычного приюта, где не было психически больных, а были просто озлобленные, одинокие, забытые всеми дети.

Всего за жизнь Микки его усыновляли четыре раза. Первый случился ещё в младенчестве, ему было всего полтора месяца, когда мужчина по имени Ноах взял его к себе и стал ему отцом. Несмотря на малый возраст, Микки всё равно запомнил лицо Ноаха – он был степенным евреем, как с картинки, носил традиционные одежды и длинные пейсы, которые так забавно покачивались, когда он склонялся над кроваткой мальчика. Жена Ноаха вместе с его маленьким сыном Давидом погибли в автокатастрофе, и именно в память о них мужчина решил сделать доброе дело и взять ребёнка из приюта, заменить им ушедшего сына. И Микки смог заменить ему ребёнка, но ненадолго, потому что Ноах умер от инсульта, когда мальчику было два года. Микки вернулся в приют.

Второй раз его усыновили, когда ему было почти пять, и эта жизнь в семье была для него самой непродолжительной – всего полгода. Потом приёмная мать умерла, а убитый горем отец не имел возможности справляться с ребёнком, о котором уже было известно, что он «особенный», и вернул мальчика в приют.

Третий раз случился в восемь лет и продлился полтора года, но и тогда Микки суждено было вернуться в приют, потому что приёмные родители погибли – отравились газом во сне, а его сводному брату было семнадцать лет и потому он не мог взять опеку над мальчиком, хоть и желал это сделать, чтобы у него остался хоть кто-то родной, пусть и не по крови, в этой жизни. Почти год после возвращения в приют Микки переписывался с братом, а потом его посадили за распространение наркотиков. А в девятнадцать парень умер – передозировка. Опять наркотики...

И, наконец, четвёртый раз, когда Микки пожелали принять в семью, случился, когда ему было двенадцать, лет и продлился почти до шестнадцати. Он стал последним. Больше никто не решался впускать в свой дом «Проклятое дитя», да и кому нужен подросток с характером? Всем нужны милые пухлощёкие малыши, на которых можно возлагать надежды и тискать их, как плюшевые игрушки.

А ещё в прошлом Микки было множество «каникул» в психиатрических больницах...

Парень вздохнул, на несколько секунд закрывая глаза, а затем вновь поднял веки, устремляя взгляд вниз, упираясь им в мокрый от снега асфальт. Не просидев так долго, брюнет взял вино и, перелив его остатки в бокал, покрутил его, после чего сделал небольшой глоток.

Память... Паскудное слово, когда ты не хочешь вспоминать, и совершенно бессмысленное, когда вспоминать особенно нечего а, главное, некого. Да, Микки ни к кому и никогда не испытывал того самого чистого душевного тепла, без которого невозможен человек и которым так преисполнены души маленьких детей. Ему было некого любить. И, порой, могло показаться, что он не умел этого вовсе – не научился. Он примерно одинаково относился как к вещам, так и к людям. Его сердце спало крепким сном, потому что когда-то, давно-давно, никто его не «активировал», не дал того тепла и любви, без которых сон мышечного органа в клетке рёбер может быть вечным, летаргическим...

Сделав ещё глоток вина, Микки спрыгнул с подоконника и подошёл к кровати, так легко ориентируясь и двигаясь во тьме – глаза давно привыкли. На покрывале поблёскивал в тусклом свете полной луны длинный тонкий нож, которого парень так и не убрал.

Отхлебнув ещё вина, брюнет взял клинок, обхватывая его холодную увесистую рукоять длинными пальцами, неторопливо покрутил в руках, оценивая со всех сторон. При взгляде на эту холодную опасную сталь в душе поселялось зудящее желание распороть им кожу и вонзить в плоть, пустить кровь.

Поднеся кончик ножа к лицу, Микки коснулся им нижней губы, прижимая к ней, но нажимая не настолько сильно, чтобы распороть плоть. Лёгкая, будто бы фантомная боль, лениво поползла по проводам нервов от губ к мозгу, ненавязчиво говоря: «Убери оружие».

– Уберу, – прошептал Микки, отчего холодная острая сталь всё-таки вонзилась в его губу, оставляя миниатюрный порез.

Отняв клинок от лица, парень резким движением бросил его вперёд. Пролетев три метра, нож вонзился в дерево двери, застревая там. Микки ухмыльнулся, оставшись довольным тем, что умение обращаться с оружием он не растерял, но думая, что следует обновить эти знания.

Пройдя к двери, парень выдернул из неё нож и вернулся к кровати. Бросив оружие в ящик тумбочки, он взял с неё позабытый бокал и залпом допил его содержимое. Забрав пустую бутылку и бокал, брюнет покинул спальню, отправляя стакан в посудомоечную машину, бутылку в мусорное ведро, а себя самого в душ. Пять часов и пять минут утра – самое время, чтобы лечь спать.

Глава 6

...Вкус безумия напоминает чай с бальзамом – иногда в самый раз, а иногда от него хочется блевать...

Бесконечный гул голосов. Их так много, что в общем потоке не разобрать какого-то одного, не вычленишь его. Сначала они говорят тихо, мирно, шепчут, потом голоса становятся всё громче и громче, становясь похожими на тон жаркого спора, скандала. Они будто кричат на него, и он будто виноват. В чём? Ответа никто не знает...

Громче и громче – почти крик, почти вой. Невозможно разобрать ни единого слова, будто речь, на которой кричат голоса, является чуждой и незнакомой. Но она точно знакома. Точно... Родной язык не забудешь.

Из общего гула выбивается один голос и остальные притихают, будто бы выказывая ему уважение или попросту боясь. Этот голос мужской, бархатный и такой ровный, будто хочет усыпить навечно, умертвить. Этот голос, бесспорно, принадлежит самому искусному гипнотизёру, который, вгоняя своих зрителей в транс, воплощает на них свои тёмные желания и обращает жертвами.

Такой чуждой и безумно знакомый. Микки будто слышал этот голос когда-то давно-давно, словно в другой жизни и через слой воды. Его невозможно опознать, но и забыть невозможно. Он просто есть, где-то там, на самых глубинных уровнях бессознательного, куда не докопается даже самый выдающийся психоаналитик.

Они говорят, говорят... Все иные голоса отходят на задний план и уходят в фон, чтобы совсем скоро вовсе замолкнуть. Они не могут говорить, когда говорит ОН.

– Кто ты? – во сне шепчет Микки, ворочая головой.

Подушка уже вся измята, на висках парня блестят капли холодного пота, а под закрытыми веками медленно выплывает изо мрака картина...

Микки резко открыл глаза, просыпаясь от странного сна, смотря широко распахнутыми глазами на белёсое полотно потолка и будто до конца не веря в то, что сновидение позади.

Дыхание парня было шумным и прерывистым, он дышал ртом, потому что в противном случае просто задохнулся бы. В голове его продолжало гудеть, но виной тому были уже не голоса, которые остались во сне, а в реальности пока не «пробудились». Виной тому была боль и стук сотен, тысяч молоточков в левом виске, которые разрывали черепную коробку на части и заставляли морщиться, желать вновь упасть на подушку и вновь проснуться, но уже в истинном настоящем, в котором нет боли и в котором хочется встать с постели.

Поморщившись, скривившись, будто надкусил лимон, Микки переполз к краю постели и опустил ноги на пол. Босые ступни тут же обдало прохладой, но свежести этот холодок не добавил. Брюнет ощущал себя невыносимо и ужасно помято, в голове продолжало неистово стучать, а сердце не желало успокаиваться и переставать скакать галопом в своей тесной клетке рёбер.

«Придётся успокоить медикаментозно», – подумал Микки, но претворять свою затею в жизнь сразу же не стал.

Встав и подтянув сползшие джинсы, которых он на ночь так и не снял, брюнет вышел из спальни и направился к ванной. Яркий солнечный свет, отражаясь от лёгкого снежного покрова, прыгал прямо в окна квартиры и слепил глаза, раздражал нервы, заставляя морщиться ещё больше. Такое ощущение, будто провода нервов вдруг замкнуло и они начали медленно плавиться, не пережив короткого замыкания и стекая жжёной резиной вниз.

Микки слегка шатало, водило из стороны в сторону, и он придерживался за стену, чтобы не потерять опору и связь с реальностью, чтобы квартира вдруг не расплылась, разъезжаясь стенами в разные стороны.

Дойдя до ванной комнаты, парень зашёл внутрь, включил свет. Ванна и душевая кабина, унитаз, коврик, умывальник и зеркало над ним, шкафчик... Всё на своих местах.

Отпустив дверной косяк, в который Микки вцепился, сам не заметив, как, парень подошёл к умывальнику, бросил взгляд в зеркало. Что-то было не так там, под серебристой поверхностью зеркала, но, что именно было не так, брюнет понять не смог, он не попытался этого сделать.

Открыв кран, Микки подставил руки под ледяные струи, стоя так, пока пальцы не онемели от холода. Затем, набрав полные ладони воды, парень плеснул ею в лицо, смывая прочь остатки сна. Полегчало. Но не сильно – бой гонга в голове остался.

«Точно не сплю», – подумал парень. Ощущение ледяной воды на руках и лице не оставляло шансов думать, что всё происходящее является сновидением.

Вздыхнув, Микки перекрыл воду и, стянув с себя джинсы и трусы, забрался в ванную. Включив воду, вновь избрав ту её температуру, от которой даже сердце холодело в груди, парень сел, подставляясь под ледяные струи.

Холодная вода лилась ему на голову и стекала вниз: по плечам и груди, заставляла кожу покрыться мурашками. Но так было проще. Так появлялась та самая «трезвость», которой Микки сейчас так не хватало.

Откинувшись на бортик ванны, брюнет прикрыл глаза, продолжая ощущать лютый холод, оседавший почти кристаллами льда на коже, и вновь чувствуя лёгкую сонливость, которая захватывала, завлекала, шепча, подобно развратной женщине: «Пошли со мной. Закрой глаза. Тебе понравится...».

Дамам не отказывают.

Поддавшись этому зову, Микки закрыл глаза, окончательно расслабляясь и вновь погружаясь в приятную дремоту. Даже ощущение холода почти пропало, смазлось на коже...

Микки резко открыл глаза. Больше не было назойливых болезненных ритмов в висках. А вокруг него вновь была спальня, а под ним мягкая кровать.

– Твою мать, – простонал брюнет, закрывая ладонями лицо. – Это вновь был сон...

Он полежал так несколько секунд, давя на кожу – хорошо хоть, что ногти были короткими и не могли ранить, затем отнял ладони от лица, смотря вверх, в потолок.

– Конечно, сон, – он улыбнулся и вновь прикрыл глаза, пригладил ладонью чёлку. – Точно... – улыбка стала шире и ярче. – Зеркало... В зеркале не было моего отражения в этом дурацком сне. И как я мог не обратить на это внимания и не понять, что я сплю?

Фыркнув, парень покачал головой и сел, продолжая улыбаться. Но радость его не была долгой.

«А сейчас? – подумал Микки, хмурясь. – А сейчас я сплю? Или это уже истинная реальность?».

– *Истиной реальности не бывает, ибо реальность каждого существует лишь в системе координат его мировосприятия и потому является строго субъективной.*

Микки слегка поморщился, услышав эту фразу одного из своих «голосов». Ему имени он так и не дал, потому что, пусть он тоже был постоянным «жителем» его головы, но как-то особенно себя не проявлял.

Наличие «голоса» наталкивало на мысль о том, что всё происходящее точно является реальностью, потому что во снах этих «советников» чаще всего не было, хоть во сне Микки мог от них отдохнуть, зная, что они точно не придут. Но, порой, изо сна хотелось как можно скорее сбежать даже, несмотря на то, что в них присутствовала эта свобода.

Оставив высокопарное философское высказывание «голоса» без ответа, Микки переполз на край кровати. Его даже не посещало ощущение дежа-вю – слишком часто ему приходилось сталкиваться с подобными прыжками между «параллельными реальностями», прыжками из сновидения в сновидение.

Опустив ноги на пол, брюнет огляделся вокруг. Всё казалось знакомым, нормальным и внушало доверие. Но доверять своим глазам иногда нельзя, и Микки это прекрасно знал. Есть только один действенный способ проверить, сон это или явь...

Пересев ближе к тумбочке, парень положил на неё ладонь, выжидая несколько секунд, а затем замахнулся и со всей силы ударил её ребром об острый угол. Боль мгновенно вонзилась стрелой в мозг, пробегая по проводам нервов, окутывая всё тело своей призрачной искрящей сетью.

Лишь слегка поморщившись от этих ощущений, Микки перевернул руку, смотря на ушибленное место, где на коже от силы удара остался порез, из которого уже сочилась горячая алая кровь, а кожа вокруг краёв раны окрасилась в оттенки синего и бордо. Да, такой синяк сойдёт не скоро...

С каждой секундой ощущение боли становилось всё более размытым, пока не исчезло вовсе. Нервы Микки давно научились изолировать очаги боли, чтобы не страдало всё тело, чтобы парень не сошёл с ума – она слишком часто была его верной спутницей.

«Не сплю, – подумал брюнет, вздыхая. – Не сплю... Господи, – он вновь закрыл ладонями лицо, с силой нажимая на кожу, – как же мне это надоело...».

– *Просто, ты не можешь спокойно спать, когда кто-то рядом, когда кто-то чужой находится в твоём доме. Он может быть опасен...* – привычным пониженным тоном со змеиной хрипотцой произнёс голос в голове парня.

«Голос» этот Микки звал «Искусителем» и он был самым опасным «обитателем» его сознания. Иногда парень задумывался над тем, когда же его сознание расколосось, и осколки его обратились этими «голосами»?

«Наверное, это случилось ещё в материнской утробе», – думал парень в ответ на свой же вопрос. Но проще им было не задаваться.

Эти «голоса» были с ним всегда, без них Микки себя не помнил. Радовало только то, что разговаривали они с ним не постоянно, даже не каждый день. Потому что, пусть парень привык к «обитателям» своей головы, но иногда от них становилось тошно. Вот, например, как сейчас...

Вновь вздохнув, брюнет достал из ящика тумбочки салфетку и, быстро и не слишком аккуратно утерев кровь с руки, встал и покинул спальню.

В душ Микки решил сходить позже, а сейчас направился на кухню, чтобы выпить кофе и покурить – может быть, это поможет. Утро только началось, не прошло ещё и часа нового дня для Микки, но настроение у него уже было ни к чёрту.

Рывком открыв дверь на кухню, брюнет на несколько секунд задержался на пороге, угрюмо смотря на Клер, которая сидела за столом, а затем прошёл внутрь.

Ничего не сказав подруге, надеясь, что она всё поймёт по его виду и не станет донимать расспросами и болтовнёй, Микки подошёл к кофеварке и включил её, упираясь руками в тумбочку и ожидая, когда напиток будет готов, сверля тяжёлым взглядом машину.

– *Тебе же нельзя...*

Микки не дослушал высказывание, которое смазлось, теряясь где-то на задворках сознания. Зажмурившись, парень до белых костяшек сжал край тумбочки, будто этот жест мог ему помочь.

«Ненавижу, – цедил про себя брюнет, чернея с каждой секундой, начиная дышать тяжелее. – Ненавижу...».

Он ненавидел такие дни – когда ему было и без того муторно, а «рой» в голове добивал его. В такие моменты хотелось ломать и крушить всё вокруг, а потом сворачиваться клубочком посреди комнаты, усыпанной обломками и хламом. Хотелось убивать, рвать, терзать, а потом медленно и со вкусом срезать с человека кожу и раскладывать её ленты на идеально чистом полу.

Микки мотнул головой.

– Уходи, – произнёс он, не оборачиваясь. И так было понятно, к кому он обращался.

Клер вопросительно вскинула бровь, смотря на голую спину друга.

– Уйти? – переспросила женщина.

– Да, – выдохнул Микки, продолжая сжимать края тумбочки. – Прошу тебя. Езжай в отель.

Он помолчал несколько секунд, говорить нормально было достаточно сложно, Микки не хотел сорваться. Нет, только не сейчас.

– Хорошо, – согласилась Клер после достаточно долгого молчания. – Я допью кофе и уеду. Или принципиально, чтобы я уехала прямо сейчас?

– Нет. Можешь допить.

Прозвенела кофеварка, вот и кофе подоспел. Наполнив обжигающим чёрным напитком чашку и пролив немного из-за напряжения, которое выливалось в дрожь рук, Микки взял её и сел за стол, сразу же поднося ко рту и делая миниатюрный глоток, обжигая губы – дурацкая привычка неосторожности.

– Не пей кипяток, – сказала Клер, смотря на друга.

– Знаю, что не надо. Просто, забылся, – парень вздохнул и поставил чашку на стол, опустил голову и обхватил её руками.

Он помолчал какое-то время, затем добавил, не поднимая головы:

– Можешь потом снова приехать ко мне и пожить здесь. Только обязательно позвони перед тем, как это сделать.

– Хорошо, Микки, – кивнула женщина. – Я не буду ущемлять твоё право на личное пространство.

Брюнет попытался улыбнуться в ответ, но вышло как-то криво и изломано, лучше бы он вообще этого не делал. Посмотрев на друга ещё несколько секунд, Клер вздохнула и, залпом допив остатки кофе, встала, отправляя пустую чашку на тумбочку около раковины.

Без лишних слов, женщина ушла: сначала с кухни, а затем и из квартиры, не забыв попрощаться. Микки ответил ей на автомате, но всё-таки встал и провёл её до выхода, открыл дверь.

– Пока, – ещё раз повторила Клер, завязывая шарф.

– Пока, – негромко ответил брюнет, кивая.

– Я позвоню дня через три, – добавила женщина, отвлекаясь от зеркала и поворачивая голову к другу. – Если заскучаешь раньше – звони.

Микки кивнул, соглашаясь, Клер ушла. Закрыв за подругой дверь и неторопливо проверив замки, парень вернулся на кухню. Вновь сев за стол, он обхватил ладонями чашку и, подув на кофе, сделал глоток. Напиток продолжал оставаться горячим, но больше не обжигал.

Посидев так несколько минут, смотря перед собой и грея руки об тёплые и гладкие бока чашки, Микки встал, забирая с собой кофе и покидая кухню.

Переступив порог своей спальни, брюнет поставил кофе на тумбочку и сел на кровать, после чего достал из ящика лекарство. Приняв медикамент и обильно запив его горячим кофе, Микки лёг на спину, подкладывая руки под голову и бессмысленно смотря в потолок. Потом можно будет встать и заняться делами: принять душ и позавтракать, посмотреть теле-

визор, прогуляться. Но это – потом. А пока просто нужно, чтобы его отпустило и чтобы из его взгляда испарились ядовитые чёрные облака.

– Пожалуйста, – произнёс Микки, обращаясь к «жителям» своей головы и продолжая смотреть в потолок, – не разговаривайте со мной сейчас.

Его «голоса» были частью его сознания, потому сомнения в том, что они его слышат, не возникало. А вот, послушают ли они его – совершенно другой вопрос...

– *Я прослежу за ними*, – мягко отозвалась «Крёстная».

Микки слегка улыбнулся. Всё-таки, «Крёстная» была очень хорошей... жаль лишь, что она тоже была частью его безумия.

Глава 7

– Я готова, Микки, – произнесла Клер, в очередной и едва ли последний раз смотря в зеркало.

Брюнет кивнул, негромко угукая в ответ и сосредоточено смотря в серебристую поверхность другого зеркала, изучая своё отражение и пытаясь довести свой внешний вид до совершенства. Сегодня всё должно быть идеально.

С момента их с Клер договоренности уже прошло две недели. И в этот вечер они должны были отправиться в «Плоть» и неплохо провести там время.

– Мы поедem на твоей машине? – вновь обратилась к парню Клер.

Она не любила ждать и не привыкла этого делать, потому ожидание хотелось чем-то скрасить, занять непринужденной беседой.

– Да, – кивнул Микки, поправляя бабочку. Она и так была надета ровно, словно была перечёркнута прямой линией, нанизана на неё, но хотелось сделать ещё идеальнее.

Дома, либо же во время прогулок брюнет предпочитал носить джинсы и футболки, рубашки, но на важных встречах или мероприятиях он любил появляться исключительно в деловых костюмах. И любовь его была обоснована – костюмы до неприличия шли ему, так остро контрастируя с молодостью Микки своей официальностью и так непристойно подчёркивая то, что он отличался от большинства своих сверстников.

«Дьявол носит Prada, – подумал парень, слегка ухмыляясь своему отражению и застёгивая пуговицы на манжетах пиджака. – Только это не Prada...».

В самом деле, костюм Микки принадлежал к творчеству иного модного дома – Yves Sent Laurent. Костюм был чёрным, лишённым всякого блеска ткани, под ним была надета чёрная же рубашка. Шею парня украшала чёрная бабочка, а ноги – чёрные туфли.

Тёмные волосы, глаза цвета горького шоколада, куда кто-то пролил крепкого спиртного – в этом не приходилось сомневаться – и лёгкий излом улыбки-ухмылки на губах – весь облик брюнета был идеальной одой тьме и воспевал её в своих чертах. Лишь Клер, одетая в красно-оранжевое платье морковного оттенка, слегка портила идеальную песнь темноты. Но её морковное платье, тем не менее, ей очень шло.

– Можем выходить, – произнёс брюнет, продолжая смотреть в зеркало, разглаживая пиджак на плечах. – Только, – он всё-таки обернулся и опустил взгляд вниз, к ногам подруги, обутом в золотистые туфли с ремешками вокруг щиколоток – ты уверена, что не замёрзнешь?

– От подъезда до машины идти секунд двадцать, – отозвалась Клер. – И ровно столько же идти от машины до клуба.

– Думаю, до клуба путь будет более долгим, секунд сорок... – задумчиво произнёс брюнет, последний раз бросая взгляд в зеркало и окончательно переключая внимание на подругу.

Ах, эта его привычка – говорить серьёзно о смешном и нелепом! Любого опыта общения с этим парнем было недостаточно для того, чтобы научиться понимать, что он на самом деле имеет в виду: шутит ли, издевается или высказывает своё мнение?

– Это не имеет особого значения, – ответила женщина. – За лишние двадцать секунд я не замёрзну, но мне приятно, что ты беспокоишься о моём здоровье.

– Всё-таки, Клер, мы не чужие друг другу люди, – отозвался парень и надел куртку.

– Я уже и не думала, что услышу это от тебя. Как же хорошо, когда ты в добром расположении духа.

– Я тебе уже говорил об этом, – с лёгкой ноткой обиды ответил Микки. – Пошли.

Прежде, чем подруга успела что-либо ответить, брюнет открыл дверь и взял её под руку, мягко, но настойчиво увлекая к выходу. Не видя причин для того, чтобы сопротивляться, Клер последовала за другом и переступила порог.

Потратив с минуту на спуск на лифте вниз, Микки и Клер вышли на улицу, направляясь к предусмотрительно оставленной около самого подъезда машине парня.

Открыв подруге дверцу и усадив её в салон, брюнет обошёл автомобиль и занял водительское место. Заметив боковым зрением, что Клер ёжится и кутается в невесомую шаль, Микки включил печку, после чего взялся за руль и двинул автомобиль в неблизкий путь.

Глава 8

*Я связал тебя, и я люблю это,
Связал и я люблю это,
Так зачем освобождать тебя?*

*И вот ты связана, ты любишь это,
Честно – я обожаю это,
Я не буду плохим, я просто буду собой.
Marilyn Manson, Blood honey©*

Чёрный автомобиль плавно подъехал к высоким пиковым воротам огромного загородного дома и также плавно остановился, ожидая, когда перед ним распахнутся двери и пропустят внутрь.

Ждать долго не пришлось. Дверцы неторопливо бесшумно разъехались, складывалось такое чувство, будто ими не управлял никто, а в действие их приводила некая магия. Мягко надавив на педаль газа, Микки вновь двинул автомобиль вперёд, сворачивая налево и занимая свободное парковочное место, которых сегодня было достаточно.

Оставив машину на импровизированной парковке, на которой не было ни разметки, ни указателей – лишь название – Микки двинулся к высокому крыльцу из шести ступеней, но, не дойдя до него три шага, обернулся на Клер. Женщина по-прежнему оставалась около машины, будто не замечая, что вокруг неё правит февраль и холод, и, пытаясь устранить мелкие неполадки в туалете.

Дождавшись подругу, Микки протянул ей руку и, получив ладонь женщины в своё распоряжение, ступил на первую тёмную ступеньку, помогая подняться и Клер, выступая её опорой.

Взойдя на крыльцо, брюнет бросил взгляд на место над входной дверью, на котором обычно размещают вывески. Просмотрев туда несколько мгновений, он слегка ухмыльнулся и сделал шаг вперёд, переступая порог огромного дома.

Данное место не нуждалось ни в вывесках, ни в рекламе. О нём знали все те, кому положено было знать, и оно оставалось недоступным для тех, кто по статусу, материальному положению или ещё чему угодно не мог позволить себе стать постоянным гостем этого заведения. «Алая плоть» или просто «Плоть», как большинство людей называли её, была элитным секс-клубом, который по праву считался одним из лучших мест, где можно воплотить все свои, пусть даже самые отвратительные, желания и быть уверенным в том, что никто после не упрекнёт тебя в твоих страстях.

Система безопасности и охраны, которые едва ли уступали иному военному объекту. Обязательное заключение договора – «обета молчания». Запрет на то, чтобы проносить с собой любую технику во избежание утечки информации и предупреждения аудио или видеозаписи того, что происходит в стенах «Плоти», под который попадали даже слуховые аппараты. И самое главное правило, которое гласило: «Если ты переступил порог „Алой плоти“, то ты обязан вступить в половую связь минимум с одним человеком, либо удовлетворить себя посредством мастурбации, наблюдая за другой парой/парами».

Это правило, верно, было одним из ключевых факторов успеха «Плоти». Человек, пришедший в него, всегда мог сказать: «Это не я такой извращенец, это правила обязывают меня так себя вести» и успокоить себя этим, убедив, что душа его ещё имеет шансы на попадание в рай.

Микки снял куртку, оставляя её в первой комнате от выхода, и они с Клер прошли в следующее помещение, в котором царил приятный мрак, окрашенный синим. До слуха брюнета донёлся сладкий стон удовольствия, сорвавшийся с неких женских губ. Он даже не повернул головы, чтобы посмотреть на ту, которой было так хорошо в эти мгновения, и на того, кто дарил ей это блаженство.

– О, Клер!

Микки обернулся, смотря на крепкого мужчину с бритой головой, который спешил к ним, улыбаясь и раскинув в жажде объятий руки.

– Как же я рад тебя видеть! – добавил мужчина. – Как твои дела?

– Всё в порядке, Уилфред, – ответила женщина, приспуская шаль и оголяя плечи. – Как ты поживаешь?

Решив, что его дальнейшее присутствие в роли молчаливого свидетеля их диалога совсем не обязательно, Микки покинул подругу и её старого знакомого, поворачивая налево и проходя по просторному прямоугольному помещению, вдоль стен которого стояло множество диванов, пуфиков, столиков...

На одном из пуфиков сидела, раскинув ноги, девушка лет двадцати семи. А меж бёдер её, прикрывая юбкой дамы голову, расположился некий мужчина, о внешности и возрасте которого было трудно судить, не видя лица. Но фигура его была достаточно мощной.

Наградив наслаждающуюся лаской девушку лишь коротким равнодушным взглядом, Микки пошёл дальше, оглядывая свои владения и его гостей, он был хозяином данного заведения.

– Микки?

Брюнет обернулся на оклик, слегка щурясь, потому что в полумраке было трудно разглядеть лицо того мужчины, который встал с дивана и теперь направлялся к нему. Но по голосу парню удалось опознать «незнакомца».

– Здравствуй, Ричард, – мгновенно перестроившись на английский, на котором разговаривал мужчина, ответил Микки.

– Рад тебя видеть, – добавил мужчина, слегка кивая в знак уважения. – Давненько тебя не было здесь видно...

– Я не вижу особого смысла в том, чтобы пропадать здесь круглосуточно, – спокойно ответил Микки, складывая руки на груди и слегка пожимая плечами.

– А я бы здесь только и пропадал, – улыбнулся Ричард. – Действительно, выдающееся место. Ты молодец, Микки.

– Да, не спорю, – согласился парень. – А ты, Ричард, давно в последний раз был в «Плоти»?

– Две недели назад.

Микки негромко хмыкнул и несколько раз кивнул, выказывая понимание словам собеседника.

– Ты у нас один из самых постоянных посетителей, Ричард, – произнёс брюнет.

– Да, это так... – задумчиво ответил мужчина.

Микки показалось, что его собеседник чего-то не договорил. Но расспрашивать его парень не стал – захочет, сам расскажет. А, если нет, то и Микки будет всё равно.

– Микки, – вновь обратился к брюнету Ричард. Он сделался серьёзным. – Мне нужно с тобой поговорить. Уделишь мне несколько минут?

– Без проблем, – ответил Микки и, круто развернувшись, направился к выходу из комнаты, даже не удосужившись тем, чтобы показать собеседнику жестом, чтобы шёл за ним.

Но Ричард всё понял и поспешил проследовать за брюнетом, проходя за ним вслед по широкому просторному коридору, а затем по такому узенькому, что начинало спирать дыхание от ощущения давления стен, поднимаясь по лестнице.

Ричард не был стар, ему было всего тридцать восемь лет, но пристрастие к алкоголю и сигарам сделали своё дело, потому ему было трудно угнаться за Микки, который, будто порхая и не касаясь пола, преодолевал ступеньку за ступенькой и метр за метром.

Когда они взошли на третий этаж особняка и подошли к одной из сокрытых мраком дверей, Ричард уже прилично запыхался, Микки же даже не начал дышать тяжелее.

– Проходи, – произнёс брюнет, открывая дверь и пропуская гостя внутрь.

Мужчина переступил порог комнаты и, включив свет, занял место на тёмно-синем, почти чёрном кожаном диване. Раскинувшись на нём, Ричард обратился к парню:

– Присаживайся, Микки, у меня к тебе важный разговор.

Брюнет сел в кресло с высокой спинкой, резными подлокотниками и изогнутыми ножками, которое чем-то так напоминало трон.

– Говори, Ричард, – произнёс брюнет, откидываясь на спинку кресла. – Я тебя внимательно слушаю.

– Обычно так не принято, но я не стану долго ходить вокруг, да около и сразу перейду к делу.

– Правильно, – согласился Микки, слегка кивая и подпирая рукой голову.

– Да, – тоже кивнул Ричард и склонился вперёд, ставя локти на колени и подпирая руками подбородок. – Тогда, озвучу свой вопрос. Микки, как ты относишься к тому, чтобы продать мне долю в управлении «Алой плотью»? Знаешь, я – бывалый бизнесмен и умею управлять людьми и распоряжаться имуществом так, чтобы оно приносило прибыль в десятой, а то и сотой степени. К тому же, я неплохо знал Холи и, думаю, он бы был совсем не против такой сделки между нами...

Холи Гумперт был четвёртым и последним усыновителем Микки. Весьма состоятельный и более, чем неоднозначный человек с тёмными тайнами за порядочным образом, он во всём в жизни преуспел, но, несмотря на то, что он имел в своей душе с десятков демонов, он не сумел противостоять заклятью «Проклятого дитя».

Микки внимательно выслушал собеседника и слегка кивнул, беря паузу, задумываясь. Но его молчание было скорее данью правилам поведения в обществе, которые учили думать, прежде, чем соглашаться, либо отказываться от предложения, нежели настоящим размышлением. Ответ на вопрос Ричарда брюнет уже знал, но подержать лицо и дать надежду стоило.

– Нет, – произнёс Микки по прошествии секунд десяти.

Он откинулся на спинку стула, принимая расслабленную позу и слегка прикрывая глаза, смотря на удивленного собеседника из-под опущенных ресниц. Это было так мило. Ричард недоумевал всею душой из-за отказа Микки, он заключил не один десяток успешных сделок и отлично умел вести переговоры, уговаривать. Он не привык терпеть поражение и принимать отказ.

– Нет? – переспросил мужчина.

– Нет, – спокойно повторил брюнет, продолжая смотреть на собеседника из-под опущенных ресниц несколько скучающим взглядом. – Я не продам бизнес: ни долю, ни треть, ни десятую часть.

Ричард открыл рот, но Микки перебил его, продолжая и не давая возможности сказать:

– И не нужно меня уговаривать и пытаться переубедить. Это бесполезно. «Алая плоть» – моё дело. По крайней мере, пока. Если когда-нибудь я передумаю, я обязательно сообщу тебе о своём решении продать клуб, но пока мой отказ однозначен.

– Ты уверен, Микки? – спросил Ричард, он старался не показывать своего разочарования, но оно было заметно по глазам.

– Более, чем. Так что, Ричард, можешь возвращаться к остальным и продолжать развлекаться.

Ричард поджал губы, слегка кривя их, выдавая этим свою неприязнь к словам брюнета, к его отказу и скучающему тону, взгляду. Этот парень будто издевался над ним, не оставляя шансов на то, чтобы подобраться к нему, заглянуть в душу и, найдя там слабое место, надавить на него и добиться своего. Впрочем, пока что Ричард был не намерен прибегать к грязным методам, чтобы добиться своего. Он уважал Микки и более, чем любил его дело. Но, возможно, это только пока...

– Хорошо, – кивнул мужчина и встал. – Тогда, я вернусь в общий зал. Может быть, ты пойдёшь со мной?

– Нет. Я не разделяю твоих предпочтений и увлечений.

– Не будь так категоричен, Микки, – произнёс Ричард и достал из пиджака сигару и зажигалку.

Закурив и запустив в полёт тугое кольцо светло-серого дыма, мужчина добавил:

– Ты же сам знаешь, насколько изменчивыми бывают человеческие желания.

– А я не зарекаюсь, Ричард. Я, вообще, не люблю говорить «никогда».

Он помолчал несколько секунд, а затем добавил:

– Иди, наслаждайся вечером.

Ричард кивнул и, подождав ещё немного, постояв на месте, удалился, оставляя за собой приоткрытую дверь. Микки не успел нормально задуматься, погрузиться в свои мысли, когда дверь бесшумно отворилась и в комнату проскользнула девичья фигурка, окутанная тенью полумрака.

Вся в чёрной коже, с выбеленными волнами густых волос и плетью на увесистой рукояти в руке – она была похожа на одного из всадников апокалипсиса, вернее, всадницу, рыщущую по выжженной земле в поисках своего скакуна или того несчастного, которому не посчастливилось выжить в пожарище хаоса и ужаса судного дня. Но искала эта девушка совсем не жертву...

Скинув туфли на высокой танкетке, чтобы поступь её стала босой и бесшумной, девушка обошла кресло, в котором сидел Микки, и опустилась перед ним на колени, опуская голову и занавешивая приятное личико с чуть тяжеловатой челюстью длинными белыми волосами.

Брюнет слегка нахмурился. Его глаза были лишь слегка приоткрыты, и потому он видел незваную гостью смазано, образ её был разбит стрелами ресниц. Девушка сидела на коленях и не смела поднять головы без приказа, застыв в позе полной покорности. Принцесса хаоса хочет поиграть. Ей нужен Король.

Её можно было бы отправить восвояси, если бы Микки не пожелал «играть». Но парень решил поступить иначе.

Взяв из рук девушки плеть, брюнет медленно провёл её рукоятью по руке блондинки от запястья и до плеча, затем коснулся нижней челюсти, без слов требуя, чтобы она подняла голову. Не смея ослушаться немого приказа, девушка подняла голову, смотря покорным до неприличия взглядом на Микки, и влажный блеск её глаз, выдавал тот зуд, что терзал тело, нуждающееся в грубой ласке, в той игре, от которой душа, сперва, падает в ад, а затем возносится до небес.

Эту девушку звали Рейчел, ей было двадцать семь лет, и она пришла в «Плоть» чуть больше года тому назад. По жизни Рейчел была звездой низкопробных сериалов, которые ругают критики, но которые приносят своим актёрам, сценаристам и режиссерам огромные гонорары за свои многочисленные сезоны и сиквелы. Микки помнил её. Они уже «играли».

Смотря в лицо девушки тяжёлым холодным взглядом, брюнет неторопливо поднял ногу, касаясь мыском туфли подбородка Рейчел, проводя по щеке к губам.

– Я не люблю эти липкие блески для губ, – ледяным тоном проговорил брюнет. – Они пачкают.

– Извините, господин, – едва не трясаясь от страха, ответила девушка, виновата тупя взгляд.

Но ужас её был лишь видимостью, за которой крылось нарастающее возбуждение и удовольствие от завязавшейся игры.

Встав из кресла, Микки обошёл Рейчел, вставая сбоку от неё. Коснувшись рукоятью плети глубокого декольте девушки, брюнет обвёл его v-образный силуэт, заставляя Рейчел ещё сильнее задрожать в предвкушении боли.

Продолжая действовать невыносимо медленно, нагнетающее, Микки протянул руку и коснулся головы девушки, соскользнул на её затылок и, сжав её волосы, толкнул вниз, едва не ударя лицом об пол.

– Не смей вставать, – приказал брюнет, хоть и прекрасно знал, что Рейчел не попытается сопротивляться. – Я должен тебя наказать.

– Господин, мне будет больно?

Микки невольно подумал о том, что Рейчел достойна намного большего, чем третьесортные сериалы, которых слишком много на просторах интернета и телевидения. Её актёрская игра сейчас выглядела просто блестяще, а её страх наказания казался таким искренним.

– Непременно, – сухо ответил Микки, обхватывая рукоять плети ладонью и накручивая на палец плотные тонкие верёвочки.

Потратив на это занятие не более нескольких секунд, парень замахнулся и ударил Рейчел по спине. Несмотря на то, что она была одета, боль пронзила её, пробегая по проводам нервов, жала. Она негромко простионала.

«Ещё раз», – подумал брюнет и вновь замахнулся, ударя сильнее и ниже, по пояснице. Рейчел прогнулась в ней и зажмурилась. Она безумно любила эти ощущения.

– Скажи, что виновата, – холодно проговорил Микки.

– Я виновата...

– Громче, – новый удар.

– Я виновата.

– Я по-прежнему ни черта не слышу. Громче! – ещё один удар, который брюнет нанёс с такой силой, что Рейчел зажмурилась и поморщилась.

– Я виновата, господин, – произнесла девушка. Дыхание её уже было сбито.

– И ты должна понести за это наказание?

– Да, господин, должна.

– Отлично. Люблю сговорчивых. Но твоей вины это не умаляет передо мной.

– Извините, господин, я...

Договорить Рейчел не успела, сорвавшись на вскрик, потому что Микки нанёс новый удар, который обжёт кожу даже сквозь ткань и принёс влаги в глаза и ещё большей тяжести в низ живота.

– Не смей заговаривать без разрешения, – грубо одёрнул девушку брюнет и нанёс новый удар, но уже не такой сильный.

Рейчел вновь поморщилась, прогибаясь в пояснице, подставляя спину под удары и наслаждаясь ими. Глаза её были мокрыми от слёз боли, кожа под тканью чёрного комбинезона горела, но она не желала, чтобы пытка прекращалась. Да, ещё немного...

– Да... – не сдержавшись, простионала девушка, руша иллюзию наказания и выдавая своё удовольствие, сильнее прогибаясь и оттопыривая попу.

– Дрянь, – выплюнул Микки и ударил Рейчел наотмашь рукоятью плети.

Удар скользнул по плечу и пришёлся в нижнюю челюсть, отчего девушка невольно прокусила губу, на которой тотчас выступила капелька рубиновой крови, которую Рейчел не смела слизать без приказа.

– Ты хочешь, чтобы я тебя убил? – с таким жутким равнодушием спросил Микки, что, если бы всё не было игрой, у Рейчел бы душа покрылась изморозью. Но даже так по коже пробежал холодок.

– Нет, господин, что вы, как можно такого желать? – негромко отозвалась девушка, опуская голову.

– А, по-моему, хочешь... – задумчиво изрёк Микки, а затем громко рывкнул, заставляя Рейчел вздрогнуть: – На меня смотри!

– Извините, господин, – проговорила девушка, покорно поднимая взгляд и смотря на своего «короля».

Брюнет протянул руку и коснулся рукоятью плети подбородка Рейчел, а затем её разбитых губ. Он брезгливо поморщился.

– Теперь они стали ещё грязнее, – почти с отвращением произнёс парень, – твои губы.

Рейчел молчала, ожидая дальнейших слов Микки, его приказов. Они не заставили себя ждать.

Брюнет поджал губы и вскинул голову, награждая стоящую на коленях девушку взглядом свысока. Он произнёс:

– Раздевайся.

Рейчел кротко кивнула и покорно взялась за молнию на своём комбинеzone, расстегивая её, оголяя лишенную прикрытия бюстгальтера грудь с розовыми набухшими сосками. Стянув с рук рукава, девушка разделась по пояс, а после сняла с себя комбинезон полностью, оставаясь в одних лишь полупрозрачных чёрных кружевных трусиках. Микки не прикасался к ней, но точно знал, что она уже вся мокрая.

– И трусики тоже, – произнёс брюнет, слегка похлопывая себя рукоятью плети по ладони в ожидании. – Сними их.

Девушка вновь кротко кивнула и избавила себя от вещи. Когда Рейчел сняла бельё и отложила его в сторону, Микки отдал новый приказ:

– А теперь возьми их и утри губы.

Девушку прошибло дрожью. Это требование было унижительным и отвратительным, но оно будоражило до такой степени, что внизу живота всё скручивало, а бёдра её против воли сжимались.

Микки скучающим взглядом наблюдал за движениями Рейчел, за её возбуждением, которым сочилась каждая клеточка её тела. Оно так приятно пахло, витая в воздухе, заполняя собой всю комнату...

Подняв клочок кружева, девушка поднесла его к лицу, ощущая на ткани аромат собственного желания, медля. Но промедление её продлилось всего несколько мгновений. Подчинившись требованию «короля», Рейчел поднесла трусики к губам и утёрла их, стирая кровь и липкий блеск телесного цвета.

Она повторяла это действие раз за разом, стирая «грязь» и причиняя себе дополнительную боль, потому что разбитая губа саднила. Когда на губах её не осталось ни блеска, ни крови, Рейчел подняла взгляд, в ожидании смотря на Микки.

– Молодец, – сухо произнёс брюнет. – А теперь...

Он намерено взял паузу, возвращаясь к креслу и вновь раскидываясь в нём.

– А теперь, – продолжил парень, – избавь меня от этой липкой дряни, которой ты испачкала мой ботинок.

Он поднял ногу, демонстрируя Рейчел испачканный в её блеске для губ мысок туфли.

Подождав немного, дав девушке время насладиться приказом, Микки добавил:

– Слижи.

Его взгляд был тёмным и холодным, прицельным. Он смотрел прямо в глаза и проникал в душу, туда, где таились тёмные постыдные желания этой светловолосой девы.

Шумно вдохнув, Рейчел подползла к Микки и, взглянув ему в глаза, получив в ответ холодный равнодушный взгляд, наклонилась к его ногам и коснулась испачканного мыска обуви губами. Проходит всего секунда, и она высовывает язык и проводит им по гладкой поверхности туфли, слизывая «своё преступление».

Микки слегка ухмыльнулся. Как же это забавно – наблюдать за тем, кто сам желает быть униженным, растоптанным, кто жаждет этого всею душой.

Действуя как кошка, пьющая молоко, Рейчел раз за разом проводила языком по туфле Микки. След её блеска уже давно стёрся, а мысок ботинка начал блестеть от её слюны, но она не останавливалась, ощущая, как её колотит изнутри от дикого желания.

Ничего не сказав, брюнет убрал ногу от лица девушки, после чего обратился к ней:

– Молодец. А теперь надень трусики обратно. Надеюсь, они не сильно испачкались?

– Нет, господин, – отозвалась Рейчел и покорно исполнила приказ, надевая бельё, которое на ощупь теперь было мокрым и липким.

– Повернись ко мне спиной и встань на четвереньки, – отдал новый приказ Микки. – Мне нужно вытереть то, что ты нализила.

Не имея возможности предугадать действия брюнета, Рейчел повернулась к нему задом, слегка разводя ноги и опуская голову, мучась неведением. Микки не стал её долго пытаться.

Подняв правую ногу, брюнет коснулся мыском туфли внутренней поверхности её бедра и повёл вверх, через слишком томительные секунды достигая промежности девушки.

– Надеюсь, твои трусики не промокли насквозь и я не испачкаюсь в твоей смазке. В противном случае, тебе вновь придётся поработать языком.

Рейчел прикусила губу, шумно выдыхая и стискивая зубы, чтобы не застонать в голос. Говоря, Микки не переставал водить твёрдым гладким мыском ботинка по её истекающей влагой промежности. И после того, как договорил, парень не прекратил своих движений, стремясь «вытереть насухо».

От этого скольжения по самым чувствительным местам и складочкам хотелось выть и хныкать, но Рейчел терпела, играя по правилам и не смея разозлить своего «короля». Далеко не каждый умел быть таким, как он. Многие могли быть изощрённее на выдумку, но лишь в плане неприкрытой грубости и собственной похоти. Микки же был искусен в своих выдумках. Он был прекрасен в роли холодного бесчувственного короля даже, несмотря на юный возраст. А что будет, когда пройдут года и он наберётся большего тёмного опыта...

От одной мысли об этом лоно скручивало судорогой и Рейчел, всё-таки не сдержавшись, протяжно простонала, извещая своего «короля» о том, что готова кончить, если, конечно, он ей это позволит.

Микки в последний раз провёл ногой меж ног девушки, а затем несильно ударил по промежности. Эта боль была ощутимой, но не опасной. Рейчел зажмурила глаза, опускаясь и упираясь теперь уже локтями в пол, раздвигая ноги сильнее.

Сохраняя гнетущее царственное молчание, брюнет встал и, опустившись на колени позади девушки, взял её за волосы, сжимая до боли и резко дёргая, заставляя подняться. Он переместил руку вперёд и сжал её подбородок, шепча:

– Ты была дрянью, но сумела исправиться. Но моего тела ты всё равно не заслужила.

Рейчел открыла рот, чтобы что-то ответить – из-за возбуждения она уже почти забыла про правила игры и её запреты. Но сказать она ничего не успела. Ткань промокших трусиков скользнула по половым губам, вызывая в теле новую порцию дрожи – бельё сдвинули в сторону. А затем она ощутила, как в неё ворвалось что-то твёрдое и толстое, причиняя боль.

Микки ввёл в тело Рейчел рукоять плети, но пока всего на подлинны. А, когда он вновь твёрдо двинул рукой вперёд, вводя больше длины в тело девушки, боль сменилась большим наслаждением.

Рейчел выгнулась и простонала, начиная двигать бёдрами и самостоятельно насаживаться на согретую ладонями брюнета рукоять. В правилах игры и их соблюдении более не было смысла. Оставалось только достичь заветного экстаза.

Наслаждение Рейчел не заставило себя ждать. Микки наблюдал за тем, как изгибалась её спина, когда она всё чаще насаживалась на рукоять в его руках – ему не приходилось ничего делать. Слух ласкали её жаркие развратные стоны, а на руке оседали капли смазки, которой истекало её тело.

Раз за разом, всё быстрее и быстрее. Микки сильнее сжал рукоять, чтобы девушка не вырвала её из его руки, забывшись в порыве животной страсти, и через несколько движений Рейчел кончила, давась стонами и жмурясь до алых кругов под опущенными веками.

Девушка двигалась ещё примерно минуту, растягивая своё наслаждение, и Микки всё время терпеливо ожидал, когда она пресытится удовольствием и остановится. Когда это случилось, парень с характерным пошлым хлопом извлёк лоснящуюся от сока желания рукоять из тела Рейчел. Девушка слегка поморщилась – внутри поселилась лёгкая боль, и села.

Не дав ей и пары секунд на роздых, брюнет резко схватил её за волосы, оттягивая и разворачивая лицом к себе.

– Ты думала, что это конец? – спросил парень, смотря Рейчел в глаза. Его взгляд был сейчас взглядом истинного дьявола, ибо иное создание не могло обладать таким.

Не дожидаясь, пока девушка ответит, Микки поднёс плеть к её лицу, продолжая в упор смотреть в глаза и добавляя:

– Ты должна убраться за собой, Рейчел. Не разочаровывай меня. Ты же хорошая девочка?

Рейчел шумно сглотнула и покорно открыла рот, обхватывая губами перемазанную в своей же смазке рукоять. Прикрыв глаза, девушка покорно обсасывала её, пока Микки сам не прервал процесс.

– Достаточно, – произнёс брюнет, извлекая рукоять изо рта девушки. – Можешь быть свободна.

Микки вновь сел, широко разводя ноги и откидываясь на спинку стула. Рейчел взглянула на его оттопыренную ширинку, а затем в недоумении посмотрела в лицо. Глаза парня были слегка прикрыты, он выглядел расслаблено, что совершенно не вязалось с его очевидным возбуждением.

– Я могу идти? – переспросила девушка.

– Да. По-моему, я сказал это вполне внятно.

Рейчел посидела ещё несколько секунд, а затем встала, подбирая свою одежду и надевая её, а после обуваясь. Полностью вернувшись к первоначальному облику, девушка отошла к двери, оглядываясь на пороге, смотря на Микки. Парень не пытался проводить её ни делом, ни взглядом, продолжая сидеть в прежней позе спиной к двери.

Помедлив немного, Рейчел всё-таки покинула комнату, бесшумно закрывая за собой дверь, что, тем не менее, не укрылось от слуха Микки. Парень вздохнул и закрыл глаза, но в темноте своего внутреннего мира он пробыл недолго, вновь поднимая веки и тянясь к столику, на котором стояла пепельница.

Сигареты и зажигалка нашлись в кармане пиджака. Закурив, Микки вновь откинулся на высокую королевскую спинку, наслаждаясь горько-сладким дымом. Ткань трусов давила, а ширинка прижимала его возбужденный член, даря неприятные ощущения, но желания тут же броситься на поиски той, с кем можно будет снять напряжение, не возникало. Он

не испытывал в этом надобности. Всё происходящее было лишь рефлексом, инстинктом, а его можно было удовлетворить и позже.

Глава 9

Микки провёл в одиночестве несколько часов, дождавшись, пока тёмный лукавый вечер уступит своё место совершенной ночи, и наконец-то покинул своё «укрытие», которое едва ли имело право называться так, потому что двери этой комнаты, как и все остальные, за исключением входной, в особняке не запирались. Замки в этом месте не имели смысла, потому что уважаемые гости приезжали в «Плоть» совсем не за тем, чтобы прятаться по углам и стесняться.

Быстро преодолев длинные тёмные коридоры, брюнет вновь спустился на первый этаж и заглянул в, освещенный синим, зал, где начался вечер. В нём особо ничего не изменилось, разве что гостя, которая два часа назад наслаждалась оральными ласками от неопознанного Микки мужчины, куда-то исчезла. Либо уехала, либо переместилась в другую комнату.

Не став задумываться над этим и посвящать исчезнувшей даме даже тень размышления, брюнет покинул помещение, направляясь к другому залу и переступая его порог. В противовес «синему залу», этот был окрашен бардовыми цветами, и в нём было ещё темнее, что создавало иллюзию того, что ты находишься внутри огромного рубина, либо купаешься в бокале дорогого вина – купаешься, дышишь им, хмелеешь, но не тонешь.

Микки окинул комнату и всех, кто в ней присутствовал, равнодушным взглядом и прошёл внутрь, направляясь к одному из кожаных диванов, выбирая тот, на котором ещё никто не сидел. Раскинувшись на нём, брюнет взял с небольшого круглого столика бокал вина и пригубил напиток, вновь обводя помещение взглядом и задерживаясь им на одной из гостей, которая чем-то так сильно выбивалась из толпы других и из картины всего происходящего.

Это была молодая девушка с прямыми волосами до ключиц, окрашенными в шоколадный цвет и лоснящимися в приглушенном свете, подобно шёлку. На ней были надеты свободные светлые джинсы фасона «бой-френды», чёрные туфли на устойчивом каблуке умеренной высоты и короткая белая рубашка, которая не доходила даже до линии рёбер. Стильный образ.

– Кто это? – спросил Микки, не поворачивая головы.

Он боковым зрением заметил, что рядом как раз крутился его помощник по бизнесу – Стюарт, который имел обыкновение знать всё и обо всех.

– Как так? – ахнул помощник и приземлился рядом с брюнетом. – Это же Ники!

– Какая ещё Ники?

– Шпайзман, – ответил Стюарт. – Микки, прошу тебя, только не говори, что ты не знаешь Шпайзмана!

Брюнет слегка поморщился, кривя губы. Излишняя эмоциональность Стюарта, с которой он мог говорить обо всём на свете, активно жестикулируя при этом и тараща глаза, нередко бесила и била по нервам. Как можно удивляться и восхищаться всему на свете?

«И, при этом, – подумал Микки, – из нас двоих только у меня есть психиатрический диагноз».

Отбросив размышления, парень вернулся сознанием к помощнику и, обратился к нему, переспрашивая:

– Шпайзман?

– Так точно, – кивнул Стюарт.

Микки нахмурился, пытаясь припомнить загадочного мистера, о котором говорил помощник. Память его сработала быстро и качественно, вбрасывая в сознание информацию о мужчине. Леопольд Шпайзман – владелец международной страховой компании и совершенно удивительный человек, который в свои пятьдесят шесть лет сохранял широкую

улыбку, непосредственность и детскую открытость миру, но, когда дело касалось работы, превращался в настоящую белую акулу, которая рвала на куски любого, кто попадётся на пути.

– Ники... – повторил имя девушки Микки, кивая и продолжая смотреть на неё.

Он нахмурился и обратился к Стюарту:

– А сколько ей лет?

– Не помню, Микки, – отозвался мужчина и тут же с готовностью подскочил, добавляя: – Могу узнать!

– Не нужно.

Микки тоже встал, благодаря чему стала заметна разительная разница в их росте – Стюарт не доставал даже до плеча парня.

– Она выглядит какой-то слишком молоденькой, – вновь заговорил брюнет. – Даже не похоже, что ей есть восемнадцать... Обычно, наш контингент составляют люди постарше.

– Да, полностью согласен с тобой, – с готовностью кивнул Стюарт.

Микки скосил на него глаза. Иногда из-за его чрезмерной живости казалось, будто этот мужчина постоянно находится под кайфом. Впрочем, даже, если это так, то Микки это никоим образом не волновало...

– Пойду, узнаю, что за новенькая, – произнёс брюнет и, не дожидаясь ответа помощника, направился к гостю, забывая на столике бокал с недопитым вином.

Девушка по-прежнему не нашла себе места, не присела, но в этом она не выглядела растерянной, а просто спокойно расхаживала по комнате, оглядывая её интерьер и тех, кто её занимал.

Остановившись на расстоянии метра от гостя, брюнет сложил руки на груди, ожидая, когда девушка обратит на него внимание. Реакция Ники не заставила себя долго ждать. Заметив боковым зрением тёмную стройную фигуру рядом с собой, девушка обернулась, вопросительно и с интересом смотря на парня.

– Здравствуй, – негромко произнёс брюнет, неторопливо скользя взглядом по чертам незнакомки, а затем вновь возвращаясь к её глазам. – Ты ведь Ники?

– Да, всё верно. Приятно, что моё имя настолько известно.

– На самом деле, я узнал его только что, – спокойно отозвался Микки. – Я просто не мог не обратить на тебя внимание. Знаешь, Ники, ты заметно выделяешься среди остальных.

– Приятно слышать. Я люблю быть особенной.

Девушка помолчала немного, затем добавила, спрашивая:

– И что же конкретно во мне привлекло твоё внимание?

– Возраст, – честно ответил Микки.

– Возраст? – неподдельно удивилась Ники, вскидывая бровь, а затем хмурясь, недоверчиво смотря на парня.

– Да, возраст. Тебе восемнадцать хоть есть?

– Ахах! – заливисто рассмеялась Ники, запрокидывая голову и открывая ротик, демонстрируя белые зубки.

Отсмеявшись, она спросила:

– А сюда не пускают тех, кто не достиг совершеннолетия?

– В правилах этого не указано, но ранее дети сюда не приходили.

– И не придут. Мне двадцать один год.

Ники несколько секунд помолчала, смотря на брюнета и его сомневающийся взгляд.

– Мне паспорт показать? – спросила девушка.

– Я прекрасно знаю, как легко можно подделать документы, обойдёмся без этого.

К тому же, я не твой папа, чтобы беспокоиться о твоей сохранности в плане телесном и моральном.

Отступив чуть назад и в сторону, Микки раскинул руки, обводя ими пространство комнаты и добавил:

– Так что, развлекайся, Ники. Добро пожаловать в «Алую плоть».

Он развернулся и хотел уже уйти, но девушка обратилась к нему, останавливая:

– А не покажешь мне тут всё?

Микки обернулся, с интересом смотря на новую знакомую. Она продолжала:

– Насколько я поняла, ты здесь – постоянный посетитель.

– Можно сказать и так, – кивнул Микки, полностью разворачиваясь к гостье и складывая руки на груди, смотря на неё сверху. – Я здесь хозяин.

– Хозяин? – удивилась Ники и ещё раз оглядела брюнета с головы до ног и обратно.

Несмотря на то, что она немало слышала про «Алую плоть» и именно поэтому заинтересовалась ею и пришла этим вечером сюда, про хозяина заведения ей не было известно ничего.

– Да, – кивнул парень. – Я – владелец «Алой плоти». И, наверное, мне пора представиться, я – Микки.

– Приятно познакомиться, Микки. Ну, моё имя ты уже знаешь...

– Да, – кивнул брюнет.

Девушка помолчала немного, затем вновь заговорила:

– Так, ты покажешь мне свои владения? – она взглянула на Микки.

– Мне кажется, что, раз ты пришла сюда, значит, знаешь, чем здесь занимаются люди.

– Знаю, – кивнула девушка. – Но пока что я не заметила здесь ничего и никого, кто бы мог привлечь моё внимание. Наверное, не туда смотрю...

– Наверное, – согласился Микки. – Но, раз ты в «Плоти» впервые, то, пожалуй, я возьму на себя роль экскурсовода и покажу тебе всё и всех. Только, – он ухмыльнулся, – надеюсь, ты не боишься, что кто-нибудь из постоянных членов клуба расскажет о том, что ты была здесь, твоему папочке? Он – персона известная...

– Только не говори, что мой отец был здесь, – поморщилась Ники. – И – я не боюсь, что он узнает. Он не лезет в мою личную жизнь и не пытается воспитывать, понимая, что я уже взрослая.

– Раз так, то – пошли, – произнёс Микки и сразу же начал движение.

Ники последовала за ним, покидая комнату, которую она уже успела рассмотреть и изучить. Когда они проходили мимо одного из окон, девушка задержалась, кладя ладонь на подоконник и проводя по нему.

– А здесь тоже посетителям можно заниматься сексом? – спросила Ники, вопросительно и с чёртиками во взгляде смотря на спину Микки, который ушёл вперёд.

Обернувшись и подойдя к ней, брюнет ответил:

– Да, можно. В стенах «Плоти» нет запретных мест, непригодных для утех.

– А выдержит? – поинтересовалась девушка и, ухватившись за подоконник, подёргала его. Подоконник не поддался и даже не скрипнул.

– Выдержит, – кивнул брюнет и подошёл ещё ближе, также кладя ладонь на подоконник. – Здесь всё очень крепкое. Думаю, если бы это было не так, большинство бы посетителей клуба отсюда отправлялись бы напрямик в больницу.

Ухмыльнувшись, приняв слова Микки за вызов, Ники запрыгнула на подоконник и, усевшись поудобнее, поёрзав по нему попой, начала прыгать. Брюнет спокойно наблюдал за её действиями, сложив руки на груди и чуть опустив голову.

– В самом деле, – произнесла девушка, останавливаясь, – крепкий.

Она спрыгнула с подоконника и стряхнула невидимые пылинки с рукавов шубки.

– Идём дальше? – спросил Микки.

– Идём. Покажи мне всё самое интересное здесь.

– Ники, самое интересное не в вещах, а в людях, так что, если хочешь удивиться, то просто выбери для себя кого-нибудь и наслаждайся новыми ощущениями.

– Пока что мне здесь никто не нравится, – отозвалась девушка, спеша за парнем, который всегда ходил очень быстро. – Сомневаюсь, что кто-нибудь из них сможет удивить меня.

– А почему никто не нравится? Ищешь кого-нибудь конкретного?

– Ищу конкретные ощущения.

– И какие же? – поинтересовался Микки, вскидывая бровь и смотря на собеседницу.

– Те, которых не испытывала раньше, – улыбнувшись, ответила Ники.

– «Те, которых раньше не испытывала» – растяжимое понятие. Уточнишь?

– Нет, не уточню. Я просто хочу насладиться вечером. И хочу, чтобы он надолго остался в моей памяти.

– Надолго остаётся в памяти только первый секс, – фыркнул Микки, вновь начиная идти так быстро, что Ники начала отставать. – Остальные же разы, какими бы яркими на эмоции они ни были, всё равно стираются в памяти.

Девушка слегка улыбнулась, не обнажая зубов и смотря на спину парня. Устав бежать за ним и отчаявшись догнать, она произнесла:

– Микки, ты можешь идти медленнее? Я, всё-таки, на каблуках.

– Так, сними свои туфли, в чём проблема?

– Ты всегда так любезен со своими гостями? – поинтересовалась девушка, забыв о своей просьбе и вновь начиная спешить, чтобы угнаться за Микки.

– Я предпочитаю искренность и правду, – спокойно ответил брюнет. – Потому считаю, что проще снять туфли, чем мучиться и бегать на каблуках или же просить других медлить, чтобы тебе было комфортно.

– И ты всегда говоришь только правду?

– Нет, не всегда. Если говорить правду абсолютно всем и во всём, то можно прослыть безумцем и потерять всё. Но, если её можно сказать, то я предпочитаю это делать.

Девушка кивнула, показывая, что слышит Микки. Они остановились около очередной двери. Открыв её, брюнет пропустил гостью внутрь, а затем зашёл и сам.

– Это одна из спален, – проинформировал Ники парень.

– А сколько их в доме всего? – спросила девушка, подходя к огромной кровати с пурпурным покрывалом на ней и королевским балдахином.

Проведя по ткани балдахина рукой, девушка обернулась на Микки, а затем села на постель, откидываясь назад и опираясь на вытянутые руки, склоняя голову набок. Закинув ногу на ногу, она начала бодро покачивать одной, даже туфля съехала с пятки и теперь готовилась в любой момент упасть.

– Хочешь остаться здесь? – спросил Микки, тоже подойдя к кровати и встав сбоку от Ники.

– В одиночестве? – усмехнулась девушка.

Она откинулась назад, ложась на спину, и провела по гладкому покрывалу ладонями. Вновь приняв сидячее положение, она добавила:

– Думаю, в одиночестве мне здесь будет скучно.

– Некоторые, придя в «Плоть», обходятся мастурбацией. Так что, время можно провести с интересом и в одиночестве.

– Так его провести я могу и дома, – фыркнула девушка и вновь легла, выгибая спину и разминая косточки.

– Ну, многим нравится понимать, что в любой момент в комнату может кто-нибудь зайти – замков здесь нет. И многих заводит, когда на них смотрят во время самоудовлетворения.

Ники нахмурилась и опустила руки, кладя одну на живот ниже пупка, задумываясь.

– Принесёшь мне выпить? – спросила Ники после достаточно долгого молчания.

– Ники, я – не лакей, – спокойно ответил Микки. – Если хочешь выпить, то – пошли, возьмём тебе чего-нибудь.

Девушка перевела взгляд на парня. Его равнодушный отказ удивлял.

– Пошли, – ответила она, подумав и сев.

В соседнем зале Ники взяла виски, а Микки бокал вина, после чего они продолжили осмотр особняка. Экскурсия их продолжалась долго и заняла целых полтора часа. Но они всё-таки добрались до последней комнаты на третьем этаже, в которой располагалось джакузи, массажные столы и прочие вещи для расслабления. Её только недавно покинули посетители клуба, потому воздух в комнате был влажным и горячим.

Ники остановилась на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку и в задумчивости глядя указательным пальцем запотевший бокал, который стал для неё уже четвёртым за время экскурсии по дому.

– Я бы хотела остаться здесь, – произнесла Ники и залпом допила остатки крепкого напитка, после чего поставила пустой бокал на столик.

– Хороший выбор, думаю, к тебе совсем скоро кто-нибудь присоединится.

– А ты не хочешь остаться? – спросила девушка, вскидывая бровь.

Микки наградил её удивленным взглядом, медля с ответом. Не дожидаясь решения брюнета, Ники направилась к джакузи, снимая по дороге шубку и откидывая её на вешалку для одежды, а затем стягивая и серую водолазку.

Брюнет скользнул взглядом по её спине, перечёркнутой линией бюстгалтера персикового цвета, и по пояснице, украшенной чёрной татуировкой в виде узоров с надписью: «Завтра не наступит, веселись сейчас» под рисунком.

Словно забыв о том, что в комнате она не одна, девушка завела руки за спину и растегнула верхнюю часть белья, лёгким движением руки отправив её к шубке. Затем она растегнула джинсы и принялась неторопливо стягивать их, слегка виляя при этом бёдрами, открывая всё больше тела и вскоре тоже отправляя их на вешалку. Движения её были расслабленными, ровными, она совершенно не волновалась из-за того, что обнажалась перед едва знакомым человеком.

Включив воду, что полилась в ванну из широких кранов бурным потоком, девушку проверила её температуру и, слегка повернув кран в горячую сторону, избавила себя от носков. Теперь на ней не оставалось ничего, кроме персиковых же трусиков-шортиков, приоткрывающих округлые подтянутые ягодицы.

Совсем скоро ванная набралась наполовину. Взявшись за кромку своих трусиков, Ники неторопливо спустила их с бёдер, а затем и вовсе сняла. Обернувшись через плечо, девушка взглянула на Микки, который продолжал стоять около двери, сложив руки на груди и наблюдая за ней нечитаемым взглядом.

Убрав прядь волос за ухо, Ники перешагнула через бортик, забираясь в джакузи и садясь, позволяя воде окутать её своим теплом. Пены в воду она не добавила, потому ничто не могло скрыть её наготы. Посидев немного просто так, Ники включила режим массажа, выставляя малую скорость, которая проходила через тело приятной вибрацией.

Вздыхнув, девушка прикрыла глаза, поглаживая себя по рукам, по плечам, а затем прикрыла рукой грудь. Тёплая вода вкупе с лёгким массажем расслабляла, а несколько бокалов виски, которые Ники успела испить, подогревали кровь.

Посмотрев какое-то время на расслабленную девушку, кожа которой уже слегка поблёскивала от жара, Микки отошёл от двери, ступая совершенно бесшумно и неторопливо подходя к ванной.

Ники приоткрыла глаза и взглянула на подошедшего брюнета, слегка поворачиваясь к нему корпусом.

– Решил составить мне компанию? – спросила девушка, ставя локоть на бортик ванны и подбирая рукой голову.

– Не хочу мочиться, – чуть понизив голос, ответил Микки и присел на бортик.

– А разве нельзя раздеться?

– Пожалуй, я пока что воздержусь, – чуть улыбнувшись, ответил брюнет, но расстегнул пиджак, что показывало, что отказ его совсем не категоричен.

– Может быть, будь во мне немного меньше виски, мне бы было неуютно сидеть нагишом рядом с полностью одетым человеком, – вздохнула Ники и положила руки на бортик, а на них голову.

– Если это так принципиально, то я могу что-нибудь снять, но лучше подождать с этим, – таким чарующим пониженным тоном отозвался Микки и положил одну руку девушке на плечо, начиная массировать.

Вторая его рука была занята бокалом вина. Подождав с минуту, брюнет допил остатки рубинового напитка и поставил бокал на пол, после чего опустил и вторую ладонь на плечи Ники, сжимая, массируя, оглаживая ключицы кончиками пальцев. Девушка вздохнула и прикрыла от удовольствия глаза, расслабляясь ещё больше, млея. Коктейль из жара снаружи, жара в крови и умелых рук творил чудеса.

Подняв голову, Ники села прямо, продолжая держать глаза закрытыми, и слегка запрокинула голову, открывая шею, подставляя плечи под ласку. Теперь и без того не могущая прикрыть наготы вода осталась ниже линии груди, оголяя привлекательные округлости, касаясь лишь их низа. Взгляд Микки скользнул по обнаженной груди Ники, цепляясь за напряжённые соски, как за крючки.

Неторопливо и совершенно незаметно брюнет спустился на грудную клетку Ники, ощущая под своими ладонями едва заметные кости грудины и томное биение пульса в их клетке. Оставив одну ладонь чуть правее сердца девушки, второй рукой Микки скользнул ниже, проводя кончиками пальцев линию на влажной коже и заканчивая свой путь на упругой горошинке соска.

Слегка ударив по нему пальцем и получив вздох одобрения в ответ на свои действия, Микки взял левую грудь Ники снизу, размещая на своей ладони, обхватывая. Вторая его рука тем временем опустилась на её правую грудь и слегка сжала сосок, а затем выкрутила.

С губ Ники сорвался новый вздох, она по-прежнему не открывала глаз и держала голову слегка запрокинутой. Распаренная, с прилипшей ко лбу чёлкой и влажной кожей, она выглядела безумно сексуально. Она почувствовала, что ладони, ласкающие её, исчезли, но это продлилось всего несколько секунд, которых Микки хватило для того, чтобы избавиться от пиджака и закатать рукава рубашки. Раздеваться ему по-прежнему не хотелось, хотелось поддержать видимость того, что он ничего не понимает, но и промочить одежду он не желал.

Закатав рукава до локтя, брюнет опустил руки в воду, скользя ладонями по бокам Ники вниз, касаясь низа её живота, а затем вновь поднимаясь и задерживаясь под грудью, где кожа тонка и чувствительна, неторопливо поглаживая подушечками пальцев.

Девушка разомкнула губы, которые алели от прилива крови, и облизала их, будто дразня этим неспешным движением языка. Смотря на губы Ники, изучая взглядом каждую её линию, черту, Микки вновь скользнул ладонями вверх, оглаживая руки и плечи девушки, доходя до шеи и на несколько мгновений захватывая её в плен, который практически не ощущался. На смену рукам пришли губы, которыми парень припал к нежной влажной коже Ники, ощущая под ними её частый пульс. Убрав волосы девушки на спину, чтобы не мешались, Микки припал губами к её шее под самым ухом, касаясь кожи языком и делая её ещё более влажной.

Ники томно вздохнула, чувствуя, какой приятной тяжестью отзывается эта ласка внизу живота. И, когда Микки скользнул губами по её лицу, совсем рядом с губами, но так и не коснулся их, она встала на колени и сама вовлекла его в глубокий безумно влажный поцелуй, обхватывая руками за шею и промачивая его рубашку на плечах.

Прижавшись к брюнету грудью, Ники судорожно вдохнула, потому что прикосновение ткани к голым возбужденным соскам было подобно ударам тока. Слегка ухмыльнувшись сквозь поцелуй, продолжая целовать Ники, Микки вновь нашёл рукой её грудь, обхватывая пальцами сосок, крутя и поглаживая, терзая. Вторая его рука уже была на спине девушки, он водил пальцами вдоль её позвоночника, медленно спускаясь вниз и вновь поднимаясь, заставляя Ники прогибаться.

Начиная целовать отрывистее из-за того, что дыхание было уже совсем сбитым, Ники сняла с Микки бабочку и отбросила в сторону, а затем принялась расстегивать пуговицы на его рубашке, оголяя грудь парня и тут же касаясь голой кожи пальцами, ведя вниз.

– А ты не торопишься? – усмехнувшись, спросил брюнет, разрывая поцелуй, но по-прежнему оставаясь слишком близко, говоря в самые губы девушки.

Ничего не ответив, Ники встала и, расправившись с последними двумя пуговицами на рубашке парня, распахнула её.

– Я просто хочу, – склонившись к уху Микки, прошептала девушка.

– Просто хочешь? – так размерено переспросил брюнет, словно они сидели за столом за чашечкой чая и вели светскую беседу.

Он положил ладонь на бедро Ники и повёл вверх, соскальзывая на внутреннюю его сторону. От этого прикосновения по телу девушки пробежала дрожь, и она чуть развела ноги, позволяя Микки добраться до самого сокровенного.

Почувствовав пальцы брюнета у себя между ног, Ники ухватила одной рукой за его плечо, чтобы не упасть, и вновь закрыла глаза.

– Это похвально... – наконец-то договорил Микки, хотя девушка уже успела забыть первую часть его высказывания.

– Только, – сбито произнесла Ники, принимая отрывистые поцелуи в шею и подставляясь под них, – я должна кое-что сказать тебе перед тем, как мы займёмся сексом.

Микки оторвался от её тела и, вопросительно заглянув в глаза, слегка кивнул, показывая, чтобы она продолжала.

– У меня его раньше не было, – договорила Ники.

Брюнет вновь наградил её вопросительным взглядом. Двадцать один год, скандальная светская львица и звезда всех клубных тусовок и, при этом, девственница? Это было очень похоже на нелепую шутку, в это слабо верилось.

– Наверное, хорошо, что ты мне об этом сказала, – после достаточно долгого молчания произнёс Микки. – Но особой нежности ты этим от меня не добьёшься.

Не дав Ники возможности что-то ответить, он притянул её к себе и усадил на колени лицом к себе. Девушка потеряла равновесие, но быстро исправилась, вцепляясь в плечи парня, а затем разжимая одну ладонь, проводя по руке Микки.

– Может быть, нам лучше вернуться в ванную? – спросила Ники, смотря на брюнета из-под опущенных ресниц и продолжая крепко сжимать его плечо. – Мне бы не хотелось упасть...

– У меня сильные руки, – ответил парень. – И тебе же будет лучше, если ты будешь не в воде.

Девушка открыла рот, чтобы что-то ответить, но она слишком медлила со словами. Расстегнув штаны и освободив каменный член от плена ткани, Микки достал из кармана брюк презерватив и, надев его, приподнял Ники, а затем резко опустил на свой орган, врываясь в её тело тараном.

Ники, которая так и не успела ничего сказать, впиалась в плечо Микки зубами, оставляя на коже парня алые отметины. От его движения её пронзило стрелой боли, которая, тем не менее, не смогла утихомирить желания, лишь несколько сбила его. Он был полностью в ней – одним рывком и до конца, заполняя и заставляя попроситься с невинностью.

Дождавшись, когда девушка отпустит его плечо, дав ей эти секунды на то, чтобы привыкнуть к новым ощущениям, Микки откинул Ники слегка назад, вместе с этим прижимая её бедра ближе к себе, заставляя выставить таз вперёд и совершая первое движение.

Ники поморщилась, но сразу за этим зажмурила глаза и охнула. Боль продолжала присутствовать, но к ней стремительно примешивалось удовольствие. Её тело было давно готово к близости, жаждало её. И лишь по какой-то нелепой случайности она не сумела познать её раньше. Но теперь ожидание было позади, а в её теле плавно скользил твёрдый член.

Прикусив губу, Ники откинулась назад и тут же вцепилась рукой в плечо Микки с новой силой, боясь потерять равновесие, боясь упасть на пол, что было бы так нелепо.

Но Микки держал её крепко, как и обещал, не оставляя шансов на падение, разве что моральное, но его она пожелала сама. Обхватив девушку за поясницу и прижав её бедра ещё ближе к себе, Микки начал постепенно ускорять свои движения. Она хотела познать взрослые ощущения, и она их получит.

Ники кусала губы и запрокидывала голову, шикая сквозь зубы и жарко вздыхая, потому что боль и наслаждение давно и слишком крепко сплелись в её теле.

– Микки... – простонала Ники, проводя ладонью по плечу парня, а затем по его голове, убирая с лица чёлку неосторожным движением и портя причёску.

– Помолчи, – выдохнул парень, стискивая её бедра до синяков, всё чаще врываясь в её тело. – Лучше помолчи сейчас...

Подавшись вперёд, Микки скользнул губами по ключицам Ники, оставляя на них влажный след, а затем припал ими к шее девушки, засасывая тонкую кожу, оставляя синяки-засосы, которые точно заметит мистер Шпайзман. Хорошо хоть, что он давно перестал лезть в личную жизнь дочери.

Наклонив Ники назад так сильно, что, если бы не его руки, которые крепко держали её, девушка бы точно упала, Микки склонился к её груди, обхватывая губами левый сосок, посасывая его, а затем ощутимо болезненно кусая и зализывая место укуса.

В такой позе угол проникновения изменился, и боль вернулась, нахлынула с новой силой, но вместе с нею усилилось и наслаждение. Ники чувствовала, что член Микки при каждом движении задевает некую зону у неё внутри, от которой тёплые волны удовольствия разносились по телу. Это было так приятно, что хотелось, чтобы это никогда не кончалось. Но конец был близок, об этом говорил плотный комок напряженного и готового к разрядке возбуждения, томящийся внизу живота.

Ники вновь шумно вдохнула, запрокидывая голову назад и жмурясь, думая о том, почему же она так долго не позволяла себе близости и лишала себя наслаждения?

– Да... – протяжно простонала девушка, пытаясь двигать бёдрами навстречу движениям Микки, но из-за страха упасть у неё ничего не получалось и она оставила свои попытки.

– Знаю, – на выдохе ответил парень. – Держись.

Произнеся это, он резко дёрнул Ники на себя, усаживая прямо и сжимая в своих объятиях, начиная двигаться так часто, что у неё перехватило дыхание и стало даже страшно. Боль и наслаждение, боль и наслаждение, боль и...

Ощувив болезненную судорогу у себя внутри, девушка вцепилась в плечо Микки пальцами, а затем вновь впиалась зубами. На ресницах заблестели мелкие алмазы слёз.

– Тихо, – почти нежно, мягко шепнул Микки на ухо любовнице.

Ники шмыгнула носом, продолжая жмуриться, но всё-таки разжимая зубы и отпуская искусанное плечо брюнета, которое украшало множество отметин от её зубов, что назавтра станут синяками и немым напоминанием об очередной страстной ночи.

Микки часто и ритмично двигался, шумно дыша ртом и чувствуя, что он уже близок к разрядке. Оставалось только довести до неё Ники, которую сдерживали на её пороге лишь болевые ощущения и неопытность.

– Давай, – невозможно развратно, хрипло прошептал брюнет, – кончай.

Он вновь обхватил левый сосок Ники пальцами, сжимая его до боли, которая разрядами тока ударила по нервам и подстегнула лавину наслаждения, которая готова была в любой момент сойти и обрушиться на девушку. Прижав Нику максимально близко и тесно к себе, отчего их тела при каждом движении тёрлись друг друга, будоража этим трением, сводя с ума, брюнет скользнул пальцами по округлой ягодице девушки и меж ними, добираясь до чувствительной мышечной перегородки между анусом и влагалищем и надавливая на неё, поглаживая подушечками пальцев.

Ники охнула и выгнулась от этих ощущений, всё-таки начиная двигаться, насаживаясь на член парня и судорожно сжимая рукой его плечо. Всего несколько движений и приятная, но пугающая судорога внутри повторяется, но в этот раз не стихает, а продолжает нарастать, пока не охватывает всё тело. Нике казалось, будто в её вены пролили кипяток, она вскрикнула, изгибаясь, насаживаясь до предела на член брюнета. С губ её сорвался протяжный стон, она чувствовала, как у неё внутри всё так приятно сокращается. Даже боли не было в эти мгновения.

И Микки, ощущая эти мышечные судороги, тоже прикрыл глаза, совершая ещё несколько глубоких движений и кончая. Вот только оргазм, вопреки ожиданиям, получился каким-то блеклым, так нередко бывало...

Подождав немного, дав себе секунд пять на то, чтобы отдышаться, Микки приподнял Ники за бёдра и покинул её тело, после чего стянул презерватив, украшенный мутно-красными разводами, и отправил его в урну.

Ссадив девушку на бортик джакузи, брюнет встал и застегнул штаны, после чего обратился к любовнице:

– А вот теперь можешь вернуться в ванну. Только воды горячей подлей, думаю, она успела остыть.

– Лучше не надо, – ответила Ники и слегка поморщилась от боли внизу живота, сжала бёдра.

– Тогда, нам нет смысла здесь задерживаться, – спокойно произнёс Микки, слегка пожимая плечами.

Взяв большое и такое приятное на ощупь полотенце белого цвета, парень накинул его на плечи Ники, укутывая её. После этого он достал из кармана пиджака сигареты и зажигалку и закурил.

– Дай и мне, – попросила Ники.

Микки, молча, протянул ей сигарету, а затем поднёс к ней зажигалку, помогая девушке подкурить.

– Спасибо, – произнесла Ники, делая затяжку и, слегка поморщившись, выдыхая дым в сторону. – Я, вообще, не курю, но в редких случаях бывает...

– Да, наверное, – кивнул Микки. – Кстати, что натолкнуло тебя на мысль прийти в «Плоть» за тем, чтобы лишиться невинности?

Ники пожалала плечами, но всё-таки ответила:

– Так получилось, – она сделала очередную затяжку и вновь поморщилась, глаза защищало от дыма. – Вообще, я начала задумываться о сексе лет в четырнадцать... И тогда же

начала замечать, что все парни какие-то не те. Так и ходила много лет, выбирала. А недавно мне всё это осточертело, и я решила прийти сюда и переспать с тем, кто понравится.

– А не проще было переспать с тем, кто понравится, вне этих стен? – усмехнувшись и вскинув бровь, поинтересовался Микки.

Ники подняла на него взгляд, наконец-то нормально смотря в лицо, рассматривая его черты и только сейчас замечая, какие у этого парня потрясающе чарующие глаза.

«Только не влюбись, – дала самой себе наставление девушка. – Всё-таки, хорошо, что я до этого его особо не рассматривала, а то он слишком привлекателен. И напоминает кого-то очень сильно... – она слегка нахмурилась. – Актёра, что ли? Ладно, не важно. А важно то, что дело сделано и я его едва ли когда-нибудь увижу вновь, если, конечно, снова не приду в клуб, в чём я сомневаюсь».

– А с теми, кто вне этих стен, – ответила Ники на вопрос брүнета, – спать рискованно. Я не хочу, чтобы назавтра все обсуждали, какова я в постели и насколько ничего не умею. А в «Плоти», насколько я знаю, разглашение подобной информации жёстко карается?

– Более чем, – кивнул Микки и огляделся в поисках пепельницы.

Она не нашлась, и окурочок отправился в ванну. Ники вскинула бровь на такое действие парня, но спустя несколько затяжек повторила его, топя и то, что осталось от её сигареты, после чего встала и обмоталась полотенцем, закрепляя его на груди.

– Вернёшься ко всем? Поедешь домой? – поинтересовался брүнет у случайной любовницы и открыл слив джакузи. Вода стремительно утекала в него, унося с собой и окурки.

– А что?

– Просто, я собираюсь переночевать в клубе и хочу сейчас уже пойти в спальню. Но я вызвался быть твоим экскурсоводом и, наверное, должен довести дело до конца и вернуть тебя туда, откуда увёл.

– Если правила позволяют, то я бы хотела переночевать здесь. Уже не хочется никуда ехать.

– Позволяют, – кивнул Микки и направился к двери, Ники последовала за ним, шлёпая босыми ногами по полу.

Они дошли до спальни, которая у брүнета была любимой, и в которой он всегда спал, если она не была уже занята кем-нибудь. Пройдя в комнату, Микки обернулся, смотря на Ники, оставшуюся стоять возле порога.

– Что-то хочешь спросить? – любезно, но без особых эмоций поинтересовался парень. – Или сказать?

– Да, – кивнула Ники. – Скажи, здесь вообще нет комнат, в которых двери запираются?

– Нет, – покачал головой брүнет. – Даже в туалетах они без замков.

– То есть, шансов на то, что меня никто не потревожит во время сна, нет?

Микки задумался, потирая подбородок и смотря в пол. Подумав, он ответил:

– Если хочешь, чтобы тебя никто не потревожил, спи со мной.

Ники нахмурилась, смотря на брүнета и медля с ответом. Нет, конечно, лучше спать с ним и спокойно, чем проснуться от ощущения чьих-то пальцев у себя между ног, но такой расклад выглядел несколько странно.

– Так, ты согласна? – устав от долгого ожидания ответа, спросил Микки. – Или я могу ложиться спать?

Ники всё-таки подумала ещё несколько секунд, но затем ответила:

– Согласна.

Пройдя в спальню, девушка сразу же направилась к просторной кровати с тёмно-синим поблёскивающим покрывалом из жатой ткани. Постояв ещё немного возле порога, смотря во мрак коридора, Микки лёгким движением руки захлопнул дверь и тоже направился к постели.

Глава 10

Микки проснулся около десяти часов утра, что казалось для него невероятно ранним подъёмом. Но с учётом того, что вчера он лёг спать в час ночи, а не в пять утра, как бывало чаще всего, брюнет смог прекрасно выспаться.

В голове его продолжал клубиться мягкий туман сна. Не открывая глаз, Микки протянул руку, шаря ею по прикроватной тумбочке в поисках сигарет и зажигалки. Когда искомые вещи нашлись, парень обхватил сигарету губами и поднёс уже к её концу зажигалку, но так и не подкурил.

Открыв глаза, Микки повернул голову вправо, где спала Ники. Девушка уже проснулась, но комнаты и постели не покинула, а просто села на её край, спиной к парню в ожидании непонятно чего. В постель она ложилась в одном полотенце, которое ужасно мешалось во сне, и потому было снято, поэтому сейчас Ники была полностью обнаженной.

Брюнет несколько секунд лежал, рассматривая голую спину любовницы и её чуть опущенные, склоненные вперёд плечи. Затем он протянул руку и провёл кончиками пальцев по спине девушки чуть выше поясницы. Ники едва заметно вздрогнула, будучи полностью погруженной в свои мысли и не ожидающей прикосновения к себе. Она обернулась через плечо, чуть повернув и корпус к Микки.

Ники выглядела очень привлекательно, но несколько разбито в этот утренний час. Тени и карандаш для век не размазались по всему её лицу, но поблекли в цвете, на щеке её был едва заметный отпечаток подушки, а волосы сильно спутались – как видно, у неё был беспокойный сон – но по-прежнему выглядели невероятно ухоженными и шёлковыми.

Она ожидала, что Микки что-то скажет, но он молчал, продолжая смотреть на неё спокойным изучающим взглядом, лишённым особых чувств и эмоций, но, в тоже время, наполненным изнутри чем-то живым и совершенно непонятным. В пальцах правой руки он продолжал сжимать незажженную сигарету, слегка поглаживая её белый фильтр и будто решая, закурить ли ему или посвятить это время чему-нибудь другому.

– Доброе утро, – первой нарушила молчание Ники, когда оно из секунд переросло в минуты мирной утренней тишины. Она не любила находиться в молчании рядом с другим человеком.

– Доброе, – негромко и чуть хрипло со сна ответил Микки, продолжая лениво разглядывать девушку, будто вовсе не существовало никаких правил приличия, которые обязывали так не делать.

Он помолчал немного, затем добавил, задавая вопрос:

– Ты давно проснулась?

– Минут двадцать назад, – слегка пожала плечами Ники и легла на живот рядом с брюнетом, сгибая ноги в коленях и неспешно покачивая ими.

– А почему не ушла? – вновь переместив взгляд к спине Ники, спросил Микки и провёл по ней указательным пальцем вниз, до копчика.

Девушка слегка повела плечами в ответ на прикосновение и поёрзала, но быстро затихла.

– Не знаю, – пожала плечами Ники и вздохнула, прикрыв глаза. – Хотелось посидеть ещё и отдохнуть...

– Отдохнуть после сна? – усмехнулся Микки, продолжая поглаживать девушку по спине и теперь ведя пальцами вверх. – Оригинально...

– Просто, я не люблю просыпаться и сразу же бежать куда-то. Если есть возможность полежать, то почему бы этого не сделать?

Микки слегка пожал плечами и отвернулся, положил сигарету на тумбочку. После этого он вернул взгляд к Ники. Полежав ещё немного, просто смотря вперёд, думая о чём-то неважном, девушка придвинулась ближе к Микки, касаясь его бока своим, и прикоснулась к плечу парня, рисуя на нём спираль. Брюнет равнодушно принимал её прикосновения, смотря из-под полуопущенных ресниц вперёд, в стену.

По прошествии нескольких минут, Микки всё-таки повернул голову к Ники и заглянул ей в глаза.

– Хочешь продолжить начатое вчера? – спросил брюнет.

Девушка несколько удивлённо взглянула на него, после чего вновь опустила взгляд к его плечу, продолжая вырисовывать на нём закругленные линии.

– Я бы была не против, – отозвалась Ники. – Но что-то мне подсказывает, что пока лучше этого не делать.

– Да, наверное, – без особых эмоций согласился Микки. – В противном случае есть вероятность того, что в ближайшие несколько дней ты будешь ходить в раскорячку или вовсе не сможешь этого делать.

– Если ты пытаешься добиться от меня секса, то ты делаешь это очень странным способом... – слегка поморщилась Ники и вновь устремила взгляд вперед, на высокую резную спинку кровати.

– А кто сказал, что я пытаюсь? – вскинув бровь, поинтересовался Микки и лёг набок, подпирая голову рукой.

Он прикоснулся к подбородку Ники, прося повернуть голову и посмотреть на него. И, после того, как девушка исполнила немую просьбу, брюнет продолжил:

– Я не принадлежу к тому типу мужчин, которых заводит отказ, так что, добиваться согласия я не вижу смысла. К тому же, это было бы, по крайней мере, глупо делать сейчас, в стенах «Плоти», когда вокруг достаточно тех, кто будет рад разделить со мной постель.

– Я даже не знаю, обижаться на твои слова или восхищаться ими и тобой, соответственно, – покачала головой Ники. – Микки, ты действительно никогда не думаешь над тем, чтобы не обидеть человека своими словами?

– А я тебя обидел? – вопросом на вопрос ответил брюнет, скидывая бровь.

– Нет, не обидел. Но мог бы, будь я менее закалённой светской тусовкой и расценивай я тебя, как потенциального бой-френда.

– Вот видишь, Ники, ты сама ответила на свой вопрос. Я не боюсь тебя обидеть, потому что я не могу этого сделать, сказав, что мне не принципиально заниматься сексом именно с тобой, а я могу найти другую девушку для этого. Ты изначально обратилась ко мне не за любовью и верностью, так что, глупо делать вид, что я собираюсь тебе их дать. Как говорится, – он вновь лёг на спину и заложил руки под голову, – ничего личного, просто бизнес, просто договоренность, пусть даже не на словах. Но, если ты решишь продолжить, я буду совсем не против это сделать. Буду твоим учителем в делах плотских утех.

– Я даже не знаю, что сказать... – покачала головой Ники. – Микки, у тебя просто неподражаемый талант заговаривать зубы.

– Возможно, – слегка пожал плечами брюнет. – Но ты знаешь меня всего двенадцать часов, девять из которых мы спали, так что, тебе пока рано делать выводы обо мне.

Ники усмехнулась и легла на бок, подпирая голову рукой. Она обратилась к Микки:

– Знаешь, не важно, в каком ключе, но наше общение я бы хотела продолжить, потому что такого человека, как ты, я ещё не встречала. Всегда приятно иметь честного друга.

Микки повернул к ней голову, награждая будто бы сонным взглядом, но на самом деле этот взгляд говорил: «Ты никогда не узнаешь правды обо мне».

– Ты более чем наивна, – негромко хмыкнул брюнет.

– О, нет, ты ошибаешься! – возразила девушка. – Я прекрасно знаю, что этот мир, как и люди, населяющие его, полон дерьма.

– А что, во мне нет всего этого дерьма, раз ты желаешь продолжить со мной общение? – Микки тоже лёг набок, теперь они лежали лицом друг к другу и совсем близко.

– Есть. Но ты, в отличие от многих, его не скрываешь.

«Наивная», – подумал парень, но не показал выражением лица презрения к собеседнице, он его не испытывал. Скорее его состояние сейчас можно было расценить как скуку и некоторое разочарование от того, что очередной человек безоговорочно поверил ему, не разглядев тени и демонов в его глазах. И, пусть он не желал никому рассказывать своей правды, но такая людская наивность и доверчивость заставляли чувствовать себя выше этих глупцов, что непременно приводило к скуке. Сильный всегда тоскует и чахнет, когда рядом нет достойного противника...

– И, как по-твоему, – заговорил Микки после некоторого молчания, – я больше плохой или хороший?

– Об этом я судить пока что не могу, – спокойно ответила Ники, смотря брютету в глаза. – Двенадцати часов, в самом деле, слишком мало для того, чтобы делать глобальные выводы о человеке.

– Глобальных выводов лучше вообще не делать, – произнёс Микки и чуть сменил положение, благодаря чему Ники смогла почувствовать его твёрдый член, который упёрся ей в бедро.

Микки не помнил того, что ему снилось, он, вообще, крайне редко запоминал свои сновидения, но сегодняшней сон оставил на языке отчётливый привкус эротики и характерную напряжённую тяжесть внизу живота.

Несколько секунд Ники молчала, просто смотря в глаза парня и не отодвигаясь от него, продолжая ощущать его возбуждённый орган своим бедром. Затем она прикоснулась к ноге парня примерно на высоте половины бедра и повела кончиками пальцев вверх, пока не дошла до линии трусов и не пересекла её. Добравшись рукой до паха брютета, Ники помешкала секунду-две, но всё-таки прикоснулась к его члену через тёмную ткань белья. Она водила по всей длине кончиками пальцев, невыносимо раздражая нервы и заставляя желать большего, потребовать его или же грубо взять без спроса.

Прикрыв глаза, смотря на Ники из-под опущенных ресниц, Микки прикоснулся к её запястью и неторопливо провёл по всей руке до плеча. По-прежнему сохраняя полное молчание, брютет откинул одеяло, которое слегка прикрывало ноги, и лёг на спину, чтобы девушке было удобнее ласкать его. Он выглядел совершенно расслабленно, заложив руки под голову и откинувшись на подушки.

Сев сбоку от Микки, Ники ещё раз провела кончиками пальцев по его возбуждённому члену, очертания которого так привлекательно и волнующе угадывались под тканью трусов – они не имели никаких шансов скрыть его. А затем девушка оттянула резинку трусов брютета и скользнула рукой под неё, обхватывая его твёрдый орган ладонью и несколько раз проводя по всей длине. Движения её не то чтобы были неумелыми, но некоторой смелости им не хватало, но это можно было заметить лишь наметанным глазом.

Микки глубоко и шумно вдохнул и окончательно закрыл глаза, лишая себя возможности лицезреть действия Ники и погружая свой мир в благоговейную темноту, которая из-за света, проникающего сквозь тонкую кожу век, вновь была не идеально-чёрной, а грязноватой и с оттенками пурпура.

Подождав с полминуты таких ласк, парень приоткрыл глаза и слегка повернул голову, смотря на Ники, которая не отпускала его члена и с нескрываемым интересом рассматривала тело: каждую линию, изгиб, бледный шрам и рисунок-тату.

– Может быть, перейдём уже к более интересным действиям? – спросил Микки, слегка потирая правый висок и продолжая смотреть на девушку, ласкающую его.

Из-за опущенных ресниц его глаза было едва видно, но их радужки и зрачки, напоминающие бесконечно глубокие чёрные дыры, всё же не могли скрыться от взора Ники, они притягивали и пленили, заставляя смотреть вновь и вновь. Такого гипнотического взгляда она не видела никогда прежде. Создавалось такое ощущение, будто, смотря в эти тёмно-шоколадные глаза, ты смотришь в глаза не человека, но некоего существа из параллельной вселенной: чужого, странного, непознанного...

Слегка нахмурившись от того, что в голове вновь поселились эти мысли, Ники выдохнула и, склонившись к паху брюнета, взяла его член в рот. Микки сглотнул, такие действия Ники ему нравились. И особенно нравилась ему та несколько неловкая старательность, с которой она вбирала в себя его орган и скользила по нему губами.

Опыт в подобного рода ласках у Ники был, в отличие от традиционного секса, но он был настолько ничтожным, что его можно было особо и не брать в расчёт.

Микки поморщился, когда девушка задела зубами нежную кожу совсем рядом с головкой, и опустил руку ей на затылок. Он не начал насаживать её ртом на свой член, но на голову слегка давил, не позволяя слишком отстраняться и неправильно двигаться.

Брюнет облизал губы и прикусил нижнюю, вновь прикрыл глаза, чуть сильнее давя на затылок Ники, ненавязчиво, но ощутимо задавая нужный для себя ритм её движениям.

– Молодец, – прошептал парень. Дыхание его сбилось, а голос начал звучать ниже, маняще.

Услышав слова одобрения, Ники начала действовать ещё увереннее, обхватывая орган парня у основания ладонью, помогая себе, и скользя по нему тугим кольцом губ. То, что она делала, приносило удовольствие, но выглядело как-то неискренне, театрально.

«Порно пересмотрела девочка», – подумал Микки и запрокинул голову, слегка выгибая спину, когда Ники взяла его член в рот полностью, до горла.

Но долго радовать так брюнета она не смогла, всё-таки давясь, но не отстраняясь, начиная шумно дышать носом и с тройным усердием двигая головой. Микки не смог сдержать улыбки – такая старательная...

Продолжая держать уголки губ приподнятыми в жесте довольства, брюнет начал ощущать давление на затылок Ники, задавая более частый ритм её движений, но не пытаясь самостоятельно двигать бёдрами, что точно бы закончилось для девушки приступом кашля или даже рвоты. Впрочем, Микки не думал о том, чтобы его любовнице было комфортнее, просто ему и так было более чем приятно. И, пусть минет в исполнении Ники был не самым искусным, но нельзя было сказать, что она совсем ничего не умеет и двигается невпопад.

С губ Микки сорвался хриловатый вздох, он сильнее нажал на голову Ники, заставляя её брать его член в рот глубже и чаще двигаться.

– Всё правильно, – прошептал брюнет и вновь облизнул губы, слегка поддаваясь бёдрами навстречу жаркому рту, всё-таки повинуюсь этому инстинкту.

Скольжение горячего узкого кольца губ по напряженной плоти дарило потрясающее наслаждение и даже то, что Ники периодически задевала нежную кожу зубами, не слишком портило момент и ощущения, испытываемые в нём.

Чувствуя приближение оргазма, Микки прикусил губу и шумно вздохнул. Он сжимал зубы, но челюсти сами собой разжимались, приоткрывая рот, потому что лёгким нужен был кислород. В висках стучал сбитый пульс, с губ срывалось жаркое дыхание. Прошло ещё не больше минуты и Микки накрыло волной оргазма, который заставил мышцы живота спазматически сокращаться, а бёдра двигаться вверх, навстречу горячей влаге рта Ники.

Едва не подавившись спермой брюнета, с трудом удержавшись от того, чтобы не закашляться, девушка продолжала скользить губами по его органу, доставляя большее наслаждение, продлевая его.

Когда Ники отстранилась, Микки удовлетворённо выдохнул и, полежав всего несколько секунд, продолжая находиться в приятном расслабленном состоянии, которое дарует качественный оргазм, сел, беря отложенную сигарету и наконец-то подкуривая.

– А вот теперь, точно, с добрым утром, – улыбнулся брюнет. – И, кстати, – добавил он, затягиваясь дымом и смотря на морщащуюся девушку, – могла бы и не глотать, я бы не обиделся, если бы ты сплюнула. Это было бы лучше, чем сейчас сидеть и смотреть на твоё перекошенное лицо.

Ники на секунду скривилась ещё больше, так походя в этом состоянии на маленького недовольного ребёнка. Только губы этого «ребёнка» хранили следы спермы. Затем она ответила:

– Ты, всё-таки, «мил» до невозможности. Неужели моё лицо сейчас настолько ужасно, что на него прямо смотреть нельзя?

– Нет, – совершенно спокойно ответил парень и, натянув обратно трусы, встал на колени, подползая к любовнице.

Встав перед ней на колени, оказываясь заметно выше, Микки зажал в пальцах правой руки сочащуюся горько-сладким дымом сигарету, удушающую своим токсично-приятным ароматом, и взял лицо Ники в ладони, добавляя:

– Ты более чем мила сейчас – растрепанная и немного сонная. И, в отличие от тебя, я говорю без сарказма.

Сделав затяжку, Микки выдохнул дым прямо ей в лицо и встал с кровати, быстро надевая штаны и покидая комнату.

«Действительно, – подумала Ники, проводив брюнета взглядом и поджав губы, – „мил“ до невозможности...».

Глава 11

Тёмно-серые или же тёмно-синие стены, их точный цвет не отпечатались в памяти. Жёсткая кушетка с якобы мягким матрасом под попой, которая неприятно скрипит при каждом движении и на которой совершенно неудобно сидеть – она слишком высока для ребёнка, но – кому есть до этого дело?

Яркий искусственный свет, которого всё равно оказывается так мало, что углы просторного помещения остаются тёмными и потому кажется, будто из них вот-вот ползут длиннорукие тени и черти. Низкий баритон мужчины, которого не видно, потому что он стоит сбоку и чуть позади, он не остался в памяти. И другой голос – хриплый голос курильщика со стажем, принадлежащий высокому широкоплечему мужчине в белом халате и тёмно-синей рубашке, выглядывающей из-под белёсого одеяния. Негромкое, но такое раздражающее гудение, которое издавал не то некий аппарат, не то многочисленные мощные лампы, не то ещё бог знает что – понять его природу было просто невозможно. Да и неважно это было, а важно лишь то, что в этой комнате этот низкий гул присутствовал всегда. И не только в ней...

– Посмотри на меня, – просит мужчина-курильщик.

Шестилетний Микки поднимает взгляд, но проводит им мимо доктора, отворачивает голову. Руки и плечи мальчика напряжены, пальцы сжимают край жёсткой кушетки. Он прекрасно помнит, что с ней так легко можно упасть и причинить себе боль, которой и без того хватало в этих унылых давящих стенах. А ещё он не знает, что говорить рослому мужчине в белом халате, потому что он помнит, что бывает, когда он говорит ему правду.

– Микки? – обратился к мальчику доктор и слегка тронул за плечо, прося этим движением обратить на него внимание.

Микки поморщился в ответ, продолжая сидеть, отвернув голову. К своим юным шести годам он успел возненавидеть подобные беседы и начать страшиться их. Это так ужасно, когда столь юное создание умеет ненавидеть...

– Микки, ты меня слышишь? – не оставляя своих попыток доктор.

– Слышу, – негромко ответил мальчик, сжимая край кушетки, бесшумно перебирая по нему ледяными пальцами. – Слышу, – громче повторил он.

– Тогда, почему ты не смотришь на меня?

– Соври! – потребовал «Искуситель», звеня своим голосом внутри головы Микки. – Он не должен знать! Соври или...

Мальчик едва заметно вздрогнул и скользнул взглядом по столику, что располагался на расстоянии шага или полутора от кушетки. На нём лежали длинные хирургические ножницы, зажим, совсем худенький моток бинта и шприц. Зачем эти вещи были здесь, в психиатрической больнице, где пациенты могут быть опасны сами себе и работникам клиники? Микки не знал ответа...

Отведя взгляд от столика с острыми предметами, которые легко могли стать оружием в умелых, пусть даже совсем маленьких ручках, мальчик невероятным усилием воли заставил себя повернуть голову и посмотреть на доктора-курильщика. Он поморщился.

– Свет, – негромко произнёс Микки и прикрыл рукой глаза. – Свет очень яркий, он глаза режет.

– Ты поэтому отворачивался?

– Да, поэтому, – кивнул мальчик после нескольких мгновений раздумий.

Он соврал. Ему было просто неприятно смотреть на эти лица, которые все, как одно, были украшены либо выражением слащавого сочувствия, либо презрением, и на фигуры в белых халатах, которые будто кричали ему: «Мы специалисты, ты – никто! Мы нормаль-

ные, ты – больной! Больной! Ха-ха-ха!...». Они так опостытели Микки, что ему пришлось научиться в свои юные шесть лет думать о том, что он говорил и кому он это говорил, чтобы не остаться в этих стенах навечно. Это было намного хуже смерти, о которой маленький Микки знал не понаслышке...

– Извини, но выключить его я не могу, – проговорил доктор и поправил повязку-лампу на своём лбу. – И сейчас мне придётся добавить ещё света. Смотри на меня Микки, – достаточно холодно попросил он и взял мальчика за плечи, чтобы не сбежал. – Смотри на меня и постарайся не отворачиваться.

Микки заставил себя послушно кивнуть и поднял голову. Прошло всего несколько мгновений и в глаза ударил яркий луч белого света, который ослеплял, сужал зрачки до незаметных щёлочек и раздражал и без того оголенные и изорванные провода нервов. Ещё немного, ещё всего одно неправильное действие со стороны эскулапа и Микки замкнёт.

Сглотнув, сжав кулачки, подкрепляя этим действием своё немое обещание: «Держаться», мальчик смотрел на фонарь на голове доктора, терпя его манипуляции с его телом: он проверяет нервы, рефлексy, пристально смотрит в глаза, будто пытается разглядеть там, на дне, душу и понять, наконец, почему же она заболела – но доктора не верят в дух и бога, а психиатры не верят вообще ни во что, кроме того, что у человеческого помешательства нет пределов. Но и они нередко ошибаются, думая, что видели уже всё, что, вот он – предел, а после сталкиваясь с таким проявлением болезни души, которого они ранее не видели и не могли себе вообразить.

Но это было ещё полбеды, это было терпимо. Намного хуже бывали манипуляции с мозгом, бесконечные диагностики, которые, верно, могли и полностью здорового человека довести до безумия и бросить в объятия смиренной рубашки. Дети не славятся хорошей памятью и внимательностью, но за свои недолгие шесть лет Микки успел выучить тексты методик практически наизусть. Плохо было лишь тогда, когда особенно продвинутый эскулап доставал где-то методику новую, передовую или же, наоборот, старую и давно забытую.

– Микки, ты меня слышишь? – в который раз спросил доктор-курильщик, его голос доносится будто издадека.

Мальчик едва заметно поморщился и попытался сфокусировать взгляд на лице мужчины, которого практически не было видно из-за яркого света, который бил в глаза Микки. Он слишком задумался, чего также нельзя делать в этих стенах – доктора могут подуматъ, что у тебя начался кататонический приступ.

– Да, слышу, – отозвался мальчик и опустил взгляд, смотреть на яркий свет более было просто невыносимо, казалось, будто он уже и так изорвал сетчатку в клочья.

– Тогда, ляг на кушетку, и я тебя опрошу, – произнёс доктор и, не дождавшись, пока Микки исполнит просьбу, взял его за плечи, помогая лечь.

На несколько секунд мужчина оказался очень близко. Микки привычно принялся, готовясь почувствовать знакомые табачные нотки, которыми извечно пахло от эскулапа. Но этого запаха не было сейчас.

«Не успел покурить? – подумал мальчик, ложась и устраиваясь удобнее, насколько это было возможно. – Тогда, он, должно быть, нервный...».

– Ты готов, Микки? – спросил доктор, вырывая мальчика из размышлений.

Микки слегка кивнул.

– Да, – ответил он.

– Тогда, – вновь заговорил доктор, щёлкнув ручкой и готовясь записывать ответы юного пациента, – я задам тебе первый вопрос. Как тебе спалось сегодня?

– Хорошо, – отозвался Микки, слегка перебирая ногами, которые так же, как и руки, зябли.

– «Хорошо» – это растяжимое понятие. Можно подробнее? Ты просыпался ночью или нет?

– Нет, не просыпался. Только утром один раз, но потом очень быстро уснул снова.

– Тебя что-то разбудило?

– Нет, я просто хотел в туалет, но потом не захотел вставать и идти в него.

– Ты описался?

– Нет, – спокойно и без смеха, который был ожидаем после такого вопроса от ребёнка, ответил Микки. – Я снова заснул, а вскоре нас разбудили, и я сходил в туалет.

Мужчина негромко хмыкнул, оставшись довольным ответом, и что-то быстро написал в блокноте мелким и совершенно неразборчивым почерком.

– Тебе снилось сегодня что-нибудь? – спросил доктор, быстро записав всё при помощи сокращений-кодов.

Микки задумался, решая, что ему ответить, что соврать. Сегодняшний сон он запомнил, но рассказывать его было нельзя, такие сны доктора не любят, это он успел понять. Вот только правдоподобное враньё он придумать забыл...

– Микки, ты меня слышишь? Микки? – голос доктора вновь доносился, будто через слой воды. Микки опять задумался...

– Да, – напряжённо ответил мальчик.

Гудение, заполняющее комнату, уже проникло в его сознание и поселилось там. Уже было непонятно, где этот звук рождается, а где он является лишь гостем. Он был повсюду.

– Микки, ты меня слышишь?

Нет, неужели, он вновь задумался и пропустил обращение доктора? Нет, только не это! Это наказуемо!

– Микки? Микки?

– Мне сегодня снился зоопарк, – ответил Микки на первоначальный вопрос эскулапа. – Мы ходили туда с моими вторыми родителями. Мне очень понравилось там. Там было столько интересных животных... Но больше всего мне понравились слоны и жирафы, они такие большие, словно не с нашей планеты...

Он вновь соврал. Доктор вновь хмыкнул и что-то записал в своём блокноте...

Микки моргнул, размазывая картины воспоминаний по поверхности глаз, выныривая из омута памяти и возвращаясь в реальность, на кухню в своей квартире. Он сидел за столом, забравшись на стул с ногами. Слева от него стояла пепельница с пятью окурками, а справа чашка с едва тёплым красным чаем, который брюнет сделал более часа тому назад, но не выпил ещё и половины.

«Бессмысленная память, – равнодушно подумал Микки. – Ни вспомнить, ни забыть – ничего от неё не взять».

Поджав губы, парень выудил из упаковки сигарету, зажимая её в пальцах, но не подкуривая – он делал так очень часто, и взял чашку с чаем, делая размеренный глоток и холодно смотря в чёрно-матовый прямоугольник экрана выключенного телевизора.

Глава 12

*Короткий взгляд – провал до дна,
Всё ясно мне! Это она —
Моя мечта, мой кислород
Я твой запретный плод!
Слот, Альфа-Ромео, Бета-Джульетта©*

Уже наступил конец февраля, двадцать первое число, и Клер покинула Австрию, возвращаясь домой, где её ждали важные и преданные клиенты. Микки вновь остался в гордом благоговейном одиночестве, которого не могло нарушить ничего, потому что на улицу парень выходил достаточно редко и ещё реже включал телевизор. Ничего не могло нарушить тишины, которая была его верной спутницей и сопровождала его повсюду, где не было назойливых и ничего не понимающих людей, которые всё болтают, болтают и не могут оценить всей её прелести. Люди не любят тишину, потому что она гнетёт, потому что в ней слышится всякое и в ней можно попросту сойти с ума, если оставаться наедине с ней слишком долгое время. А Микки её любил, в этом было ещё одно его отличие от большинства жителей планеты Земля.

Микки особо никогда не задумывался над тем, существуют ли параллельные или просто иные миры, других планеты, также населенные разумными созданиями. Скорее он не верил в это: не верил в то, что есть реальности иные и инопланетяне на сверхзвуковых летающих тарелках. Но, порой, совсем редко, ему казалось, что он и есть тот самый обитатель соседнего мира, который потерялся по детской глупости и оказался здесь и про которого никто не вспомнил.

«Бред» – сказать что-то другое в ответ на свои такие мысли Микки не мог, всегда одинаково пренебрежительно фыркая и качая головой.

Но всякий раз ухмылка быстро сползала с его лица, обращая губы прямой линией; а взгляд его наполнялся привычным холодом безразличного космоса. Он с ранних лет уяснил для себя, в чём кроется причина его отличий от многих, даже от тех – тоже больных, с которыми он делил больничные стены и палаты. Потому глупо было бы полагать – надеться? – что причина его странности в синей люминесцентной крови из иных миров. Какой бред...

В ответ на такие размышления, действительно, оставалось только качать головой и усмехаться, потому что подобное нельзя принимать всерьёз и всерьёз задумываться над этим, в противном случае можно сломать себе весь мозг. А сломанный разум нередко поворачивается в совершенно непредсказуемом направлении.

Оставалось смеяться над самим собой и своими мыслями и иногда всё-таки включать телевизор или какой-нибудь фильм по интернету, потому что их звуки могли заглушить голос собственных мыслей и отвлечь. Не зря говорят, что телевизор отупляет, отнимает способность мыслить в полной и широкой мере. Это правда. Никто не думает во время просмотра интересного кино или передачи, это время является мгновениями чистого бездумного потребления визуальной и аудиоинформации. Но иногда «не думать» – это как раз то, что нужно.

Вот только Микки надоело коротать вечера в обществе телевизора и шедевров кинопроизводства – четырёх вечеров с него хватило. Звонить Клер не хотелось, как и кому-либо другому. Он, вообще, не любил телефонных разговоров, предпочитая им личные встречи и общение. Один раз за эти дни звонил Стюарт и за десять минут телефонного разговора успел превысить лимит Микки на слова. Другие не звонили. В принципе, все знали, что брюнета лучше не тревожить и не донимать пустыми телефонными беседами. Звонить ему

стоило лишь по рабочим или же иным важным делам. Но, как видно, сейчас с клубом всё было более чем в порядке. И Микки никого не ждал в гости и ни с кем не назначал встреч, потому и звонить ему было некому.

Вокруг была любимая им тишина, а за окном постепенно темнело небо, что обещало скорую встречу с ещё одной его возлюбленной – ночью. Но бывает так, что даже от самых любимых требуется отдых, требуется смена обстановки. Сегодня был как раз такой вечер. Потому Микки, подумав немного, решил не идти на поводу обыденной привычности и поддаться порыву. Порыв твердил парню, что ему было бы очень неплохо прогуляться и подышать свежим воздухом, которого было не найти в центре крупного города, но попытаться было можно. За попытку, вообще, крайне редко пытаются, не зря так гласит народная мудрость. А исключения... А об исключениях лучше не думать.

Потому Микки, быстро переодевшись, допив чай и расовав по карманам сигареты, зажигалку, ключи и бумажник, покинул квартиру. Проигнорировав существование лифта, парень быстро сбежал вниз по лестнице и, нажав на кнопку открытия, распахнул тяжёлую дверь подъезда и переступил его порог.

Над городом витали, стекая с крыш домов и покачиваясь на ветвях деревьях лиловые сумерки, которые с каждой ушедшей минутой становились всё более синими. Не пройдёт и часа, когда день в очередной раз проиграет в сражении с ночью, чтобы утром взять реванш, и небо окончательно окрасится чёрным.

Город стремительно зажигал фонари, чтобы его дорогие жители не споткнулись и не упали в темноте ночи; один фонарь загорелся совсем близко от Микки, слева от него, и резанул вспышкой по глазам. Уловив это боковым зрением, брюнет слегка поморщился, замедляя ход на несколько секунд, но затем вновь возвращаясь к прежней скорости.

Сунув на ходу в рот сигарету, брюнет подкурил, прикрывая ладонями огонёк зажигалки, после чего спрятал руки в карманы и свернул за угол. Он забыл взять с собой перчатки, а февраль никогда не являлся самым тёплым месяцем в году.

Сегодняшний вечер выдался совершенно непонятным на погоду. С одной стороны, он дышал несильным, но промозглым ветром, но, с другой, особого холода на улицах Вены не было. Через какое-то время Микки даже стало жарко, и он развязал длинный чёрный шарф, оставляя его болтаться на шее, играя своими концами от каждого шага. Также брюнет расстегнул три верхние пуговицы пальто и распахнул его на груди.

По вечерам и ночам всё окрашивается в тёмные цвета, как бы не было сильно освещение на проспектах и площадях того или иного города. Но даже сейчас, когда сумерки полностью захватили власть над городом и прохожие начали выглядеть на несколько тонов темнее, Микки выделялся на их фоне. Высокий и стройный, будто не замечающий никого на своём пути, он был одет во всё чёрное: зауженные брюки, нетолстый свитер с высоким горлом, ботинки, пальто, длинный вязаный шарф и шляпу с полями. Всё чёрное, всё идеальное, как самая прекрасная ночь. И глаза его, в тон одеянию, поблёскивали завораживающей темнотой, отражая свет фонарей, что переливался оранжевыми бликами на окружающих шоколадных радужках.

Остальные прохожие были одеты в серые цвета, боясь запачкать белые одежды, либо же в цвета яркие, пытаясь компенсировать этим уныние зимней поры. Микки бесконечно выделялся на их фоне, походив на идеальную чёрную тень, адвоката зла или же самого дьявола, который вышел на неспешную вечернюю прогулку в поисках очередного глупого смертного, с которым можно заключить выгодные контракты на его бессмертную душу.

Он шёл и шёл, не замечая, как уходит время и утекает в никуда, как проходят минуты его прогулки и становятся часами. Прохожих становилось всё меньше, все спешили домой, к своей семье или же просто хотели скорее укрыться за уютными стенами и, сунув ноги в тёплые шерстяные носки или тапочки, засесть в любимом кресле с ноутбуком на коле-

нях, интересным, или не очень, фильмом в нём и чашкой ароматного чая в руках. Кто-то будет этим вечером расслабляться и готовиться к спокойному сну, потому что завтра суббота и большинству людей на работу идти будет не нужно. Кто-то будет укладывать своих детей спать и устало улыбаться им, возиться с ними, падать от недосыпа, но всё равно чувствовать себя безмерно счастливым, потому что у него есть эти маленькие пухлощёкие подарки небес. Кто-то встретится с друзьями или парнем и будет жарко обсуждать события прошедшей недели и жаловаться на начальника-сволочь. Кто-то позвонит родным. Кто-то будет паковать чемоданы, потому что в Вене он лишь гость. А кто-то нальёт себе крепкого алкоголя и пропустит бокальчик-другой, потому что конец рабочей недели и потому что этот человек точно заслужил этого ленивого отдыха.

Они такие разные – эти люди, которых становилось на улицах «сказочного города» всё меньше, но они все одинаково забавны для Микки и чужды ему. В отличие от них, ему некуда спешить. И дело совсем не в том, что ему повезло с работой, на которую не нужно приходиться стабильно к девяти утра и с которой не хочется бежать без оглядки, когда рабочий день закончится. Его попросту ничего и никто не держал. Нигде. Он мог сорваться в любой момент и сменить страну проживания или даже континент. Он мог исчезнуть на неопределенное время и никому ничего не объяснять – друзья знают эти его повадки, а подчиненным и всем тем, кто связан с его бизнесом, он объяснять ничего не станет и вовсе, ограничившись словами о том, чтобы не ныли и не причитали и просто рассказали сейчас, когда он уже на связи, всё то, чего не смогли сказать ранее из-за его недоступности.

«Абонент временно недоступен» – частое явление для его мобильного телефона. «Абонент недоступен всегда» – извечное явление его сердца, к которому не подобраться ни с оружием, ни с подкупом. Его, как дикого зверя, можно было прикормить и добиться того, чтобы он дал себя погладить по лоснящейся тёмной шкуре. Но, как любой дикий зверь, он никогда не даст гарантии того, что однажды не уйдёт, ничего не сказав и не видя в этом смысла.

Совсем скоро людей на улицах практически не осталось – лишь редкие прохожие, которые кутались в свои куртки и шарфы, пробегая мимо и косясь на расслабленного Микки в его расстёгнутом пальто и небрежно повешенном на шею шарфе.

Когда брюнет завернул за очередной угол и прошёл метров семь, налетел не сильный, но слишком внезапный порыв ветра, который едва не сорвал с парня шляпу. Он вовремя успел схватить её, чтобы удержать на голове, перспектива гоняться за ней по улице Микки совсем не улыбалась.

Он остановился, пережидая порыв ветра и, дождавшись его окончания и восстановления полного штиля, как говорят моряки, поправил шляпу, сдвинул её чуть назад, на затылок. Микки хотел уже продолжить свою бесцельную прогулку, даже сделал несколько шагов вперёд, но вновь притормозил. Боковым зрением он улавливал некий очень яркий и белый свет, который был совсем не таким неприятным и резким, как свет мощных ламп в больницах и иных местах, которые люди вспоминают с содроганием – он был мягкий и будто бы лился на улицу, заполняя собой тротуар.

Подумав немного, просто не видя смысла торопиться, Микки повернул голову, обращая свой взор к источнику приятного белого света, ища его. Источником света была стеклянная и совершенно прозрачная витрина некоего бутика. Брюнет мельком бросил взгляд на вывеску с его названием, но не прочитал его. Это было не очень важно. Просто вывеска, стилизованная под бежевый камень и тёмно-тёмно синие буквы наименования магазина на ней.

Скользнув взглядом по нижнему краю «каменной» вывески, Микки спустился им по правому краю витрины, безразлично смотря, скучая внутри, в принципе, как это бывало всегда, когда его внимание привлекало неясное нечто, пойманное боковым взором, и на поверку оказывающееся недостойным его внимания. Красивая витрина, дорогой бутик –

Микки не знал этого места и не знал степени его элитарности, но он был уверен, что так оно и есть, он умел это отличать – много приятного для глаз света, персонал – девушки в обтягивающих чёрных штанах и белых блузках, примерочные с тяжёлыми бежевыми шторками, которые тоже можно было увидеть через огромную панорамную витрину. Всё мило, всё красиво, дорого, приятно для глаз, но совершенно неинтересно. Ах, точно, были ещё многочисленные вешалки с одеждой и манекены, один из которых был раздет. Как видно, его лишили одеяния буквально несколько минут назад, потому что, обычно, в дорогих магазинах манекены нагими не стоят никогда.

Парень обвёл взглядом всю эту красоту, задумавшись и не заметив, как потратил на это ещё несколько минут своего вечера, который был уже почти ночью, потому что стрелки часов уже почти подоברались к отметке в одиннадцать часов вечера. Микки сунул руки поглубже в карманы, и в последний раз оглядел помещение магазина через стекло витрины, собираясь покинуть это красивое место.

«Бедные, – без особых эмоций подумал брюнет, доставая сигарету, и зажал её губами, ища по карманам зажигалку. – Посетителей нет, причём, нет их, скорее всего, уже несколько часов, а они вынуждены работать, потому что конец смены только в... – он бросил взгляд на табличку со временем открытия и закрытия бутика. – Потому что конец смены только в одиннадцать вечера...».

И тут, словно желая опровергнуть мысли Микки, шторка одной из примерочных отъехала в сторону и из неё вышла припозднившаяся посетительница бутика. Не обращая внимания на то, что все ждут только её и что работники магазина хотят уже отдохнуть после долгого рабочего дня, покупательница уверенной походкой прошла к длинному зеркалу, останавливаясь перед ним и окидывая своё отражение придирчивым взглядом.

Микки вскинул бровь, наблюдая за неторопливыми движениями посетительницы бутика. Это была молоденькая девушка с копной светлых вьющихся волос и обручем на голове, который пытался укротить непослушные локоны и не дать им упасть на лицо. Правильные черты лица с чуть вздёрнутым носиком, пухлыми губами, тронутыми коралловой помадой-блеском и невероятно яркими глазами бирюзового цвета. Она примеряла небесно-голубое пальто с большими лацканами, которое было длиной чуть выше колена и потому несколько скрывало фигуру.

Не отводя взгляда от зеркала, продолжая игнорировать консультантов бутика, которые уже выстроились в зале в ряд, ожидая, когда последняя клиентка сделает свой выбор, и они наконец-то смогут быть свободны, девушка неторопливо покрутилась. В этом абсолютном равнодушии к чувствам тех, кто обслуживал её, эта девушка так походила на принцессу. Впрочем, она была права в своём безразличии к усталости консультантов – даже, если она поторопится, они всё равно не уйдут с работы раньше, так что, глупо было бы суетиться. Каждый выполняет свою работу.

Сложив руки на груди, Микки сделал небольшой шаг вперёд и вправо, ближе к витрине, за которой стояла самовлюбленная незнакомка. Он уже наблюдал за этой девушкой, в лице которой было ещё столько детскости, с уже нескрываемым интересом. Вот только взгляд её был совсем не похожим на взгляд наивного ребёнка – это был взгляд истиной наследницы престола, которая с рождения знает себе цену и которую отец-король носит на руках.

Брюнет слегка усмехнулся, отчего в глазах его зажгётся озорной огонёк, продолжая следить за девушкой по ту сторону стекла. Она сказала что-то консультантам и взялась за верхнюю пуговицу пальто, расстегивая вещь. Расправившись с тремя крупными пуговицами, девушка повернула голову, не ожидая ничего увидеть там, на ночной улице. Но её спокойный взгляд столкнулся с изучающим, блестящим чертями взглядом Микки.

Парень слегка улыбнулся ей, приподнимая уголки губ и не обнажая зубов, не разрывая зрительного контакта. Обождав всего несколько мгновений, девушка отвернулась, не выражая взглядом никаких особых эмоций в отношении стоявшего по ту сторону стекла Микки. Расстегнув все пуговицы, она сняла пальто и передала его консультанту, которая унесла вещь. Девушка в это время вернулась в примерочную за своей курткой и, надев её, ещё что-то сказала консультантам, после чего направилась к двери, которая тоже была стеклянной и потому совершенно прозрачной.

Девушка подошла к двери и, открыв её, вышла из магазина. Белая куртка и светлые чуть свободные джинсы со стильными потёртостями, ботиночки на плоской подошве с мехом, натуральные белокурые локоны лёгкого пшеничного оттенка, большие ясные бирюзовые глаза – сущий ангел – и совсем не ангельский взгляд, которым она одарила Микки.

– Привет, – поздоровался брюнет, слегка улыбнувшись.

Получив ещё один недобрый взгляд от девушки в ответ на своё обращение, он повторил его, но уже на английском:

– Привет.

– Привет, – на французском ответила блондинка, иронично скривив пухлые губки.

– Во французском я не столь силён, – вздохнул Микки, сложив руки на груди, и сделал шаг к собеседнице. – Но я буду стараться всё понимать.

Из трёх языков, которые знал парень, не считая родного немецкого, французским он владел в наименьшей степени.

– А для меня он тоже не родной, – с прежней недружелюбностью и уже на немецком ответила девушка и тоже сложила руки на груди. – Просто, я подумала, что мы соревнуемся в том, кто знает больше языков.

– Я знаю три, – спокойно ответил брюнет. – С немецким – четыре.

– Поздравляю, – холодно отозвалась блондинка.

– Я – Микки. Скажешь мне своё имя?

– Нет.

– Можно узнать причину?

– Причина в том, что после того, как люди представляются, принято говорить: «Приятно познакомиться», а я этого сказать не смогу, – фыркнула девушка и, развернувшись, быстрым шагом пошла прочь.

Микки легко нагнал её и даже чуть обогнал, устраиваясь сбоку и смотря на её гордый профиль с вздёрнутым носиком спокойным изучающим взглядом.

– Ты всегда так дружелюбна с незнакомцами? – поинтересовался парень.

– А меня родители учили с незнакомыми людьми на улице не разговаривать.

– Родители иногда ошибаются, – хмыкнул Микки.

– Может быть, твои и ошибаются, но своим я доверяю, они – умные люди.

Микки удивлённо взглянул на собеседницу. Право, как за столь ангельской внешностью может скрываться столь вредное самодовольное создание?

– А ты сама любезность, – хмыкнул парень.

Высказывание девушки о его родителях ему не понравился, но отступить это его не заставило, даже наоборот.

– А ты не понимаешь слова «нет», – не поворачивая головы, фыркнула блондинка.

– Понимаю, – спокойно отозвался Микки. – Но ты мне его не сказала.

– Тогда – нет, я не хочу завязывать с тобой знакомство, – проговорила девушка и смерила Микки гневным взглядом, после чего вновь устремила взор вперёд.

– Я тебе так не нравлюсь? – вскинув бровь и слегка ухмыльнувшись, поинтересовался брюнет.

– А ты догадливый...

– А ты врешь, – спокойно произнёс брюнет, теперь уже тоже смотря вперёд и продолжая идти рядом с девушкой, справа от неё.

Блондинка повернула голову, одаряя Микки презрительным взглядом.

– И в чём же я лгу? – поинтересовалась она. – Вру себе, что ты мне не нравишься, а на самом деле влюбилась с первого взгляда?

– Ну, твой вариант слишком глобален, но он тоже возможен.

– Пошёл ты, – фыркнула девушка, нахмурившись, и ускорила шаг, сворачивая за угол и выходя на тёмную улицу.

Микки последовал за ней, вновь легко догоняя. Он обратился к ней:

– Аккуратнее, будь на моём месте кто-нибудь другой, тебе могло бы быть сейчас очень больно.

– А будь сейчас со мной рядом мой брат, тебе бы было очень больно, – едко отозвалась блондинка. Какой же у неё острый язычок... – И ты бы уже лежал где-нибудь в кустах, – добавила она, спокойно, но победно смотря на Микки. – Он у меня, кстати, был чемпионом Германии по боксу. А будь рядом мой отец... – она намерено не договорила и покачала головой, мол – сам понимаешь, что ты был бы уже трупом.

– А я сирота и защищать меня некому, – спокойно отозвался брюнет.

Девушка непонимающе взглянула на него, слегка нахмурилась.

– Хочешь, чтобы я тебя пожалела? – спросила она после нескольких секунд молчания.

– А я похож на ущербного, чтобы меня жалеть? – искренне удивился Микки, вскидывая бровь и смотря сверху на собеседницу. – Просто, ты рассказала мне о своей семье, а я рассказал о своей.

Он помолчал немного, затем добавил:

– Или ты не привыкла отвечать правдой на правду и потому мои слова показались тебе странными?

– Ты мне весь кажешься странным, – чуть поморщилась девушка, – а не только твои слова.

Она вновь ускорила шаг, но для Микки не составило труда идти вровень с ней и сейчас, он привык ходить очень быстро. Такая столь быстрая ходьба не приносила ему никаких неудобств, он выглядел расслабленно и спокойно, держа руки в карманах и не оставляя девушке шансов убежать от него.

– Ещё немного и я подумаю, что ты маньяк, – проговорила блондинка, вновь кривя губы.

– Я не маньяк, – без тени обиды отозвался Микки. – А у тебя, как видно, был сложный день, раз ты так «добра» сейчас.

Он помолчал немного, затем добавил, ухмыляясь и лукаво смотря на собеседницу:

– Или у тебя трудная жизнь? Что, папа долго гулять не разрешает?

– Будешь упоминать моего папу, пожалеешь.

– А я сказал о нём что-нибудь плохое? – искренне удивился парень.

– Ты просто не имеешь права говорить о нём.

– Принцесса, у нас в стране демократия и свобода слова, так что, я имею право говорить всё, что захочу.

– Как ты меня назвал?!

– Принцесса, – спокойно повторил Микки.

– Не смей меня так называть.

– А как мне тебя называть? – спросил парень, вскинув бровь, но дожидаться ответа на свой вопрос не стал и продолжил: – Ты ведёшь себя, как избалованная наглая принцесса. К тому же, я не знаю твоего имени, а обращаться к тебе как-то надо. Так что, будешь принцессой, – он ухмыльнулся, – принцесса.

– Я Дженна! – повысив тон, раздражённо выпалила девушка.
– Приятно познакомиться, Дженна, – слегка кивнул Микки.
– Нет, неприятно, – отозвалась Дженна и вновь ускорила шаг, сворачивая за новый угол. Она помолчала немного, сосредоточившись на своём «побеге», но вскоре вновь обратилась к Микки:

– Ты можешь не идти за мной? Или мне от тебя убежать нужно?

– Если хочешь бежать – беги, – пожал плечами брюнет. – Конечно, я не поклонник вечерних пробежек, но можно и попробовать.

– Ты от меня не отстанешь? – спросила Дженна после некоторого молчания и резко остановилась, разворачиваясь к Микки лицом и складывая руки на груди, поджала губы.

– Тебе же лучше, чтобы я этого не делал, – спокойно отозвался парень.

– Можно узнать, почему?

– Потому что уже поздно, улица тёмная и ты можешь легко нарваться на тех, кто захочет причинить тебе вред.

– А ты, типа, телохранитель-доброволец?

– Вот, именно об этом я и говорю, – кивнул брюнет и встал ближе, заглядывая Дженне в глаза. – К тебе подойдёт кто-нибудь и даже, если он не будет изначально хотеть тебе зла, ты поговоришь с ним в таком тоне, и он превратится в маньяка. Любой бы превратился.

– Поверь мне, я могу за себя постоять, – уверенно ответила девушка, гордо выдерживая взгляд в глаза и близость незнакомца.

– Так тут же нет ни твоего брата, ни отца?

– Думаешь, что без них я не способна ни на что? – вскинула бровь Дженна. – Меня с детства учили самообороне. У меня мама – полицейский, так что, поверь мне, я смогу легко обезвредить любого, кто подойдёт ко мне не с добрыми намерениями.

– Тогда, почему ты этого до сих пор не сделала? – спокойно поинтересовался Микки, заглядывая собеседнице в глаза, беся. – Ты же сама сказала, что я тебе не нравлюсь. Так, почему я всё ещё стою и разговариваю с тобой, а не лежу в позе морской звезды и не смотрю в небо?

– А ты так хочешь, чтобы я сделала это? Будет больно.

– Удиви меня. Как раз, если у тебя получится это сделать, я уверюсь в том, что ты – боец в женском обличии и смогу, не боясь, отпустить тебя, чтобы ты продолжила путь в одиночестве.

– Ради такого стоит постараться, – вздохнула Дженна. – Но, пожалуй, я не буду этого делать.

– Вот видишь, ты не можешь ударить человека даже тогда, когда он сам просит тебя об этом. Как же ты будешь защищаться?

– Ты меня специально провоцируешь?

– Я не виноват в том, что ты так легко провоцируешься.

– Хорошо, – поджала губы девушка и отступила назад, разминая руки. – Только в больнице, куда ты попадёшь со сломанной рукой, скажешь, что упал сам.

– Конечно, – ответил Микки, продолжая спокойно стоять, сложив руки на груди. – Только в больницу я не попаду.

– Поспорим?

– Дженна, то, что ты желаешь попытаться отметелить меня, уже является спором, причём, проигрышным.

– Я докажу, что ты ошибаешься, – с вызовом ответила блондинка, вздёргивая подбородок и смотря Микки в глаза.

– Доказывай.

Микки развёл руками и, не дожидаясь действий Дженны, молниеносно преодолел расстояние до неё, хватая за тонкое запястье, разворачивая и прижимая спиной к себе, удерживая так.

– Ты уже проиграла, – ухмыляясь, проговорил Микки, смотря на макушку девушки.

– Не дождётся, – процедила Дженна и попыталась вырваться, но Микки вновь перехватил её, ещё теснее прижимая к себе.

Она вцепилась в руку Микки, которой он обхватил её и удерживал под шеей, впилаясь в неё ногтями и попыталась ударить его по ногам, но парень ушёл и от этого.

– Сдавайся, – насмешливый шёпот над самым ухом.

Дженна вся вскипела от этого, даже волосы едва дыбом не встали, что сделало бы её окончательно похожей на маленького чертёнка.

«Нет уж, – подумала девушка. – Не дождётся», – и, выгнув спину, дав себе это пространство для манёвров, заехала Микки локтем в печень.

Брюнет резко выдохнул, инстинктивно отходя и отпуская «жертву». Воспользовавшись его промедлением, Дженна подскочила и ударила его под дых, а после под колени, вынуждая упасть на них.

Подойдя к поверженному противнику, блондинка встала перед ним, складывая руки на груди и победно ухмыляясь.

– Будет тебе уроком, – произнесла она, продолжая держать уголки губ приподнятыми, – не нужно думать, что тот, кто выглядит слабее, на самом деле является таким.

Микки медленно поднял голову, награждая Дженну совершенно непонятным тяжёлым взглядом, смотря в глаза.

– Я это усвою, – проговорил он. – Но и тебе стоит усвоить урок, принцесса – один выигранный бой не считается полной победой.

Сказав это, Микки схватил девушку за низ куртки и дёрнул на себя. Дженна замахала руками в попытке удержать равновесие, но всё-таки полетела по инерции вперёд и упала прямо на парня. Как только Дженна оказалась на нём, Микки обхватил её за талию, зажимая в не болезненных, но крепких тисках.

– Отпусти! – потребовала девушка.

– Не подумаю. Бой должен быть честным, ты же этого сама хотела. Так что, победи меня, если сможешь.

– Ударю, – процедила через несколько секунд Дженна, поднимая ногу и размещая своё колено в опасной близости от паха Микки.

– Не советую.

– А на войне все средства хороши. К тому же, как ещё защищаться девушке, если её зажали? Бить туда, куда её ударить не могут.

Ничего не ответив, Микки ловко выпрямил ноги, на которых лежал, и сел. Благодаря такой резкой смене положения Дженна оказалась у него на коленях с широко распахнутыми глазами, полными недоумения, а следом и негодования.

– Отпусти, – вновь процедила Дженна, ощущая стальные тиски на своей спине и то, как крепко Микки держал её.

– Отпущу, – согласился брюнет. – Но только в том случае, если ты признаешь поражение и перестанешь протестовать против того, чтобы я тебя провёл до дома.

– Я живу в отеле! – отчаявшись выбраться из объятий Микки, но продолжая пытаться это сделать, невпопад лягнула Дженна.

– Ты не местная?

– Нет, я из Германии, из Берлина.

Очередной раз ударив Микки ладонями по плечам, блондинка всё-таки добилась того, чтобы он её отпустил. Встав, она отряхнула ноги и, сверкнув испепеляющим взглядом, круто

развернулась, устремляясь прочь. Тоже поднявшись с земли и отряхнувшись, Микки последовал за ней, на этот раз оставаясь идти чуть позади, превращаясь в тёмную тень этого вздорного ангела.

Минут десять они шли молча и уже вот-вот должны были выйти на улицу, где располагалась отель, в котором остановилась Дженна. Девушка шла быстро, но убежать уже не пыталась, поняв, что это бесполезно, что от «собственной тени» не убежишь. Она не оглядывалась, но точно знала, что странный ночной знакомый продолжал идти следом за ней. Об этом говорил лёгкий шорох подошв его ботинок по влажному асфальту, и она просто чувствовала его присутствие, взгляд в спину.

Они преодолели очередной поворот, и вышли на совершенно пустынную улицу, освещённую апельсиново-оранжевым светом фонарей. Дженна оторвалась чуть-чуть сильнее, уходя вперёд, и Микки уже хотел ускорить шаг, чтобы догнать несговорчивую девушку, но сделать ему это было не суждено. В его голове прозвучали слова:

– *Стой!*

Микки замедлил шаг, продолжая смотреть на спину Дженны и не понимая внезапного требования одного из «голосов».

– *Стой!* – повторил «голос» и теперь он принадлежал «Искусителю». – *Стой, дальше нельзя...*

Микки начал идти совсем медленно, а через несколько шагов и вовсе остановился. Требование «Искусителя» было иррациональным и бессмысленным, но этот «голос» не имел за собой привычки заговаривать просто так. Наверное, и сейчас в его словах был смысл, просто Микки не мог его пока что познать.

Остановившись под фонарём, влившись в поток его оранжевого света, Микки наблюдал за удаляющейся фигурой Дженны, которая уже подходила к повороту. Она, кажется, даже не заметила того, что новый знакомый отстал.

Но – нет, она заметила и, дойдя до поворота, обернулась, хмуро смотря на брюнета, до которого теперь было метров двадцать пять. Он неподвижно стоял в потоке апельсинового света и, пусть издали глаза были практически не видны, но Дженна точно знала, что он смотрит на неё. Она ощущала этот странный взгляд, который медленно наливался свинцом, на коже.

Постояв так, смотря на Микки, секунд семь, Дженна отвернулась и продолжила свой путь, более не оглядываясь и скрываясь за поворотом. Брюнет так и остался стоять, смотря ей вслед и слушая благоговейную тишину, которая наполнила его голову. «Голоса» в его сознании молчали, как молчал и голос собственных мыслей; не было ни ветерка, ни шороха, ни лая раздраженной собаки. В эти мгновения всё вокруг словно перестало существовать, дышать, замерев и затаившись в непонятном ожидании чего-то.

Глава 13

*Короли ночной Вероны
Нам не писаны законы
Мы шальной удачи дети
Мы живём легко на свете.
В нашей жизни то и дело
Душу побеждает тело,
Но Господь за все за это
Нас простит уже к рассвету.
Мюзикл: «Ромео и Джульетта»©*

Услышав мелодию звонка из кармана своих чёрных джинсов, Микки достал мобильный телефон и, бегло глянув на экран и имя звонящего, принял вызов.

– Привет, Ники, – поздоровался парень.

– Привет, – также поздоровалась девушка. – Я тебя не отвлекаю?

– Нет, я завтрак готовлю, – отозвался брюнет и тронул лопаткой жарящийся в сковороде завтрак – яичницу с беконом, проверяя готовность блюда.

– Завтрак в четыре часа дня? – удивилась Ники на том конце связи.

– Да, – спокойно ответил Микки. – Тебя что-то удивляет в этом?

– Нет... – подумав пару секунд, отозвалась девушка, вздыхая, и решила перевести тему и перейти к тем главным словам, ради которых она и звонила. – Слушай, Микки, у тебя есть планы на сегодняшний вечер?

– На сегодняшний... – задумчиво проговорил Микки, задумываясь.

Никаких планов на сегодняшний вечер, как и день, у него не было. Но говорить «нет» сразу он не хотел. Стоило подумать, потому что планы у него могли появиться внезапно.

Подумав более чем достаточное время, брюнет всё-таки ответил:

– Нет, у меня нету планов на сегодняшний вечер. А, собственно, почему ты спрашиваешь? Хочешь мне что-нибудь предложить?

Чуть присолив завтрак, парень накрыл сковороду крышкой и теперь уже полностью посвятил всё своё внимание собеседнице. Присев на край ближней к плите тумбочки, Микки достал сигарету и привычно начал крутить её в пальцах, медля с тем, чтобы закурить, сминая ни в чём не повинный белый фильтр и уничтожая его идеальность.

– Именно, – ответила Ники и кивнула. – Скажи, как ты относишься к вечеринкам?

– К вечеринкам? – нахмурившись, повторил за девушкой Микки и почесал нос.

Помедлив с ответом, он обхватил помятый фильтр сигареты губами и, щёлкнув зажигалкой, подкурил. Сделав одну глубокую затяжку и тугой струйкой выдохнув облако сизого дыма, парень продолжил:

– Я отношусь к вечеринкам, как и ко всем иным увеселительным мероприятиям, достаточно холодно. Я не испытываю к ним ни любви, ни неприязни.

– Это хорошо, – улыбнулась Ники. – Может быть, мне удастся склонить тебя в сторону любви к тусовкам. Дело в том, что сегодня одна моя подруга открывает клуб, и я хотела пригласить на открытие и тебя. Она почти год готовилась к этому мероприятию, так что, полагаю, это должно быть нечто грандиозное!

Ники говорила восторженно и так искренне. В принципе, светская львица, которой являлась эта молодая девушка, и не могла быть другой, не могла не испытывать страстной любви к ночным клубам и жизни между закатом и рассветом. Микки слушал её внимательно,

не перебивал, но особого восторга либо любых иных сильных эмоций в отношении её слов и затеи не испытывал.

– И как называется этот твой хваленый клуб? – дождавшись паузы в эмоциональном рассказе девушки, поинтересовался Микки.

– Lqst.

– Интересное название... – хмыкнул брюнет. – Это аллюзия на потерянность?

На том конце связи Ники открыла рот, чтобы ответить, но Микки её ответа не ждал, ему просто хотелось сказать. Он продолжал:

– Если это так, то, полагаю, вечер и ночь открытия действительно обещают быть выдающимися, как и все последующие ночи в стенах этого клуба. Вот только, если исходить из названия, то посетители «LQST» должны терять в его пределах голову и мораль, а под утро падать без чувств и больше никогда не открывать глаза, несмотря на то, что по их закрытым векам, освещая бледные лица, вновь заскользит золотистое солнце.

Ники слушала Микки, полностью застыв, лишь моргая и тем показывая, что жива. Его слова, действительно, вводили в некое подобие транса, пусть, порой, пугали и казались странными, вычурными. Он мог заговорить любого и заставить его забыть обо всём.

– Зря ты подался в бизнес, – покачала головой Ники, дождавшись, когда брюнет закончит говорить. – У тебя настолько интересная манера речи и её стиль, что тебе бы цены не было на писательском поприще. Не хочешь попробовать себя в этом?

– Нет, – поморщился Микки и глубоко-глубоко затянулся дымом, отчего горло обожгло. – Это точно не для меня. Я не хочу вкладывать свою философию и свои мысли в голову неких вымышленных героев и тратить жизнь на то, чтобы создавать миры, которых никогда и нигде не будет, кроме листов бумаги и страниц электронных книг.

– Ладно, это твоё дело, – вздохнув, согласилась девушка. – Так, может быть, вернёмся к открытию «LQST»? Ты так и не сказал мне ни «Да», ни «Нет».

Микки вновь задумался, но в этот раз размышления его продлились всего пару секунд. Решив, что этим вечером ему, в самом деле, делать нечего, парень сказал:

– Пожалуй, я соглашусь на твоё предложение. Посмотрим, что за такое новенькое «потерянное» место. Только скажи, во сколько открытие?

– Начало в десять вечера.

– Отлично... – без особого энтузиазма отозвался Микки, кивая.

Сделав последнюю затяжку, парень потушил сигарету и бросил её в пепельницу.

– И, Микки, ты можешь меня забрать и отвезти в «LQST»?

– А свою машину ты разбила?

– Нет, моя машина в порядке. Просто, если я поеду туда на ней, то с практически стопроцентной вероятностью на ней и уеду. А у меня уже и так два раза отбирали права за вождение в пьяном виде.

– А ещё это опасно, – задумчиво и равнодушно произнес Микки, разглядывая фильтр уже новой сигареты.

– И это тоже, – согласилась Ники. – А на такси ездить на вечеринки я не люблю.

Она замолчала, ожидая, что Микки спросит: «Почему?», но он не сделал этого. Помолчав немного, брюнет отозвался:

– Да, без проблем, я заберу тебя, и мы вместе поедem в «LQST». Только адрес мне скажи, куда за тобой приезжать.

Ники быстро надиктовала свой адрес и попросила Микки заехать за ней в половине десятого. Выслушав всё и дав своё одобрение на слова собеседницы, брюнет сказал: «Хорошо, тогда, до встречи», после чего сразу же отнял телефонный аппарат от уха. В нём слышались слова прощания, произносимые Ники, но Микки их не слушал. Как только девушка замолчала, он отклонил вызов и положил телефон на тумбочку.

Посидев так немного, брюнет вставил сигарету в рот, но быстро передумал курить и, отложив её на тумбочку, спрыгнул на пол. Открыв шкафчик для посуды, Микки быстро пробежался взглядом по его содержимому, и, выбрав тарелку, захлопнул его дверцы, переключаясь на уже полностью готовый завтрак, который теперь оставалось только съесть.

Поставив тарелку на стол, брюнет облизал кончик лопатки, которой выкладывал пищу из сковороды на блюдо, задерживая её у губ, задумываясь. Но вскоре лопатка, всё же, отправилась в посудомоечную машину, а Микки наконец-то сел за стол и приступил к трапезе.

Включать телевизора он привычно не стал, смотря в его тёмный экран и думая о чём-то своём, отправляя кусочек за кусочком в рот завтрак, который пришлось прервать, потому что парень вспомнил, что забыл заварить чай.

Когда с завтраком было покончено, и посуда была заброшена в посудомоечную машину, Микки забрал с тумбочки чашку с любимым ароматным красным чаем и вернулся за стол. Забравшись на стул с ногами, брюнет включил телевизор, сразу же переключая несколько каналов, останавливаясь на музыкальном канале, а после переключая на новости.

То, о чём говорили в новостях, не вызывало в Микки совершенно никакого интереса: чьё-то убийство, чей-то успех и скандал, в котором замешены не то трое, не то четверо. Бессмысленная болтовня о людях, которых он не знал вживую, и знать не хотел, и потому они были ему абсолютно безразличны.

Выдержав минут пять просмотра новостей, брюнет вновь переключил канал, сменяя его каким-то фильмом, жанр и название которого пока оставались загадкой.

Наблюдая банальный диалог между кудрявой рыжеволосой девушкой и импозантным высоким брюнетом, Микки поморщился. Это тоже было безумно скучно. Но этот фильм был на толику интереснее новостей, потому переключать брюнет не стал, а наконец-то взял чашку и, подув на горячий чай, сделал маленький глоток.

Бессмысленно смотря в экран телевизора и совершенно не вникая в суть происходящего в фильме, Микки думал о перспективах сегодняшнего вечера, который ему предстояло провести в незнакомом месте и в окружении шумных светских персон. Нельзя было сказать, что он был чужд богемной жизни и обществу, но и любовью к подобным мероприятиям он не отличался, потому что там, в шумных клубах или на званых вечерах, люди жестоко убивали, разрывая на части, его любимую подругу – тишину.

Но по поводу того, что он согласился вновь стать зрителем этой «казни», брюнет волнения или напряжения не испытывал. Во-первых, он всегда мог отказаться от приглашения; он позволял себе отказываться от своих слов даже в тех случаях, когда обещал нечто сделать. И, пусть, возможно, это и не являлось самым лучшим его качеством, но Микки с ним бороться не собирался. Кому и что он был должен, чтобы быть обязанным следовать тому, что он сказал? За несколько часов может измениться целая жизнь, не то, что настроение и желание в чём-то участвовать или с кем-то встретиться. Потому совершенно глупо принимать каждое собственное слово за обещание или клятву, от которых нельзя отказываться. Слова, вообще, мало что значат.

Не отрывая взгляда от экрана, Микки нащупал на столе пульт и выключил телевизор, после чего неторопливо встал и вышел прочь с кухни, не забыв прихватить с собой и чашку с чаем, которого осталась половина.

Преодолев расстояние до спальни и зайдя в неё, брюнет поставил чашку с недопитым чаем на тумбочку, а сам сел на кровать, выуживая из ящика тумбы пузырёк с лекарством и высыпая несколько таблеток себе на ладонь. Третья – лишняя таблетка отправилась обратно в упаковку, а две парень положил на язык, сразу же делая глоток чая, запивая лекарство – таблетки были достаточно большими, потому, если попытаться проглотить их без воды, чая или тому подобного, были все шансы подавиться.

Проглотив таблетки и обильно запив их чаем, а после, допив и тот его глоток, что остался на дне, брюнет отставил пустую чашку на тумбочку и встал, поправляя чуть сползшие и демонстрирующие теперь резинку тёмных боксёров и часть самого белья джинсы.

При взгляде на часы выяснилось, что времени было уже пять часов вечера и семнадцать минут. Вернув чашку на кухню, Микки направился в ванную комнату, чтобы наконец-то принять душ, потому что после пробуждения он ограничился чисткой зубов.

Привычно подойдя к умывальнику, парень упёрся руками в его края, склоняясь чуть вперёд, пристально смотря в глаза своему отражению. Такие чёрные...

Микки слегка прищурился, ещё прицельнее впиваясь глазами в самого себя из зазеркалья. Он прекрасно знал, помнил, какого у него цвета глаза, но, порой, ему казалось, что цвет их совсем не шоколадно-карий, а совершенно чёрный. В самом деле, его глаза имели удивительное свойство отливать тьмой даже в те моменты, когда в них был направлен свет.

Постояв так минуты три, парень всё-таки отошёл от зеркала и направился к душевой кабинке, расстегивая по дороге штаны – майки на нём не было. Избавившись от одежды, Микки шагнул в кабинку душа и, закрыв её матовые, будто заледеневшие дверцы, включил воду. Горячая вода полилась ему на голову водопадом, бурным потоком. Дождавшись, пока она намочит всё тело, Микки поднял голову, подставляя лицо под горячие струи, что били по коже точечным массажем, и потёр его.

Проведя в душе не меньше получаса и наконец-то покинув его, парень обернул вокруг бёдер белоснежное мягкое полотенце и переступил порог ванной, вновь направляясь в свою спальню.

Иногда, ходя вот так по своей пустой квартире, Микки казалось, будто в ней кто-то есть, кто-то должен быть, и этот кто-то его вот-вот окрикает, позовёт. Этот кто-то не страшный и совсем не похож на тени и демонов из фильмов ужасов, которые поселяются в домах и сводят их владельцев с ума, этот кто-то... кто-то добрый и тёплый, родной – тот, кого в жизни Микки никогда не было.

Даже не дрогнув ни единым мускулом лица и не попытавшись обернуться, брюнет открыл дверь своей спальни и прошёл в неё и сразу же направился к шкафу и, распахнув его дверцы, сдёрнул с себя полотенце, оставаясь полностью обнаженным. Подобные мысли-неясные видения посещали его редко и никогда не приносили боли или горькой надежды, обиды на жизнь за то, что ему некого ждать. Он с детства свyksя с этой мыслью – мыслью о том, что он является одним из тех забытых детей, которые не нужны миру, но которых зачем-то спасает государство. Может быть, дело было в его душе – душа его отказывалась верить в то, что он один в этом мире и продолжала искать в тишине нотки хотя бы чьего-то родного голоса. Даже, если это было так, то это было неважным, потому что душа Микки, пусть и продолжала абсурдно чего-то ждать втайне от своего носителя, но она не болела при этом, не требовала того, чтобы кто-то непременно был рядом, как это и должно быть у нормальных людей. И разум его ничего не ждал и никого не искал в толпе.

За ленивыми сборами незаметно прошли три часа и вот настало время выходить из дома и ехать за Ники, если, конечно, Микки вдруг не решит, что он передумал и не желает становиться частью всеобщего веселья. Но он не передумал. И потому, взглянув в зеркало около входной двери и поправив расстегнутый воротник чёрной рубашки, которой не могло скрыть чёрное же не застёгнутое пальто, парень взял ключи от квартиры и покинул её.

Путь до дома Ники занял сорок минут – пробки из-за внезапного снегопада – но Микки всё-таки добрался до неё и они уже вместе двинулись в сторону «LQST». Когда они повернули в сторону клуба, на часах было без тринадцати минут десять, потому что к открытию они точно должны были опоздать. Но Ники насчёт этого не расстраивалась и высказалась по этому поводу так: «Значимые персоны не опаздывают, а задерживаются и делают этим

подарок тем, кто их ждёт, потому что всегда здорово, когда есть, кого ждать и что предвкушать».

Благодаря ещё одной пробке молодые люди прибыли на место лишь через час. Оставив машину на парковке, Микки и Ники переступили порог клуба, где девушка сразу же скинула коротенькое, отороченное мехом пальтишко, оставшись в коротком чёрном платье под грудью с юбкой из лоснящихся перьев. Казалось, будто она забыла, что на улице доживает свои последние дни зима, и вышла из дома без колготок, потому что на ней были тоненькие и совершенно прозрачные чулки.

Также сняв верхнюю одежду, Микки дождался свою спутницу, которая остановилась перед зеркалом, чтобы поправить причёску, и они наконец-то прошли в основной зал, где уже полным ходом шло веселье. Все присутствующие уже были навеселе: кто-то танцевал, извиваясь всем телом под ритмичные модные мотивы, кто-то что-то обсуждал с друзьями или едва знакомыми людьми – все были заняты делом.

– О, Ники!

К Микки и Ники спешила девушка в платье, похожем на Никино, только бледно-бледно голубого цвета. В руке у неё был бокал шампанского, на лице сияла широкая отбеленная улыбка, а в глазах искрились пузырьки выпитого игристого напитка.

– Рада видеть тебя! – произнесла девушка, подойдя к ним.

– Я тоже, – улыбнулась в ответ Ники. Она взглянула ни Микки и добавила, обращаясь к подруге: – Познакомься, Лори, это – Микки.

– Микки, – повторила Лори, одарив лучезарной улыбкой и брюнета, и протянула ему ладонь для рукопожатия.

– Приятно познакомиться, – сдержанно кивнул Микки, легко пожимая девушке руку.

Сказав ещё парочку незатейливых фраз старой знакомой, Лори ещё раз улыбнулась и покинула молодых людей, устремляясь к тем, с кем она ещё не успела поздороваться или познакомиться.

– Люблю Лори, – изрекла Ники, смотря вслед подруге, – пообщавшись с ней, всегда хочется улыбаться.

– Да, милая девушка, – достаточно холодно отозвался брюнет и огляделся, ни на ком не заостряя своё внимание, но оглядывая всех, кто присутствовал в просторном зале.

Ники взглянула на него. По его тону она прекрасно поняла, что никакой особой симпатии к её доброй весёлой подруге Микки не испытывал.

– Я могу познакомить тебя со всеми, если хочешь, – предложила Ники, взяв бокал шампанского и пригубив напиток. – Я знаю здесь практически всех.

– Думаю, я смогу познакомиться с теми, кто мне будет интересен, и без твоего посредничества. Ты не обязана весь вечер крутиться рядом со мной и выступать в роли моего шута.

– А почему шута?

– Потому что, – ответил Микки, складывая руки на груди и полностью разворачиваясь к спутнице, смотря на неё сверху, – обычно, люди считают, что, если они привели кого-то в новую компанию или новое место, то они обязаны его развлекать. Так вот, Ники, я освобождаю тебя от этого обязательства и заблуждения.

– Знаешь, по твоим словам можно подумать, что ты хочешь поскорее избавиться от меня, – перестав улыбаться, немного обиженно отозвалась девушка.

Микки хмыкнул и ухмыльнулся в ответ на слова Ники. Подойдя ближе к ней, став практически вплотную, он произнёс:

– Ники, не нужно додумывать за меня. Поверь, я не самый лживый человек на этом свете и, если бы я захотел от тебя избавиться, я бы тебе так и сказал.

– Тогда, может быть, сядем и выпьем? – вздохнув, предложила Ники. – Что-то мне подсказывает, что ты совсем не тот человек, который любит танцевать...

– В этот раз ты оказалась права, я, в самом деле, не фанат танцев. Но, всё же, лучше спрашивай меня, а не делай выводы обо мне, исходя из непонятно чего.

– Я постараюсь это учесть.

Парень и девушка заняли место на одном из белых кожаных диванов, которых здесь было множество; весь интерьер «LQST» был выполнен в светлых ангельских оттенках. Но через полчаса Ники всё-таки покинула своего спутника, решив посвятить время и другим своим знакомым, которых здесь было множество.

Микки не стал противиться её уходу, легко отпустив девушку и заменив её общество бокалом вина. Рубиновый напиток он пил медленно, буквально по каплям – отчего-то, ему совсем не хотелось сегодня напиваться, по крайней мере, пока, потому один бокал брюнет смог растянуть на долгое время.

Вокруг него творилось веселье и зарождался тот самый беспредел, которым славятся дорогие и элитарные ночные клубы. Девушки начинали двигаться в танце всё эротичнее, а парни всё похотливее смотрели на них. Кто-то уже целовался, а кто-то решил пойти дальше и, взяв партнёра за руку, повёл в сторону туалета. Одну такую парочку Микки лично провёл взглядом до выхода из основного зала.

Потеряв скрывшуюся за дверями парочку из виду, Микки вновь обвёл взглядом просторный зал, погруженный во мрак и взрываемый светом стробоскопов, и задержался на фигуре, мелькнувшей в его дальнем левом углу.

Взгляд парня налился интересом и он, залпом допив остатки вина и поставив пустой бокал на столик, встал, быстрым шагом пересекая зал и устремляясь в тот его угол, где мелькнула загадочная и столь заинтересовавшая его фигура.

Брюнет даже не задумывался над тем, зачем он шёл и что, кого хотел отыскать. Это был просто порыв, которому он поддался, не оставив своему разуму шансов породить размышления и мысли.

Продираясь через толпу, Микки старался не терять из виду ту, которая привлекла его внимание. Девушка не стояла на месте, и потому следить за ней было достаточно сложно, особенно с учётом того, что клуб то и дело погружался во тьму.

В какой-то момент свет погас на долгие десять секунд, лишив всех возможности ориентироваться в пространстве и подарив это время на то, чтобы скрыться, убежать по-английски под руку с тем, с кем душа, но скорее тело, желает провести эту ночь.

Несмотря на полную темноту, Микки продолжал идти, достаточно легко ориентируясь во тьме, так походя в этот момент на дикую чёрную пантеру, которая крадётся к своей ничего не подозревающей жертве.

Шаг, ещё один шаг – тихий, бесшумный. Мышцы напрягаются, готовясь к прыжку. И, вот, наступает тот самый миг, и дикий зверь совершает свой смертоносный рывок...

Свет вновь загорелся, освещая всех и всё, выхватывая развлекающийся народ из объятий тени, только...

Только той, за кем шёл Микки, больше не было впереди него. Её не было ни сбоку, ни позади – нигде. Обернувшись, брюнет обвёл пространство комнаты тяжёлым взглядом.

«Показалось, – подумал он. – Показалось. Странно, ещё ведь не апрель...».

Нахмурившись, он ловко схватил с подноса пробегающего мимо официанта бокал вина. Как видно, напиток молоденький парень нёс кому-то другому, но сказать об этом побоялся и вновь поспешил к барной стойке, чтобы всё-таки донести до заказчика его вино.

Пригубив рубиновый напиток, Микки ещё раз безразлично огляделся и развернулся, желая пройти к выходу из зала и осмотреть и остальные комнаты клуба. Но планы его спутала некая девица, что влетела в него на полном ходу, едва не падая от этого столкновения со своих огромных каблучков. Парень чудом удержал бокал, поднимая его вверх и отводя

в сторону, в противном бы случае эта неосторожная девушка оказалась бы облитой кровавым напитком, который бы было совсем непросто отмыть с её дорогого брендового платья.

– Извини, – выпалила девушка, вытаращивая свои и без того огромные глаза и зачем-то кладя ладонь Микки на грудь, будто желая тут же загладить свою вину перед ним.

– Ничего страшного, – отозвался парень и опустил руку с бокалом. – Меня не так уж просто сбить с ног.

– Было бы очень неприятно и неудобно, если бы у меня это получилось.

Девушка говорила быстро и немного сбивчиво, будто была очень взволнована, перевозбуждена. Её светло-серые глаза лихорадочно и как-то нездорово блестели.

– Но у тебя не получилось, – кивнул брюнет и представился: – Меня зовут Микки.

– Я – Фин.

– Фин? – переспросил Микки, вскидывая бровь. – Интересное имя... – добавил он и сделал глоток вина, смотря при этом на новую знакомую.

– Фин – это псевдоним и почти настоящее имя. По документам я – Финна.

Микки слегка нахмурился, смотря в лицо девушки. Оно определённо казалось ему знакомым... Кажется, она была одной из известных блогерш... Но всерьёз задумываться над этим ему совершенно не хотелось, потому парень откинул лишние размышления и обратился к собеседнице:

– Фин, не хочешь немного пройтись? Хотелось бы отдохнуть от всего этого шума.

– Я согласна, – с готовностью отозвалась девушка и вцепилась в руку Микки, чтобы не упасть на своих высоких каблуках, когда они направились к выходу из главного зала.

Брюнет мельком взглянул на неё, но заострять своё внимание на её состоянии и поведении не стал. И невооруженным глазом было заметно, что Фин была сильно пьяна.

За пределами главного зала клуб казался каким-то совершенно пустынным и совсем тихим, его коридоры походили на комнаты дома-призрака, в которые можно зайти, но невозможно выйти.

Прогуливаясь по этим пустынным комнатам, Микки и Фин болтали о чём-то, но брюнет совершенно не запоминал слов их разговора.

– Может быть, уедем? – внезапно спросила девушка.

Микки взглянул на неё, задерживая на ней свой взгляд, словно испытывая и давая время, чтобы передумать и отказаться от своих слов. Но Фин не отказалась.

– Здесь, конечно, весело, но мне уже надоело, – добавила девушка.

Микки взглянул на часы на правом запястье, затем вновь поднял взгляд к глазам собеседницы и ответил:

– Сейчас час пятнадцать ночи. Это слишком рано, чтобы уезжать из ночного клуба, но для того, чтобы продолжать веселье, это время является оптимальным. Так что, я не вижу причин, чтобы отказываться от твоего предложения, Фин.

– Отлично, – как-то облегчённо улыбнулась девушка. – Тогда, я вызываю такси?

– Я на машине. И выпил я всего два бокала, так что, за руль вполне могу сесть.

Финн согласно кивнула, и они развернулись, возвращаясь к главному залу, из которого можно было выйти на улицу. Но в какой-то момент девушка затормозила.

– Стой, Микки, – проговорила она.

Брюнет остановился и развернулся к собеседнице, складывая руки на груди и лёгким кивком показывая, чтобы она говорила.

– Что ты хотела сказать? – поинтересовался он. – Или спросить?

Фин помолчала несколько секунд, видно, подбирая слова, затем ответила:

– Я люблю, как бы это сказать? Веселиться качественно и на полную и так же расслабляться...

Микки вскинул бровь, но ничего не сказал, продолжая внимательно и спокойно смотреть на собеседницу, выслушивая её немного сбивчивую речь.

– Ты имеешь в виду «кайф»? – совершенно равнодушно поинтересовался брюнет.

Было не похоже, что он осуждал это, что успокоило Фин. Выдохнув, она ответила:

– Да, его. И я бы хотела узнать, как ты к этому относишься?

– Я не отношусь к тем, кто это любит или злоупотребляет этим, но я пробовал. Так что, если ты волнуешься, что не сможешь при мне пустить по вене «радость», то можешь расслабиться. Полицию я вызывать не стану, как не буду и нотации тебе читать, а, возможно, даже присоединюсь.

– А как ты узнал, что я говорю про героин? – удивилась Фин.

Микки ничего не ответил, лишь указал кивком на её левую руку, где на сгибе локтя таились тщательно замазанные тональным кремом синяки от уколов. Вот только девушка танцевала и вспотела и потому один синяк «выглянул» из-под слоя маскировки, так идеально подобранной к тону кожи.

– Будь осторожнее, – произнёс Микки, касаясь сгиба локтя девушки и проводя по нежной коже кончиками пальцев.

Клуб они покинули никому и ничего не сказав. Уходить по-английски, скрывшись под покровом ночи, всегда бывает приятно. Около двух ночи пробок на улицах Вены уже не было, потому до особняка Фин, который одиноко расположился за чертой города, они домчались достаточно быстро. Несмотря на публичную профессию и страсть к всякого рода вечеринкам, Фин была человеком диковатым и любила знать, что в её дом, её крепость точно не нагрянет кто-нибудь неожиданный и чужой. Потому ей больше нравилась жизнь за городом, где нет шума большого города и толп его жителей.

Микки прекрасно понимал её желание быть подальше от толпы и разделял его, пусть сам он и жил в самом центре австрийской столицы. Но, в отличие от Фин, брюнет принадлежал к тем знаменитостям, за которыми никто не станет бегать в отчаянном желании получить совместное фото или автограф. Его знали многие, но все предпочитали молчать об этом, дабы не порочить свою репутацию. Но чаще люди знали его детище, бизнес, а его собственное имя оставалось за скобочками известности. Он был серым кардиналом своего дела и из тени управлял им, даря богатым и статным гражданам и гражданкам возможность расслабиться, скинуть маски или, напротив, надеть их, и выпустить на волю своих бесов.

Глава 14

*С восходом солнца
Я отдаляюсь,
Отдаляюсь, и ты чувствуешь это.
С восходом солнца
Я отдаляюсь,
Отдаляюсь, и ты чувствуешь это.*

*Чувствуй!
Tokio Hotel, Feel it all©*

Примерно на середине пути молодые люди замолчали, и так продолжалось до самого дома Фин. Чёрный автомобиль Микки плавно въехал на территорию не слишком большого, но весьма привлекательного особняка, фасад которого был окрашен белым и на его фоне чёрными дырами зияли провалы тёмных окон. Они, подобно пустым глазам живых мертвецов, безмолвно наблюдали за молодыми людьми, которые собирались нарушить их вечный покой, наблюдали и желали испить горячей крови, чтобы вновь, хотя бы на миг, почувствовать себя по-настоящему живыми.

Остановив машину и заглушив двигатель, брюнет покинул салон, после чего открыл пассажирскую дверцу, помогая выйти на улицу и Фин. Девушка не шаталась и глаза её не пытались встретиться на переносице, но, всё же, движения её были несколько неловкими, она определённо выпила лишнего в этот вечер, радуясь тому, что в «сказочном городе» стало на одно увеселительное заведение больше.

Когда девушка поправила помявшееся платье, Микки, молча, подал ей руку, чтобы она не упала по пути к собственному дому, и повёл её к крыльцу. И, когда они дошли до него, парень, также молча, отошёл чуть в сторону, чтобы не загораживать спутнице и без того скудный свет и позволить найти ключи в её маленькой сумочке и открыть входную дверь. Прислонившись к стене дома, парень скрестил руки на груди и чуть прикрыл глаза, смотря куда-то в сторону, в ночь, и терпеливо ожидая, когда Фин отыщет ключи.

Ждать пришлось долго. Но ключи всё-таки нашлись, и дверь была благополучно открыта. Больше ничего не сдерживало молодых людей от того, чтобы переступить порог и, спрятавшись за надёжными стенами, продолжить веселье уже без посторонних.

Не смотря, Фин бросила ключи в вазочку на тумбочке около самой входной двери и сняла туфли, сразу же теряя в росте около двадцати сантиметров.

– Я больше не могу, – как-то жалобно и измучено произнесла девушка, поворачиваясь к Микки и смотря на него.

Её глаза во тьме блестели ещё больше, отражая скудный свет уличного освещения, проникающего в окна.

Было непонятно, к чему были слова Фин: к тому ли, что у неё ноги болят от неудобных туфель и потому она просто не могла не разуться, или к тому, что она чувствует, что умирает без дозы «радости» в своей крови. Микки, в принципе, было всё равно.

– Пойдём наверх? – почему-то спросила Фин, хотя, логичнее было бы произнести данное предложение с утвердительной интонацией, ведь она здесь была хозяйкой и именно она должна была брать на себя ответственность управлять их с гостем перемещением в пространстве.

– Пойдём, – согласился Микки и снял пальто, повесил его на вешалку около двери. – Только скажи, есть ли у тебя вино?

- Да, есть, – кивнула девушка. – А ты хочешь выпить?
- Не отказался бы.
- А почему именно вино?
- Потому что я люблю его, – сухо отозвался парень.

Решив более не расспрашивать Микки об его предпочтениях, Фин тоже сняла пальто и удалилась на кухню, возвращаясь через минуты две с бутылкой вина, штопором и двумя бокалами.

– Пошли наверх, – вновь произнесла она, только в этом раз уже утвердительно, и ступила на первую ступеньку лестницы, поднимаясь на второй этаж.

Микки последовал за ней, и они поднялись на второй этаж дома. Фин не включала света в коридорах, а брюнет этого совсем не требовал. И только тогда, когда они зашли в одну из комнат, девушка щёлкнула выключателем, озаряя помещение мягким приятным светом. Комната оказалась спальней с просторной не застеленной кроватью.

– Извини, – произнесла Фин, бросая взгляд на разобранную постель и бардак на рабочем столе, – я не думала, что у меня будут гости.

- Твой беспорядок меня совершенно не волнует.
- Просто, не хотелось бы, чтобы меня сочли неряхой.
- Мне всё равно. А никому другому я об этом не скажу.

– Это радует, – улыбнулась девушка. – Просто, многие не умеют держать язык за зубами...

– Я умею, поверь мне, – слегка кивнул Микки.

Фин вновь улыбнулась, после чего направилась к кровати. Подойдя к ней, она стянула с себя чулки и, бросив их на постель, села, открывая ящик тумбочки и начиная что-то искать там. Подождав немного, Микки тоже подошёл к кровати и сел на расстоянии полуметра от спутницы, взял в руки её чулок, начиная задумчиво разглядывать, а после намотал его на кулак и потянул, проверяя на прочность.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась Фин, оторвавшись от поиска непонятно чего.

– Пытаюсь занять время, пока ты там роешься, – ровным тоном отозвался Микки. – А, заодно, проверяю, насколько данная деталь женского гардероба прочна, мне это всегда было интересно.

– Если тянуть, как ты делаешь, то очень прочна, если зацепить чем-то острым, то чего-то более хрупкого не найти.

– Буду знать, – хмыкнул Микки и отложил чулок обратно на кровать, аккуратно и ровно раскладывая его.

– А чего ты интересовался прочностью чулок? – с нотками смеха в голосе спросила Фин, вновь склоняясь над ящиком тумбы. – Привязывать кого-то ими собрался?

– Возможно... – задумчиво ответил брюнет и откинулся чуть назад, опираясь на вытянутые руки и чуть прикрывая глаза, смотря на, стоящую на корточках и увлеченную поиском, девушку.

Оторвавшись от поисков, Фин взяла бутылку вина и протянула её Микки, после чего передала ему и штопор. Лёгким движением избавив бутылку от пробки, парень наполнил рубиновым напитком бокал и сделал маленький глоток, смакуя его кисловатые богатые нотки.

Беглым взглядом обведя содержимое тумбочки, в которой рылась девушка, брюнет встал и выудил из её недр маленький пакетик с неприметным содержимым на несколько сотен евро.

– Это ищешь? – поинтересовался Микки.

– Да, – кивнула Фин, забирая пакетик и удивлённо смотря на спутника, который с такой лёгкостью отыскал искомую вещь в её бардаке.

Немного смутившись и крутя в руках пакетик, она опустила взгляд, добавляя:

– В последнее время у меня дома творится настоящий хаос... Ничего не могу найти.

А времени на уборку нет.

– Так, почему не наймёшь домработницу? – поинтересовался Микки, делая глоток вина и вновь садясь, закидывая ногу на ногу и внимательно смотря на девушку.

– Я не люблю, когда по моему дому ходят чужие...

– Любишь одиночество?

– Можно сказать и так.

– Тогда, – брюнет медлил со словами, рассматривая рубиновые переливы в своём бокале, – почему ты пригласила меня сюда?

– Иногда одиночество надоедает, – пожала плечами Фин и, захлопнув дверцу тумбочки, тоже села на кровать.

Ничего не сказав в ответ, Микки встал и, поставив бокал на тумбочку, молча, удалился из комнаты. Преодолев несколько метров тёмного коридора, парень зашёл в ванную комнату, так легко находя её, будто уже был в этом особнячке и не раз. Подойдя к шкафчику недалеко от двери, Микки открыл его и достал два шприца, после чего вернулся в спальню.

– Думаю, теперь бы ты стала искать это, – произнёс брюнет, подходя к кровати и бросая на неё шприцы. – Так что, я решил облегчить тебе участь.

Фин взяла шприцы в руки и вновь непонимающе взглянула на спутника. Откуда он мог знать, что она хранит шприцы в ванной и именно в том шкафчике? Всё просто – он не знал. Сам бы Микки не стал хранить подобные вещи в ванной комнате, но сейчас он просто знал, что они должны лежать именно там. Он неплохо умел предугадывать действия людей и понимать их персональную психологию.

– Спасибо, – с некоторым опозданием кивнула Фин, неровными движениями разрывая упаковку одного шприца.

– Ломка? – поинтересовался брюнет, сделав маленький глоток вина. Он остался стоять.

– Просто нервы.

– Это почти то же самое, – хмыкнул парень. – Но нервничать не стоит, это для здоровья вредно.

Фин вновь взглянула на него. Всё-таки, он был невероятно странным и слишком спокойным. И спокойствие его, с одной стороны, передавалось и ей, проходя волнами сквозь тело, но, с другой, оно вгоняло в состояние некой неосознанной тревоги.

Отбросив лишние размышления, мотнув головой, Фин наконец-то расправилась с упаковкой шприца и, освободив его от её плена, обратилась к Микки:

– Одолжишь мне ремень или взять свой?

– Одолжу, – пожал плечами Микки. – Почему бы и нет?

– Тогда, – произнесла девушка, – пошли.

Она встала и, наполнив свой бокал вином и быстро осушив его, направилась к дверям. Микки последовал за ней. Он не знал, куда они шли, но неизвестность не пугала и даже не волновала. Его состояние в этот вечер, в эту ночь, было слишком ровным, чтобы нечто смогло выбить его из колеи.

Зайдя в ванную комнату и включив там свет, Фин прошла на середину помещения и обернулась на Микки. Она обратилась к нему:

– Не подумай только, что я немного того, но мне нравится «ловить кайф» в ванной. Это совершенно особенные эмоции и ни на что не похожие ощущения.

– А почему я должен подумать, что ты не в себе? – поинтересовался брюнет, вскидывая бровь, но ответа дожидаться не стал и продолжил: – Каждый вправе развлекаться так, как ему нравится. Так что, если ты хочешь принять дозу в горячей ванне, то я не стану осуждать тебя и говорить, что это странно.

– Это хорошо, – слегка улыбнулась Фин и включила воду, наполняя ванну. – Просто, у меня был парень, который говорил, что так делать нельзя.

– Я так не скажу, – ровным тоном ответил Микки и, отпив ещё вина и оставив его плоток на дне бокала, поставил бокал на стиральную машинку.

Подойдя к девушке так тихо, что она совсем не заметила его приближения, парень легко тронул её за бок, проводя по нему кончиками пальцев. Фин вздрогнула и обернулась, хлопая своими огромными серыми глазами и смотря на Микки.

– Позволишь мне составить тебе компанию? – понизив тон, спросил брюнет.

Фин широко улыбнулась и кивнула, после чего ответила:

– Конечно, – ещё одна улыбка. – Конечно, ванна у меня стандартная, но, думаю, мы в ней поместимся.

– Да, нас обоих никак нельзя назвать толстыми. А ноги я подогну.

В самом деле, при росте Микки нормально разместиться, лечь в стандартной ванне ему не представлялось возможным.

Ещё раз бегло улыбнувшись, Фин сунула руку в воду, проверяя её температуру, а после закрыла кран. Заведя руки за спину, она пыталась расстегнуть молнию на своём белом платье, но она заклинила и у Фин ничего не получилось. Придя на помощь спутнице, Микки ловко выудил из стальных челюстей молнии ткань платья, застрявшую в ней, и расстегнул.

– Спасибо, – вновь поблагодарила парня девушка, оборачиваясь через плечо. – У меня часто случается такое, что молния заклинивает, потому что в неё попадает ткань.

– Пожалуйста, – отозвался Микки и, отступив чуть назад, начал расстегивать пуговицы на своей рубашке.

Расправившись с этим, брюнет снял вещь и отложил её на вешалку, после чего вытянул из джинсов кожаный ремень и положил его на бортик ванны, снял штаны. Фин в это время спустила с плеч платье, которое лёгкой невесомой тканью соскользнуло вниз, задерживаясь лишь на не слишком крутых бёдрах. Сняв вещь полностью и положив её на вешалку-сушилку, девушка сняла белый кружевной бюстгалтер и такие же белые трусики и, не оборачиваясь, переступила бортик ванны и опустилась в воду.

Сняв последнюю деталь одежды – трусы, Микки также забрался в ванную и сел. Не слишком горячая вода тут же окутала тело и захватила его в свои расслабляющие объятия.

«В самом деле, приятно», – отметил про себя брюнет. Сам он не имел привычки лежать в ванне.

Фин минуты две просто полежала, позволяя тёплой воде сделать своё дело, расслабить мышцы, а затем потянулась к ещё одному шкафчику, что располагался прямо рядом с ванной, и достала оттуда ложку, зажигалку, вату и антисептик.

– Меры предосторожности? – усмехнулся Микки, наблюдая за спутницей. – Одобряю.

– Да, мне тоже кажется, что так делать правильнее, – кивнула девушка.

Подготовив всё необходимое, Фин несколько раз щёлкнула зажигалкой, но она выплёвывала в воздух лишь искры и не желала давать ей огонь. Пронаблюдав за потугами девушки какое-то время, Микки вышел из ванны и, взяв зажигалку из кармана своих штанов, протянул её Фин, после чего вернулся в воду, удобно устраиваясь и прикрывая глаза, смотря на спутницу из-под полуопущенных ресниц.

– Спасибо, – в который раз произнесла девушка, щёлкая зажигалкой и поднося её огонёк к ложке, плавя её содержимое.

– Может быть, помочь?

– Нет, спасибо, я справлюсь сама.

Слегка кивнув в ответ, Микки отвернул голову, какое-то время смотря в кафельную стену, а затем вновь возвращая взгляд к новой знакомой, глаза которой сверкали в предвкушении «радости».

Когда всё было готово, Фин взяла ремень. Микки, ничего не говоря, сел ближе к ней и, взяв из её рук ремень, самостоятельно перетянул руку девушки повыше локтя.

Он безмолвно и как-то отстранённо наблюдал за тем, как тонкая игла протыкала нежную кожу Фин, и, как шприц наполнялся её тёмно-алой кровью, которую вот-вот должны были смешать с наркотиком и, вновь впрыснув в вену, отравить всё тело.

Когда всё было закончено, Фин бросила шприц в урну, промахнувшись мимо неё, и протянула Микки руку, чтобы он развязал свой прочный узел. Получив свободу, чувствуя, как «радость» разносится по крупным венам и самым мелким сосудам, девушка удовлетворённо и расслабленно улыбнулась и прилегла, кладя голову на бортик ванны, размещая ноги по бокам от бёдер Микки, чтобы не слишком мешать ему и стеснять.

Проделав всё то же, что делала Фин, только приняв дозу в десять раз меньшую, чем она, Микки, также, освободил руку от плена импровизированного жгута и, отложив его на бортик, прилёг. По венам стремительно и незаметно бежал дурманящий яд, замедляя ритм сердца, но делая его удары более мощными.

– Правда, здорово? – поинтересовалась Фин.

– Да, неплохо, – ответил Микки и чуть сменил положение, размещая ноги удобнее.

Подумав, что её ноги мешают парню, Фин сначала поджала их, но в такой позе было совсем неудобно сидеть – ступни скользили по дну ванны, а затем положила их на Микки. Ощущая босыми ступнями живот парня, в который она ими упиралась, Фин пошевелила пальчиками на ногах, будто пытаясь пощекотать, а затем так по-детски рассмеялась.

Брюнет приподнял уголки губ, слегка улыбаясь-ухмыляясь на пьяное ребячество своей спутницы, и положил ладони на её тонкие лодыжки, провёл вверх, до колен и скользнул под них, отчего у девушки по коже побежали мурашки, и она даже вздрогнула. Не убирая рук, продолжая почти невесомо поглаживать нежную кожу под коленями Фин, Микки смотрел на неё из-под опущенных ресниц, смотрел прямо в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.